

THE WORLD OF ACADEMIA:

CULTURE, EDUCATION

2021
№ 5

THE WORLD OF ACADEMIA: CULTURE, EDUCATION

Registration number: ЭП № ФС77-73671 dd. 28.09.2018.

Up to 28 September, 2018 the Journal was called
"News of Southern Federal University. Pedagogical Science". ISSN: 2658-6983.
The Journal has been published since 1 June, 2007.

Founders:

Southern Federal University
Volga-Caucasian Department of the Russian Academy of Education

Editor in Chief

I.E. Kulikovskaya – Doctor of Pedagogics (habil.), professor, head of Pre-school Education dpt. of Southern Federal University, Head of South-Russian Research and Educational Centre of Spiritually-Moral Education of Children and Youth of Southern Federal University

Deputy Chief Editors

G.A. Berulava – Psychology Doctor (habil.), professor, academician of RAE, Rector of International Innovation University

V.I. Mareev – Doctor of Pedagogics (habil.), professor, Advisor of the Rector of Southern Federal University

International Editorial Board

I.V. Abakumova – Psychology Doctor (habil.), professor, correspondent member of RAE, Don State Technical University (Russia)

A.Yu. Belogurov – Doctor of Pedagogics (habil.), professor, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Russia)

S.I. Beryl – Physical and Mathematical Sciences Doctor (habil.), professor, Pridnestrovian State University named after T.G. Shevchenko (Pridnestrovian Moldavian Republic)

N.M. Borytko – Doctor of Pedagogics (habil.), professor, Volgograd State University (Russia)

N.N. Veresov – Philosophy Doctor (habil.), professor, Monash University (Australia)

A.Ya. Danilyuk – Doctor of Pedagogics (habil.), professor, corresponding member of RAE, Moscow Pedagogical State University (Russia)

P.N. Ermakov – Biology Doctor (habil.), professor, academician of RAE, Southern Federal University (Russia)

A.K. Kiklevich – Philology Doctor (habil.), professor, University of Warmia and Mazury (Poland)

M.V. Korepanova – Doctor of Pedagogics (habil.), professor, Volgograd State Social and Pedagogical University (Russia)

I.B. Kotova – Psychology Doctor (habil.), professor, corresponding member of RAE, International Innovative University (Russia)

V.T. Kudryavtsev – Psychology Doctor (habil.), professor, Moscow State Psychological and Pedagogical University (Russia)

A.K. Kusainov – Doctor-engineer of Germany, Pedagogics Doctor (habil.), professor, winner of the State Award of the Republic of Kazakhstan, president of Academy of Pedagogical Sciences of Kazakhstan (Kazakhstan)

O.A. Omarov – Physical and Mathematical Sciences Doctor (habil.), professor, academician of RAE, Dagestan State University (Russia)

I.V. Robert – Doctor of Pedagogics (habil.), professor, academician of RAE, Institute of Education Management of RAE (Russia)

A.I. Savenkov – Doctor of Pedagogics (habil.), Psychology Doctor (habil.), corresponding member of RAE, Moscow City Pedagogical University (Russia)

N.K. Sergeyev – Doctor of Pedagogics (habil.), professor, academician of RAE, Volgograd State Social and Pedagogical University (Russia)

V.V. Serikov – Doctor of Pedagogics (habil.), professor, corresponding member of RAE, Institute of Strategy of Education Development of RAE (Russia)

Editorial Board

A.A. Andrienko – Candidate of Philology (PhD equivalent), associate professor (Rostov-on-Don)

A.G. Bermus – Doctor of Pedagogics (habil.), professor (Rostov-on-Don)

V.I. Bondin – Doctor of Pedagogics (habil.), professor (Rostov-on-Don)

T.I. Vlasova – Doctor of Pedagogics (habil.), professor (Rostov-on-Don)

L.V. Goryunova – Doctor of Pedagogics (habil.), professor (Rostov-on-Don)

N.K. Karpova – Doctor of Pedagogics (habil.), professor (Rostov-on-Don)

G.V. Karantysh – Biology Doctor (habil.), associate professor (Rostov-on-Don)

A.M. Mendzheritsky – Biology Doctor (habil.), professor (Rostov-on-Don)

P.P. Pivnenko – Doctor of Pedagogics (habil.), professor (Rostov-on-Don)

E.I. Rogov – Doctor of Pedagogics (habil.), professor (Rostov-on-Don)

O.D. Fedotova – Doctor of Pedagogics (habil.), professor (Rostov-on-Don)

R.M. Chumicheva – Doctor of Pedagogics (habil.), professor (Rostov-on-Don)

**The Journal is included in the List of Russian peer-reviewed scientific journals
where main scientific results of theses for Degrees of Candidate of Science
and Doctor of Science should be published
(Date of inclusion edition in the List 01.12.2015, № 678)**

МИР УНИВЕРСИТЕТСКОЙ НАУКИ:

КУЛЬТУРА, ОБРАЗОВАНИЕ

**2021
№ 5**

МИР УНИВЕРСИТЕТСКОЙ НАУКИ: КУЛЬТУРА, ОБРАЗОВАНИЕ

Регистрационный номер: ЭЛ № ФС77-73671 от 28.09.2018.

До 28 сентября 2018 г. журнал назывался
«Известия Южного федерального университета. Педагогические науки». ISSN: 2658-6983.
Журнал издается с 1 июня 2007 г.

Учредители:

Южный федеральный университет
Поволжско-Кавказское отделение Российской академии образования

Главный редактор

Куликовская Ирина Эдуардовна – доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой дошкольного образования Южного федерального университета, директор Южно-Российского научно-образовательного центра духовно-нравственного воспитания детей и молодежи ЮФУ

Заместители главного редактора

Берулава Галина Алексеевна – доктор психологических наук, профессор, академик РАО, ректор Международного инновационного университета

Мареев Владимир Иванович – доктор педагогических наук, профессор, советник ректора Южного федерального университета

Международная редакционная коллегия

Абакумова Ирина Владимировна – доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО, Донской государственный технический университет (Россия)

Белогуров Анатолий Юльевич – доктор педагогических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (Россия)

Берил Степан Иорданович – доктор физико-математических наук, профессор, Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко (Приднестровская Молдавская Республика)

Борытко Николай Михайлович – доктор педагогических наук, профессор, Волгоградский государственный университет (Россия)

Вересов Николай Николаевич – доктор философских наук, профессор, Университет Монаш (Австралия)

Данилюк Александр Ярославович – доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО, Московский педагогический государственный университет (Россия)

Ермаков Павел Николаевич – доктор биологических наук, профессор, академик РАО, Южный федеральный университет (Россия)

Киклевич Александр Константинович – доктор филологических наук, профессор, Варминско-Мазурский университет (Польша)

Корепанова Марина Васильевна – доктор педагогических наук, профессор, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Россия)

Котова Изабела Борисовна – доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО, Международный инновационный университет (Россия)

Кудрявцев Владимир Товиевич – доктор психологических наук, профессор, Московский государственный психолого-педагогический университет (Россия)

Кусаинов Аскарбек Кабыкенович – доктор-инженер Германии, доктор педагогических наук, профессор, лауреат Государственной премии Республики Казахстан, президент Академии педагогических наук Казахстана (Казахстан)

Омаров Омар Алиевич – доктор физико-математических наук, профессор, академик РАО, Дагестанский государственный университет (Россия)

Роберт Ирэна Веньяминовна – доктор педагогических наук, профессор, академик РАО, Институт управления образованием РАО (Россия)

Савенков Александр Ильич – доктор педагогических наук, доктор психологических наук, член-корреспондент РАО, Московский городской педагогический университет (Россия)

Сергеев Николай Константинович – доктор педагогических наук, профессор, академик РАО, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Россия)

Серигов Владислав Владиславович – доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО, Институт стратегии развития образования РАО (Россия)

Редакционный совет

Андриенко Анна Александровна – кандидат филологических наук, доцент (Ростов-на-Дону)

Бермус Александр Григорьевич – доктор педагогических наук, профессор (Ростов-на-Дону)

Бондин Виктор Иванович – доктор педагогических наук, профессор (Ростов-на-Дону)

Власова Татьяна Ивановна – доктор педагогических наук, профессор (Ростов-на-Дону)

Горюнова Лилия Васильевна – доктор педагогических наук, профессор (Ростов-на-Дону)

Карпова Наталья Константиновна – доктор педагогических наук, профессор (Ростов-на-Дону)

Карантыш Галина Владимировна – доктор биологических наук, доцент (Ростов-на-Дону)

Менджерский Александр Маркович – доктор биологических наук, профессор (Ростов-на-Дону)

Пивненко Петр Петрович – доктор педагогических наук, профессор (Ростов-на-Дону)

Рогов Евгений Иванович – доктор педагогических наук, профессор (Ростов-на-Дону)

Федотова Ольга Дмитриевна – доктор педагогических наук, профессор (Ростов-на-Дону)

Чумичева Раиса Михайловна – доктор педагогических наук, профессор (Ростов-на-Дону)

Журнал включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук
(дата включения издания в перечень 01.12.2015, № 678)

ОБЩАЯ ПЕДАГОГИКА, ИСТОРИЯ ПЕДАГОГИКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Куликовская И.Э., Князева Л.В.

КОЛЛАБОРАТИВНОЕ ОБУЧЕНИЕ ДЕТЕЙ В ДОШКОЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ: ПРОСТРАНСТВО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ.....	19
--	----

Чумичева Р.М., Штайдо Т.С., Беспалая В.А.

ИНТЕГРАТИВНЫЙ ПОДХОД В УКРЕПЛЕНИИ ЗДОРОВЬЯ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА В ДОШКОЛЬНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ.....	28
--	----

Шостак Е.В., Донской Д.Ю.

ПРИМЕНЕНИЕ ПРОЕКТНО-ИЗОБРЕТАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РАЗВИТИИ ТВОРЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ ОБУЧАЮЩИХСЯ ТЕХНОПАРКОВ	35
--	----

КОРРЕКЦИОННАЯ ПЕДАГОГИКА

Колодяжная Т.П., Березовская Р.В., Вихарева М.Б., Малова Л.В., Рыбалко В.Е.

ПРОФИЛАКТИКА ДИСТРАФИИ У ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА	43
--	----

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ, СПОРТИВНОЙ ТРЕНИРОВКИ, ОЗДОРОВИТЕЛЬНОЙ И АДАПТИВНОЙ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Наумов И.В.

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СПОРТ КАК УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА СТУДЕНТОВ	51
--	----

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Цянь Мэнсинь, Романенко Н.М.

СПЕЦИФИКА И ТЕНДЕНЦИИ ПОДГОТОВКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КАДРОВ В ВУЗАХ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ	63
---	----

Толстихина Е.В.

РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА И SOFT SKILLS СТУДЕНТОВ ВУЗОВ СРЕДСТВАМИ ВИРТУАЛЬНОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ (В КУРСЕ ДИСЦИПЛИНЫ «ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК (АНГЛИЙСКИЙ)»)	72
---	----

Сагайдачная Е.Н., Мартыненко Е.В.

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ В МАГИСТРАТУРЕ В ОНЛАЙН-РЕЖИМЕ	79
--	----

Мартыненко Е.В.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОНЛАЙН-ОБРАЗОВАНИЯ	85
---	----

Натуркач М.В.

МЕДИАДИСКУРС В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ И НЕОБХОДИМОСТЬ РАЗВИТИЯ МЕДИАДИСКУРСИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ.....	90
---	----

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

Abakumova I.V., Godunov M.V., Grishina A.V.

STAGES IN MAKING A CHOICE OF MEANING	103
--	-----

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Гадаборшева З.И., Рогов Е.И.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ДИСТАНЦИОННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	109
---	-----

НАШИ АВТОРЫ	120
-------------------	-----

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА «Мир университетской науки: культура, образование».....	125
--	-----

GENERAL PEDAGOGICS; THE HISTORY OF PEDAGOGICS AND EDUCATION

Kulikovskaya Irina E., Knyazeva Lyudmila V. TEACHING CHILDREN COLLABORATIVELY IN A PRESCHOOL ORGANIZATION: SPACE FOR INTERACTION.....	19
Chumicheva Raisa M., Shtaydo Tatiana S., Beshpalaya Vera A. INTEGRATIVE APPROACH TO IMPROVING THE HEALTH OF CHILDREN IN A PRESCHOOL EDUCATIONAL ORGANIZATION	28
Shostak Egor V., Donskoy Dmitry Yu. APPLICATION OF PROJECT-BASED AND INVENTIVE ACTIVITY IN DEVELOPMENT OF CREATIVE THINKING OF TECHNOPARK STUDENTS.....	35

CORRECTIONAL PEDAGOGY

Kolodyazhnaya Tatiana P., Berezovskaya Regina V., Vikhareva Maria B., Malova Lilia V., Rybalko Victoria E. PREVENTION OF DISGRAPHY IN CHILDREN OF PRIMARY SCHOOL AGE	43
--	----

**THEORY AND METHODS OF PHYSICAL EDUCATION, SPORTS TRAINING,
HEALTH-IMPROVING AND ADAPTIVE PHYSICAL CULTURE**

Naumov Igor V. PHYSICAL CULTURE AND SPORTS AS A CONDITION FOR DEVELOPING STUDENTS' HUMAN CAPITAL	51
---	----

THEORY AND METHODS OF PROFESSIONAL EDUCATION

Qian Mengxin, Romanenko Nadezhda M. SPECIFICS AND TRENDS OF PROFESSIONAL PERSONNEL TRAINING AT UNIVERSITIES OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA	63
Tolstikhina Elena V. DEVELOPMENT OF HUMAN CAPITAL AND SOFT SKILLS OF UNIVERSITY STUDENTS BY MEANS OF VIRTUAL INTERNATIONAL ACADEMIC MOBILITY (WITHIN THE COURSE «FOREIGN LANGUAGE -ENGLISH»)	72
Sagaidachnaya Elizaveta N., Martynenko Elena V. ON SOME FEATURES OF TEACHING MASTER'S DEGREE STUDENTS IN ECONOMICS IN THE ONLINE MODE.....	79
Martynenko Elena V. SOME PROBLEMS OF ONLINE EDUCATION	85
Naturkach Mikhail V. MEDIA DISCOURSE IN THE INFORMATION SPACE AND THE NEED TO DEVELOP STUDENTS' MEDIA DISCOURSE COMPETENCE.....	90

GENERAL PSYCHOLOGY, PERSONAL PSYCHOLOGY AND THE HISTORY OF PSYCHOLOGY

Abakumova Irina V., Godunov Mikhail V., Grishina Anastasia V. STAGES IN MAKING A CHOICE OF MEANING	103
--	-----

PEDAGOGICAL PSYCHOLOGY

Gadaborsheva Zarina I., Rogov Evgeniy I. TRANSFORMATION OF PROFESSIONAL IDEAS IN THE CONTEXT OF REMOTE ACTIVITY	109
OUR AUTHORS	120

**Абакумова Ирина Владимировна,
Годунов Михаил Викторович,
Гришина Анастасия Васильевна**

ЭТАПЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ СМЫСЛОВОГО ВЫБОРА

Рассматривается психологическая проблематика смыслового выбора, который не является классическим случаем логического выбора. В основе смыслового выбора лежит механизм генерации личностного смысла, учитывающего разноуровневые контексты субъекта жизнедеятельности. В этом отличие от операционального смысла, являющегося формальным образом ситуационного реагирования и психического отражения во взаимодействиях. Этапы осуществления смыслового выбора включают децентрацию смыслов, генерализацию смыслов и инициацию смыслов. Смысловая децентрация представляется этапом зарождения личностного смысла на периферии смысловой системы переживающего субъекта. В ходе смысловой генерализации происходит выделение личностного смысла и перевод его на субъективно значимые позиции среди имеющихся смысловых образований. На этапе смысловой инициации осуществляется оценивающий выбор среди значимых смысловых конструкторов, проводимый по иерархии внутренних критериев. Знание особенностей этапов смыслового выбора позволяет более качественно исследовать смысловую регуляцию деятельности современного человека.

**Гадаборшева Зарина Исраиловна,
Рогов Евгений Иванович**

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ДИСТАНЦИОННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Цифровизация современного мира, ведущая к постоянному увеличению числа сотрудников различных организаций, выполняющих свои функции удаленно, воспринимается большинством аналитиков как однозначно положительная трансформация, способствующая прогрессу социума. В то же время проблема отражения данного процесса на становлении внутреннего мира субъекта деятельности, анализ дальнейших перспектив развития его профессионализма остаются малоисследованными. В данной работе рассматриваются особенности профессиональных представлений как индикаторов профессионализма в условиях дистанционной организации профессиональной деятельности. Дистанционная организация труда порождает многочисленные модификации в современной профессиональной деятельности, изменяя сложившиеся отношения, профессиональные установки людей, перешедших на «удаленную» работу. Их взгляды и предпочтения существенно отличаются от таковых у их предшественников, так как погружение в виртуальную среду устраняет подлинную, изначально данной природой пространственную границу реальности. Многие источники отражают, с одной стороны, тенденцию к снижению интенсивности взаимодействия людей из-за расширения их общения с различными виртуальными собеседниками, а с другой – поиск различных средств визуализации для создания адекватных образов в сознании этих собеседников. Так, передача эмоциональных состояний визуализировалась в различных графических объектах. Показано, что воссоздание профессиональных представлений субъекта определяется сформированными у него ранее установками и стереотипами, особенностями стиля виртуальной идентичности, уровнем сетевого подражания и аддикции, эмпатическими тенденциями и особенностями рефлексивных механизмов.

**Колодяжная Татьяна Павловна,
Березовская Регина Васильевна,
Вихарева Мария Борисовна,
Малова Лилия Владимировна,
Рыбалко Виктория Евгеньевна**

**ПРОФИЛАКТИКА ДИСГРАФИИ
У ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО
ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА**

В статье представлен анализ теоретических и практических исследований по изучению проблемы профилактики дисграфии у младших школьников. Авторами рассматриваются возможности и принципиальное отличие нейропсихологического подхода в работе по предупреждению дисграфии у младших школьников. Также освещен вопрос о возможностях и преимуществах IT-технологий. Представлено описание логопедической программы коррекционно-развивающей и профилактической направленности.

**Куликовская Ирина Эдуардовна,
Князева Людмила Вячеславовна**

**КОЛЛАБОРАТИВНОЕ ОБУЧЕНИЕ ДЕТЕЙ
В ДОШКОЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ:
ПРОСТРАНСТВО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**

В статье раскрыта актуальность организации коллаборативного обучения детей, связанная с изменениями мирового образовательного пространства. Формируется новая стратегия образования в соответствии с реалиями современного общества, такими как становление VUCA-мира, основными характеристиками которого являются нестабильность, неопределенность, сложность и неоднозначность. В таком мире значимой ценностью становится образование в течение всей жизни, а значит, необходимо постоянно учиться чему-то новому. Авторы рассматривают навыки XXI в., такие как умение критически мыслить, вступать в коммуникации, коллаборации и креативно решать возникающие перед человеком задачи. Эти 4К-компетенции начинают формироваться уже в дошкольном возрасте. Акцент сделан на коллаборативном обучении детей, так как в нем, в отличие от индивидуального обучения, все участники делятся своими ресурсами и находками, спрашивают друг друга, отслеживают ход и результаты деятельности другого. Каждый обучающийся становится успешным членом сообщества, ориентированного на познание какой-либо сферы жизни и достижение продуктивного результата. В статье представлена авторская модель, нацеленная на организацию совместной деятельности дошкольников и педагогов по овладению компетенциями, приобретению опыта деятельности, применения знаний в повседневной жизни и формированию у них мотивации познания окружающего мира в процессе активного поиска информации, обсуждения и понимания смыслов.

Мартыненко Елена Владимировна

**НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ОНЛАЙН-ОБРАЗОВАНИЯ**

В статье обозначены и проанализированы некоторые проблемы онлайн-образования. Рассмотрены проблемы в терминологии онлайн-образования и возможные риски, стоящие за онлайн-формой. Отдельное внимание сфокусировано на высшем образовании и проблемах онлайн-обучения в его рамках. Проведен опрос студентов второго курса, выявляющий их отношение к онлайн-образованию, а также приведен список проблем, с которыми студенты столкнулись при онлайн-обучении, полученный в ходе исследования. При анализе результатов исследования применялся метод статистического анализа количественных и процентных характеристик.

Натуркач Михаил Васильевич

**МЕДИАДИСКУРС В ИНФОРМАЦИОННОМ
ПРОСТРАНСТВЕ И НЕОБХОДИМОСТЬ
РАЗВИТИЯ МЕДИАДИСКУРСИВНОЙ
КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ**

В статье автор определяет место медиадискурса в современном информационном пространстве, указывая его постоянное влияние на содержание жизнедеятельности общества, власти и граждан. Методологически рассмотрены термины «информационное пространство», «информационное общество», «медиадискурс», история их возникновения и результат научного осмысления. Употребление данных терминов началось еще в 1960-х гг. в японских и американских исследованиях, посвященных выявлению роли знаний в прогрессе человечества (Ю. Хаяши, Т. Умесао и Ф. Махлуп). Информационное пространство, в ходе освоения которого формируется медиадискурсивная компетентность, автор представляет в качестве совокупности информационных ресурсов, информационных систем и коммуникационной среды (каналов). Явление медиадискурса нацеливает вузы и институты на развитие у студентов медиадискурсивной компетенции. Автором сделан хороший задел и создана содержательная база для формирования медиадискурсивной компетентности личности. В заключение указано, что информационное пространство несет крайне важную функциональную нагрузку, формируя медиадискурсивную компетентность личности.

Наумов Игорь Владимирович

**ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СПОРТ
КАК УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА СТУДЕНТОВ**

В статье рассматривается роль физической активности в процессе формирования человеческого капитала студентов вуза средствами образования. Анализ эмоционального опыта студентов во время занятий физической культурой и спортом основан на теории контрольной ценности эмоций достижения. Цель исследования состояла в проверке предположения о том, что специально созданные условия для занятий физической культурой и спортом могут позитивно повлиять на формирование человеческого капитала студентов. Исследование базировалось на оценке эмоций контроля и достижений студентов Южного федерального университета, пережитых ими в курсе дисциплины «Физическая культура и спорт». Результаты показали, что, в частности, положительные аффекты физической активности студентов могут предсказывать эффективность их академического поведения и результатов.

**Сагайдачная Елизавета Николаевна,
Мартыненко Елена Владимировна**

**О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ
ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ
ЭКОНОМИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ
В МАГИСТРАТУРЕ В ОНЛАЙН-РЕЖИМЕ**

Цифровизация обучения не только показала проблемные моменты современного образования, но и открыла новые возможности использования цифрового обучения, в частности обучения в магистратуре в онлайн-режиме, что является крайне значимым на фоне пандемии, при снижении общего числа обучающихся, сбоях в обучении по всему миру. Современная образовательная траектория призвана готовить студентов к гибкости в получении новых знаний и умений, в смене профессиональной деятельности, открывая «цифровым аборигенам» новое поле деятельности. В работе рассмотрены некоторые особенности новой образовательной парадигмы, в частности изменение роли преподавателя в новой цифровой среде. Целью исследования было выявление потенциальных

студентов онлайн-магистратуры, а также обобщение личностных оценочных суждений студентов об онлайн-обучении в магистратуре. Проведенный опрос 100 студентов экономических специальностей «Менеджмент и предпринимательство», «Экономика и финансы» выявил две основные группы потенциальных студентов магистратуры: студенты-бакалавры и работающие молодые люди. Был отмечен ведущий тип мотивации этой группы потенциальных магистрантов – мотивация личного престижа. Результаты данного исследования могут оказаться полезными методистам, педагогам, руководителям в области высшего образования как опора при создании успешных онлайн-курсов для магистратуры экономических специальностей.

Толстихина Елена Владимировна

**РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО
КАПИТАЛА И SOFT SKILLS СТУДЕНТОВ
ВУЗОВ СРЕДСТВАМИ ВИРТУАЛЬНОЙ
МЕЖДУНАРОДНОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ
МОБИЛЬНОСТИ (В КУРСЕ ДИСЦИПЛИНЫ
«ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК (АНГЛИЙСКИЙ)»)**

В ответ на вызовы 2020–2021 гг. образование претерпевает трансформации форм и содержания обучения в стремлении сохранить качество развития человеческого капитала студентов. Одна из сложностей, с которыми столкнулись все высшие учебные заведения, – сохранение международной академической мобильности студентов как способа развития soft skills и коммуникативного навыка. В статье обсуждается опыт Южного федерального университета по внедрению смешанного формата обучения с применением международной виртуальной, или онлайн-мобильности студентов в рамках курса «Иностранный язык (английский)», связанного с развитием человеческого капитала студентов и коммуникативной компетенции. Теория человеческого капитала выступает ключевой в определении образовательных целей, а уровень владения английским языком определяется как необходимый для развития soft skills XXI в. Также приводятся результаты академических достижений студентов после обучения в смешанном формате.

**Цянь Мэнсинь,
Романенко Надежда Михайловна**

**СПЕЦИФИКА И ТЕНДЕНЦИИ ПОДГОТОВКИ
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КАДРОВ В ВУЗАХ
КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ**

В статье авторы представили анализ специфики и тенденций подготовки профессиональных кадров в вузах Китайской Народной Республики. Идет разговор о становлении национальной системы подготовки профессиональных кадров в учебных заведениях Китая, который прошел, по сути, уникальный путь. Проанализированы и учтены многообразные аспекты профессиональной подготовки. Определены причины, требующие устранения в системе профессиональной подготовки Китая. Авторы отмечают 2015 г. как новый этап модернизации и реформирования высшего образования в КНР, когда заработал государственный проект «Университеты и дисциплины мирового класса» (шуан-и-лю, «Дважды первых»), ставящий перед собой амбициозную цель – вывести китайское высшее образование к 2050 г. на позиции безусловного мирового лидера. В статье подробно описаны формы производственно-образовательного и научного партнерства: научные парки (технопарки) при университетах, совместные исследовательские и технологические центры, предприятия, созданные университетами. В рамках исследуемой проблемы в контексте проекта «Один пояс – один путь» авторы отмечают проводимую в последнее время китайским правительством в области образования политику сохранения и привлечения внимания к профессиональному культурному наследию.

**Чумичева Раиса Михайловна,
Штайдо Татьяна Сергеевна,
Беспалая Вера Александровна**

**ИНТЕГРАТИВНЫЙ ПОДХОД
В УКРЕПЛЕНИИ ЗДОРОВЬЯ ДЕТЕЙ
ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА
В ДОШКОЛЬНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ**

Статья посвящена внедрению интегративного подхода в практику дошкольных образовательных учреждений с целью создания в них здоровьесберегающего образовательного пространства. Для этого, по мнению авторов, дошкольная педагогика должна объединить под одной крышей педагогику, медицину и психологию. Представлены результаты проведения оздоровительной программы «За здоровьем в детский сад», демонстрирующие положительный эффект в деле формирования нового направления в дошкольном образовании – здоровьесозидающей педагогики.

**Шостак Егор Валерьевич,
Донской Дмитрий Юрьевич**

**ПРИМЕНЕНИЕ ПРОЕКТНО-
ИЗОБРЕТАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В РАЗВИТИИ ТВОРЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ
ОБУЧАЮЩИХСЯ ТЕХНОПАРКОВ**

В статье рассмотрено становление проектно-изобретательской деятельности в мировом и отечественном образовании. Описана значимость развития технического творчества в условиях дополнительного образования. Обосновывается применение проектно-изобретательской деятельности в развитии творческого мышления обучающихся в дополнительном образовании на примере использования программы «Аэроквантум» (дроностроение и дронопроектирование). Описывается разработанная методика, направленная на формирование универсальных и предметных компетенции и ориентированная на расширение образованности и кругозора обучающегося, с включением проектно-изобретательной деятельности со всеми стадиями ее реализации – от зарождения идеи до воплощения ее в действительность. Описывается экспериментальная программа, разработанная на модульной основе. Итоговая цель данного исследования – сформировать у обучающихся универсальные и предметные компетенции по основным направлениям: программирование микроконтроллеров, летная эксплуатация беспилотных авиационных систем и др. В результате педагогического эксперимента на данном этапе решены следующие задачи: разработан, с последующим апробированием, проект по направлению «Дроностроение» с использованием программы «Аэроквантум»; рассмотрена актуальность освоения технологии обучения проектно-изобретательской деятельности в проектной группе, основная идея которой заключается в самостоятельном распределении роли обучающегося и функционала его в команде.

**Abakumova Irina V., Godunov Mikhail V.,
Grishina Anastasia V.**

STAGES IN MAKING A CHOICE OF MEANING

Key words: meaning, choice of meaning, meaning decentralization, meaning generalization, meaning initiation.

The article deals with certain psychological problems of choice of meaning which does not refer to a classical case of logical choice. The choice of meaning is based on the mechanism of generating personal senses, taking into account the multi-level contexts of the subject of life. It differs from the operational sense which is a formal image of situational response and mental reflection in interactions. The stages of making a meaning choice include decentralization, generalization and initiation of meanings. Decentralization is represented as a stage of the origin of personal senses on the periphery of the semantic system of the experiencing subject. In the course of meaning generalization, personal meaning is isolated and transferred to subjectively significant positions among the existing sense-making formations. The evaluative choice is made at the stage of meaning initiation among significant meaning constructs, carried out according to the hierarchy of internal criteria. Knowing the features of the stages of this choice enables to study regulation of sense-making activity of a modern person more thoroughly.

**Chumicheva Raisa M., Shtaydo Tatiana S.,
Bespalaya Vera A.**

INTEGRATIVE APPROACH TO IMPROVING THE HEALTH OF CHILDREN IN A PRESCHOOL EDUCATIONAL ORGANIZATION

Key words: integrative approach, preschool educational institutions, physical health of children, health-improving pedagogy.

The article is devoted to introduction of the integrative approach into practice of preschool educational institutions in order to create a health-saving educational space. According to the authors, for this goal preschool pedagogy should combine pedagogy, medicine and psychology. The authors share results of the wellness program "For health in kindergarten", demonstrating a positive new direction in preschool education – health-improving pedagogy.

Gadaborsheva Zarina I., Rogov Evgeniy I.

TRANSFORMATION OF PROFESSIONAL IDEAS IN THE CONTEXT OF REMOTE ACTIVITY

Key words: psychology of the virtual environment, remote organization of activity, professional ideas, visualization, virtual identity, network imitation, network addiction.

Digitalization of the modern world, leading to the constant increase in the number of employees of different organizations working remotely, is perceived by most analysts as a positive transformation that contributes to the progress of society. At the same time, the problem of the influence of this process on the inner world of employees and analysis of further prospects for his professionalism development remain poorly studied. The article considers some peculiarities of professional ideas as indicators of professionalism in the conditions of remote professional activity. Distant

work generates numerous modifications in modern professional activity, changing the well established relationships, professional attitudes of people who have made a shift to the “remote mode” of work. Their views and preferences differ significantly from their predecessors, as the immersion into the virtual environment eliminates the real spatial boundary of reality originally given by nature. Many sources single out, on the one hand, the tendency to reduce the intensity of human interaction due to the growth in “communication” with various virtual “interlocutors”; on the other, researchers mention intense search for various visualization tools to create adequate images in the minds of these interlocutors. Thus, emotional states get visualized in various graphic objects. The authors claim that reconstruction of professional ideas of a person is determined by previously formed attitudes and stereotypes, features of the style of virtual identity, the level of network imitation and addiction, empathic tendencies and peculiarities of reflexive mechanisms.

**Kolodyazhnaya Tatiana P., Berezovskaya Regina V.,
Vikhareva Maria B., Malova Lilia V., Rybalko Victoria E.**

PREVENTION OF DISGRAPHY IN CHILDREN OF PRIMARY SCHOOL AGE

Key words: written speech; dysgraphia; primary school age; neuropsychological approach; IT-technologies.

This article analyses theoretical and practical research into the problem of preventing writing disorders in primary schoolchildren with dysgraphia. The authors discuss the possibilities and fundamental features of the neuropsychological approach in the work on prevention of dysgraphia in primary schoolchildren. The issue of the opportunities provided and advantages of IT technologies is also highlighted. The paper presents description of the speech therapy program of correctional, developmental and preventive type.

Kulikovskaya Irina E., Knyazeva Lyudmila V.

TEACHING CHILDREN COLLABORATIVELY IN A PRESCHOOL ORGANIZATION: SPACE FOR INTERACTION

Key words: collaborative learning of preschool children, collaborative environment, collaboration, cooperation, learning in cooperation.

The article reveals the relevance of collaborative learning for children, associated with changes in the world educational space. A new education strategy is being formed in accordance with the realities of modern society, such as the formation of the VUCA-world, the main characteristics of which are instability, uncertainty, complexity and ambiguity. In such a world, lifelong education becomes a significant value, which means that it is necessary to constantly learn something new. The authors consider the skills of the XXI century, such as the ability to think critically, engage in communication, collaboration and creatively solve problems that arise before a person. These 4C competencies begin to be formed already at preschool age. The emphasis is placed on collaborative teaching of children, since in it, unlike individual learning, all participants share their resources and findings, ask each other, track the progress and results of other participants' activities. Each student becomes a successful member of a community focused on learning about any sphere of life and achieving a productive result. The article presents the author's model aimed at organizing joint activities of preschoolers and teachers to master competencies, gain useful experience, apply knowledge to everyday life and boost motivation to learn about the world around by actively searching for information, discussing and understanding meanings.

Martynenko Elena V.

SOME PROBLEMS OF ONLINE EDUCATION

Key words: online education, terminology of online learning, risks of online education, problems of higher education in the digital environment.

The article identifies and analyzes some of the problems of online education. The paper raises the issues connected with terminology of online education and possible risks behind the online mode. Special attention is paid to higher education and the problems of online learning within its framework. The author shares results of the survey of 2nd year students that reveals their attitude to online education, and a list of problems that students encountered in online learning. When analyzing the study findings, the method of statistical analysis of quantitative and percentage characteristics was used.

Naturkach Mikhail V.

MEDIA DISCOURSE IN THE INFORMATION SPACE AND THE NEED TO DEVELOP STUDENTS' MEDIA DISCOURSE COMPETENCE

Key words: information space, information environment, discourse, media discourse, media text, mass media, media education.

The article considers the place of media discourse in the modern information space, pinpointing its constant influence on the content of life of society, authorities and citizens. The author methodologically analyses the terms "information space", "information society", "media discourse", the history of their origin and scientific understanding. The researcher gives outline to the current state and approaches towards mass media and information space, specifically indicating the early use of these terms in the 1960s in Japanese and American studies devoted to identifying the role of knowledge in the progress of mankind (Yujiro Hayashi, Tadao Umesao and Fritz Machlup). The author defines the notion of information space where media discourse competence is formed as a set of information resources, information systems and communication environment (channels). The author outlines substantial framework and creates the content background for developing the media discourse competence of a person. In conclusion, the article emphasizes the fact that the specific status of information space is extremely important both functionally and instrumentally for developing the media discourse competence of an individual.

Naumov Igor V.

PHYSICAL CULTURE AND SPORTS AS A CONDITION FOR DEVELOPING STUDENTS' HUMAN CAPITAL

Key words: student human capital, physical culture, emotions and academic achievements, physical activity of students.

The article reveals the role of physical activity in developing human capital of university students by educational means. Analysis of the emotional experience of students during physical education and sports is based on the theory of the control value of the emotions of achievement. The purpose of this study is to prove the assumption that specially created conditions for physical education and sports can affect positively the formation of students' human capital. The study was carried out via evaluation of the emotions of control and achievements experienced by in the course of doing physical culture and sports at Southern Federal University.

The research outcomes show that positive effects of students' physical activity can predict effectiveness of their academic performance and results.

Qian Mengxin, Romanenko Nadezhda M.

**SPECIFICS AND TRENDS
OF PROFESSIONAL PERSONNEL TRAINING
AT UNIVERSITIES OF THE PEOPLE'S
REPUBLIC OF CHINA**

Key words: training of professional personnel, universities of the People's Republic of China, national system of training of professional personnel, partnership, "One Belt, one Road".

In the article, the authors analyze the specifics and trends of training professional personnel at universities of the People's Republic of China. There is a conversation about the national system of training professional personnel in educational institutions in China which has, in fact, follows its unique path. Various aspects of professional training are analyzed and taken into account. The reasons that need to be eliminated in the system of vocational training in China are identified. The authors note 2015 as a new stage of modernization and reform of higher education in the People's Republic of China when the state project "World-class Universities and Disciplines» (Shuang-i – liu, «Twice the first»)" was launched, setting an ambitious goal: to bring Chinese higher education to the position of the undisputed world leader by 2050. The article describes in detail the forms of industrial, educational and scientific partnership: scientific parks (technoparks) at universities, joint research and technology centers, and enterprises created by universities. Within the framework of the studied problem in the context of the "One Belt, One Road" project, the authors note the recent policy of the Chinese government in the field of education to preserve and attract attention to professional cultural heritage.

Sagaidachnaya Elizaveta N., Martynenko Elena V.

**ON SOME FEATURES OF TEACHING
MASTER'S DEGREE STUDENTS
IN ECONOMICS IN THE ONLINE MODE**

Key words: digital education, online learning, motivation, online Master's degree, the role of a teacher.

Digitalization of education has not only shown the problematic aspects of modern education, but also opened up new opportunities for using digital learning, in particular, Master's degree training in online mode. This is extremely significant against the background of the pandemic, with a decrease in the total number of students and learning failures around the world. The modern educational trajectory is designed to prepare students for flexibility in obtaining new knowledge and skills, the ability to change professional activities, opening up a new field of activity for "digital natives". The paper considers some features of the new educational paradigm, in particular, changes in the role of a teacher in the new digital environment. The purpose of the study is to identify potential students of online Master's degree program, as well as to generalize students' personal judgments about taking a Master's degree course online. The survey of 100 students who major in Economics ("Management and Entrepreneurship", "Economics and Finance") revealed two main groups of potential Master's degree students: students with Bachelor's degree and working youth. The authors single out the leading type of motivation of this group of potential undergraduates which is referred to as the motivation of "personal prestige". The results of this study may be useful for methodologists, teachers, and managers in the field of higher education for creation of successful online Master's degree programs in Economics.

Shostak Egor V., Donskoy Dmitry Yu.

**APPLICATION OF PROJECT-BASED
AND INVENTIVE ACTIVITY IN DEVELOPMENT
OF CREATIVE THINKING OF TECHNOPARK
STUDENTS**

Key words: project-based and inventive activity,
technopark, drone engineering, competencies,
outlook.

The article considers the role of project-based and inventive activity in the world and national education. The importance of development of technical creativity in the conditions of additional education is emphasized. The authors illustrate the role of project-based and inventive activity in development of creative thinking of students in additional education by “Aeroquantum” program (drone construction and drone design). The authors describe the methodology aimed at development of some universal competencies and focused on expanding education and horizons of the student, with the inclusion of design and inventive activity at all stages of its implementation – from the origin of the idea to its practical implementation. An experimental program developed on a modular basis is described. The final goal of this study is to form students’ universal and subject-related competencies in the main areas: programming of microcontrollers, flight operation of unmanned aircraft systems, etc. As a result of the pedagogical experiment, the following tasks were solved: a project “Drone construction” was developed, with subsequent testing, using the “Aeroquantum” program. In conclusion, the article considers the relevance of technology of using projects and inventive activity in a group project, the main idea of which is independent distribution of students’ roles in a team.

Tolstikhina Elena V.

**DEVELOPMENT OF HUMAN CAPITAL
AND SOFT SKILLS OF UNIVERSITY STUDENTS
BY MEANS OF VIRTUAL INTERNATIONAL
ACADEMIC MOBILITY (WITHIN THE COURSE
«FOREIGN LANGUAGE -ENGLISH»)**

Key words: virtual mobility, international mobility,
English, soft skills of the 21st century.

In response to the challenges of 2020–2021, education is undergoing transformation in terms of its forms and content in an effort to preserve the quality of development of students’ human capital. One of the difficulties faced by all higher education institutions is preservation of international academic mobility of students as a way to develop communication and soft skills. This article discusses the experience of Southern Federal University in implementation of a blended learning format using virtual or online international student mobility within the framework of a foreign language (English) course related to the development of students’ human capital and communicative competence. Human capital theory is the key in defining educational goals, and the level of English proficiency is defined as highly necessary for the development of soft skills in the 21st century. The paper also analyses the results of students’ academic achievements after learning in the blended mode.

**ОБЩАЯ ПЕДАГОГИКА,
ИСТОРИЯ ПЕДАГОГИКИ
И ОБРАЗОВАНИЯ**

- **Куликовская И.Э., Князева Л.В.** Коллаборативное обучение детей в дошкольной организации: пространство взаимодействия
- **Чумичева Р.М., Штайдо Т.С., Беспалая В.А.** Интегративный подход в укреплении здоровья детей дошкольного возраста в дошкольной образовательной организации
- **Шостак Е.В., Донской Д.Ю.** Применение проектно-изобретательской деятельности в развитии творческого мышления обучающихся технопарков

УДК 3708

DOI 10.18522/2658-6983-2021-5-19-27

**Куликовская И.Э.,
Князева Л.В.**

КОЛЛАБОРАТИВНОЕ ОБУЧЕНИЕ ДЕТЕЙ В ДОШКОЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ: ПРОСТРАНСТВО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Ключевые слова: коллаборативное обучение детей дошкольного возраста, коллаборативная среда, коллаборация, сотрудничество, обучение в сотрудничестве.

В настоящее время в дошкольном образовании происходят изменения, масштабы и прогностическую роль которых сложно переоценить. Эти процессы направлены на определение новой стратегии образования в соответствии с реалиями современного общества. Сегодня человечество перешло в постиндустриальную эпоху своего существования, характеризующуюся нестабильностью процессов и явлений в динамично меняющемся мире, что становится объективной детерминантой реформирования образования. Современный мир часто именуют аббревиатурой VUCA: volatility (нестабильность), uncertainty (неопределенность), complexity (сложность) и ambiguity (неоднозначность). В таком мире практически отсутствуют стабильные, устоявшиеся приоритеты, ориентиры, способы жизни. Именно поэтому lifelong learning (образование в течение всей жизни) становится глобальным трендом, а значит, готовность учиться приобретает доминирующую социальную ценность.

Атрибутом современного образования является ориентация на развитие способности и готовности человека решать проблемы в нестабильном, стремительно меняющемся мире. В этом и заключается миссия системы образования: формирование и развитие новых индивидуальных и коллективных навыков и компетенций. Знание становится контекстуализированным, и по этой причине человеческая компетенция, ограниченная лишь одной областью жизнедеятельности, уже недостаточна. Важно обладать метакомпетенциями, которые становятся необходимой основой для получения новых знаний.

По мнению Чарльза Фаделя, Майи Бялик и Берни Триллинга, успех образования больше не заключается в

воспроизведении знаний как таковых – он в экстраполяции уже полученного знания и применении его к новым ситуациям. Проще говоря, миру больше не интересны просто знания – «поисковики» знают все. Интересно, как ты распорядишься своими знаниями, как поведешь себя в мире, насколько сможешь к нему адаптироваться. Так называемые *soft skills* (гибкие непредметные навыки – умение общаться, работать с информацией, ставить цели и планировать время) становятся важнее, чем *hard skills* – профессиональные предметные навыки. Обобщая данные исследований, Ч. Фадель, М. Бялик и Б. Триллинг полагают, что если изучать знания пассивно, без вовлечения навыков, они часто остаются поверхностными (знания могут быть заучены, но не поняты, не использоваться или быстро улетучиваться), по этой причине не обладают применимостью в новых условиях. Достичь глубокого понимания информации и возможности использования ее в реальном мире получится, только применяя навыки к содержательному знанию так, чтобы они дополняли друг друга (Фадель и др., 2018).

Всемирный экономический форум (wef.org) и американская ассоциация образования будущего P21 признали коллаборативность как навык сотрудничества (*collaboration*) одной из ключевых компетенций людей XXI в. (*The future of jobs*, http://www3.weforum.org/docs/WEF_Future_of_Jobs.pdf). В отчетах ВЭФ и ОБСЕ указывается на необходимость включения развития данного навыка (не путать с работой в группе) в учебные программы, что на сегодняшний день реализовано только в программах высшего образования в Австралии и Океании.

Овладев умением мыслить критически, общаться и сотрудничать, человек сможет самостоятельно раз-

вивать способность распознавать и использовать потенциал новых технологий. Так о каких «навыках XXI века» мы говорим? В 2016 г. на Всемирном экономическом форуме в Давосе все самые важные профессиональные навыки будущего поделили на три категории: грамотность, компетенции, черты характера. И в числе главных компетенций были названы 4К:

- критическое мышление: решение проблем, рассуждение, анализ, интерпретация, обобщение информации;
- креативность: артистизм, любопытство, воображение, инновации, самовыражение;
- коммуникация: навыки качественного устного и письменного общения, умение говорить публично и внимательно слушать;
- коллаборация: лидерство, работа в команде, сотрудничество.

Для нашего исследования важно определить понятие и сущность коллаборативного обучения. Именно поэтому мы обратились к работам, в которых ученые изучали данный феномен. Впервые термин «коллаборативное обучение» появился в 1950–1960-х гг. благодаря группе британских учителей средней школы. Однако широкую популярность данный вид обучения приобрел только в 1980-х гг., одновременно с кооперативным обучением (Bruffe, 1984). Коллаборативное обучение основано на социальном конструктивизме, который предполагает, что знание является социальным продуктом согласованности действий равных участников. Конструктивисты считают, что знание и субъект познания зависят друг от друга и являются частью истории, контекста, культуры, языка и опыта (Kuhn, 1970).

Понятие «коллаборация», или «сотрудничество», означает совместную

деятельность (процесс) в какой-либо сфере двух и более человек или организаций для достижения общих целей, при которой происходит обмен знаниями, обучение и достижение согласия (консенсуса) (Коджаспирова, 2005). Ж. Фрайссин в своей статье «Обучение в цифровых сетях: кооперативное обучение, коллаборативное обучение и педагогические инновации» описывает коллаборацию следующим образом: «Коллаборация (сотрудничество) (1830). От латинского *collaborare* (со – вместе и *laborare* – работать). С английского – *collaborative* – общий, объединенный, совместный. Сотрудничая, члены группы работают на общую цель, но по отдельности, каждый стремится достичь какой-то конкретной цели. Два вида деятельности осуществляются одновременно: коллективная и индивидуальная каждого из участников. Это требует организации работы, соответствующей ситуации сотрудничества, когда цели и задачи являются общими (Фрайссин, 2016).

Ученые с разных точек зрения определяют понятие «коллаборативное обучение»:

- образовательный подход к преподаванию и обучению, предполагающий совместную работу групп учителей или учащихся при решении проблемы, выполнении задания или создании продукта (Дьяченко, 1991);
- обучение в сотрудничестве; является личной философией обучающегося, а не только методом, используемым в классе. Во всех случаях, когда люди объединяются в группы, сотрудничество предполагает способ работы на основе уважения, признания способностей и личного вклада каждого члена группы (Рассел, 2013);
- подход, в рамках которого обучение построено на тесном взаимо-

действии обучающихся или между обучающимися и преподавателем. Участники процесса получают знания через активный совместный поиск информации, обсуждение и понимание смыслов (Павельева, 2010);

- тип обучения, рассматривающий знание как консенсус: это есть нечто, что люди взаимозависимо конструируют, разговаривая вместе (Кун, 1970);
- ситуация, в которой два или более человека учатся или пытаются чему-то научиться вместе, а более конкретно – для совместного решения проблем (Dillenbourg, 1999);
- взаимное участие в согласованных усилиях по совместному решению проблемы (Dillenbourg et al., 1996).

Практически все авторы сходятся в мнении, что коллаборативное обучение (т.е. обучение в сотрудничестве) – это педагогический ход, при котором производится групповая работа для решения проблемы, выполнения задания или создания какого-либо продукта (Краудсорсинг..., <https://rosuchebnik.ru/material/kraudsorsing-kraudfandings-raspredelennaya-proektnaya-deyatelnost-article/>). Концептуальная модель обучения в сотрудничестве предполагает, что знание создается благодаря коллективным усилиям внутри группы, члены которой делятся друг с другом и выполняют различные роли. Во взаимодействии друг с другом у детей развивается диалогическая речь, креативность принимаемых решений. Они учатся помогать друг другу, высказывают свою точку зрения, делятся своим мнением. Доверие выступает основой коллаборативной среды. В.Р. Даужанова отмечает, что благодаря коллаборативной среде обучения у детей развивается взаимопонимание друг друга (Даужанова, 2013).

Организация коллаборативного обучения возможна уже в дошкольной образовательной организации. По мнению Т.И. Бабаевой и Л.С. Римашевской, взаимный интерес и сотрудничество – вот главные черты подлинного взаимодействия с детьми, при котором создаются наиболее благоприятные условия воспитания дошкольников. Сегодня идет активный поиск новых педагогических позиций, продуктивных форм объединения детей и взрослых в пространстве дошкольной организации, актуализируется задача овладения искусством взаимодействия с детьми и создания детско-взрослой общности. Постоянное обогащение практического опыта общения и сотрудничества дошкольников со взрослыми и сверстниками создает важные предпосылки для полноценного развития и последующего успешного школьного обучения (Бабаева, Римашевская, 2012, с. 4–5).

И.В. Маврина считает, что в ситуации общения с ровесниками ребенок более самостоятелен и независим. Ребенок, имеющий разнообразный положительный опыт взаимодействия со сверстниками, начинает точнее оценивать себя и других, свои возможности и возможности других, следовательно, растет его самостоятельность, социальная компетенция (Маврина, 1999, с. 106).

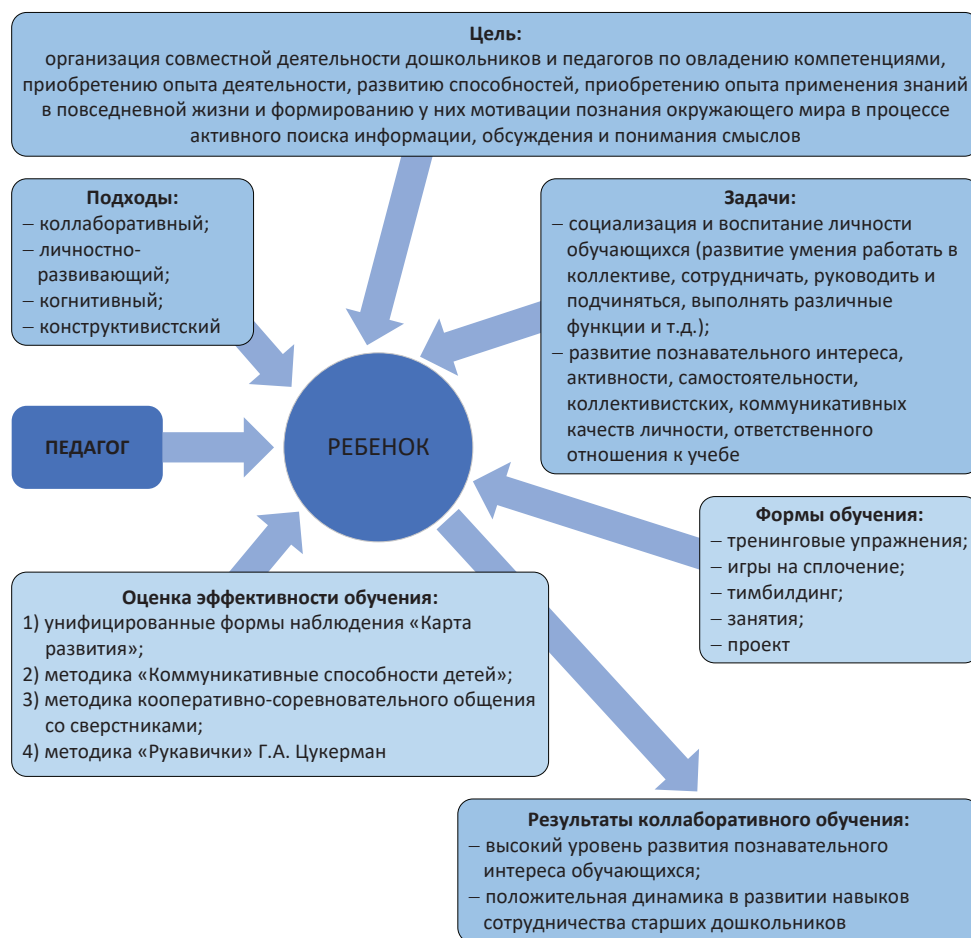
Модернизация традиционной системы дошкольного образования обусловлена изменением доминанты на поддержку развития личности ребенка и его позитивную социализацию. По мнению С.В. Мажаренко, диверсификация системы дошкольного образования связана с переходом от информационно-парадигмы, ориентированной на накопление детьми знаний, к активной педагогике развития (Мажаренко, 2017).

В Федеральном государственном образовательном стандарте дошкольного образования значимыми являются принципы, связанные с развитием коллаборативных компетенций детей, такие как построение образовательной деятельности на основе индивидуальных особенностей каждого ребенка, при котором сам ребенок становится активным в выборе содержания своего образования, становится субъектом образования, содействие и сотрудничество детей и взрослых, признание ребенка полноценным участником образовательных отношений.

В связи с этим возникает необходимость создания в дошкольной образовательной организации такой среды обучения, благодаря которой воспитанники будут активно участвовать в учебном процессе, а не пассивно воспринимать информацию. Поэтому необходимо использовать такие технологии, которые обеспечат каждому ребенку возможность включиться в активную учебную деятельность в зоне его ближайшего развития. Одной из таких технологий является технология коллаборативного обучения.

В нашем исследовании была разработана модель, которая своей целью предполагала организацию совместной деятельности дошкольников и педагогов по овладению компетенциями, развитию способностей, приобретению опыта деятельности, применению знаний в повседневной жизни и формированию у них мотивации познания окружающего мира в процессе активного поиска информации, обсуждение и понимание смыслов. Модель коллаборативного обучения представлена на рисунке.

Как традиционный процесс обучения в дошкольной организации превратить в интересный и запоминающийся? Для этого необходимо дать детям возмож-

Модель коллаборативного обучения детей старшего дошкольного возраста

ность активно принимать в нем участие в комфортной для них обстановке. Обучение ребенка – «это, прежде всего, забота о гармонической полноте всех физических и духовных сил, и венцом этой гармонии является радость творчества» (В.А. Сухомлинский). В ходе коллаборативного обучения дети перестают пассивно принимать информацию от педагога, начинают активно участвовать в учебном процессе. Используемые педагогом методы и подходы повышают роль и мотивацию ребенка в процессе обучения. Весь педагогический процесс основан на интересе воспитанника к процессу своего обучения.

Внедрение инновационного подхода в привычный образовательный процесс мы начали с создания коллаборативной среды в группах, позволяющей детям чувствовать себя в процессе обучения безопасно и свободно. Использование игр «Вращающийся круг», «Импульс» (где мы говорим друг другу приятные пожелания на день) помогло нам создать атмосферу доброжелательности и поддержать позитивный эмоциональный настрой в группе. Занятия начинались с тренинговых упражнений «Мне нравится в тебе...», «Клубок пожеланий», «Круг радости». Эти упражнения сблизили воспитанни-

ков между собой и дали им возможность раскрыться, преодолеть страх, неуверенность. С целью сплочения коллектива и налаживания контактов между детьми, формирования чувства единения с группой, сплочения группы мы также использовали игры, которые позволили нам выявить явных и скрытых лидеров и оппозицию.

Многие дети дошкольного возраста не умеют работать в команде, договариваться, соблюдать правила при выполнении различных заданий, неточно воспринимают предложенную инструкцию. Чтобы решить эту проблему, мы применили технологию тимбилдинга, или командообразования. Тимбилдинг включает мероприятия, направленные на улучшение взаимопонимания между участниками, повышение сплоченности коллектива, формирование умения работать в команде. Тимбилдинг используют в работе не только со взрослыми, но и с детьми. Во втором варианте – это задания в игровой форме, которые призваны сплотить детский коллектив, научить ребят договариваться между собой, дружить и поддерживать друг друга, обучить взаимопомощи и взаимовыручке. Такие игры проводились на прогулке, в группе, на детской площадке для большого или малого количества детей. Некоторые игры практически не требуют инвентаря. Игры на командообразование мы проводили два раза в неделю.

Использование средств информационно-коммуникационных технологий позволит сделать процесс более креативным. Например, музыкальное сопровождение при выполнении заданий, видеоролики с танцевальными флешмобами повышают физическую активность воспитанников и одновременно создают благоприятную атмосферу взаимопонимания.

Организация коллаборативного обучения детей требует от воспитателя серьезной подготовки. Перед проведением занятия необходимо тщательно продумывать возможные трудности и разработать примерные пути их преодоления.

По результатам проведенной на констатирующем этапе педагогической диагностики был выявлен разный уровень знаний и умений воспитанников. Совместно с педагогом-психологом мы выявили личностные особенности каждого ребенка. Поскольку невозможно объединить в одну группу всех лидеров или детей, которые не контактируют друг с другом по каким-либо причинам, то в дальнейшей работе при создании групп мы объединяли их по психологическим особенностям, переносимости друг друга, по лидерским качествам. Основной целью на этом этапе стало объединение детей по группам для совместной работы, в которой они будут делиться знаниями и умениями, одновременно помогая друг другу. Взаимодействие друг с другом активно способствует развитию диалогической речи. В сотрудничестве каждый ребенок может проявить свои лидерские качества, примерив на себя роль ведущего, одновременно дети учатся помогать друг другу, обмениваются мнениями, высказывают свою точку зрения.

При создании групп мы придерживались следующего правила: в каждой группе обязательно наличие сильных и слабых ребят и детей не должно быть более пяти человек. В процессе работы над заданием сильные воспитанники могут объяснить более слабым то, что они не поняли на занятии.

Работа в группе не будет эффективной, если в ней не установлены правила. Обсудив с детьми возможные варианты, мы определили такие

правила как «говорить по очереди», «активно слушать», «задавать вопросы и спрашивать, есть ли вопросы», «вносить предложения и спрашивать, есть ли предложения у других», «выражать свои мысли и мнения и интересоваться идеями и мнениями других», «коллективно обсуждать предложения, идеи и мнения», «помогать и просить о помощи» и др.

После того как группы созданы, следующий шаг – это распределение ролей в группе, который также обговаривался совместно с воспитанниками. Одним из наиболее эффективных способов распределения ролей в группах в нашем исследовании стал метод использования перевернутых рисунком вниз карточек-картинок. Например, если ребенок взял карточку с изображением микрофона, то это означает, что он будет выступать от всей группы, лампочка – означает, что ребенок будет разрабатывать варианты решения любых стоящих перед ним проблем, и т.д.

На первых порах мы столкнулись с рядом затруднений в реализации инновационной формы работы с детьми. Так, на занятии по формированию элементарных математических представлений каждой группе было предложено определить состав заданного числа. Были сформулированы правила. Группа получила счетный материал. Однако дети первое время не могли работать в команде. Каждый забирал материал себе, ждал оценки воспитателя. Несколько первых занятий не дали никакого результата. Несмотря на то, что некоторые дети уже понимали, что работать нужно сообща, часть детей все еще стремилась занять лидерскую позицию. На последующих занятиях мы попробовали распределить роли таким образом, чтобы все дети были задействованы. Например, при получении числа пять каждый ребенок

должен был предложить свой вариант, и один из участников команды назначался проверяющим. При таком распределении работы в команде результат получился успешным. Мы смогли увидеть совместную работу детей и диалог между ними.

На одном из занятий по окружающему миру дети совместно работали над изучением темы «Времена года». Каждой группе воспитанников было предложено изучить определенное время года. В работе использовались картинки, энциклопедии, интернет-ресурсы. Затем состав групп был изменен и организованы новые группы. В каждую группу попал ребенок, который хорошо изучил определенное время года. Каждый из детей рассказывал другим о своем времени года, и таким образом место лидера досталось каждому. Аналогичным образом были организованы занятия по изучению животных, птиц, фруктов, ягод, мебели, транспорта и т.д.

Главный принцип в работе воспитателя при организации коллаборативной формы обучения – направлять работу групп (команд) и организовывать ее. При правильной организации дети обучаются в команде. Очень важно научить детей оценивать работу друга и работу других групп (рефлексия). Для оценки мы использовали сигнальные карточки, изображения смайликов и поднимание или опускание пальчика. Также если кто-то выражал свое несогласие, то он должен был объяснить, почему он не согласен. Такая форма работы нашла у воспитанников положительный отклик. Дети стали больше высказываться и чувствовать себя более уверенно.

Главная идея обучения в коллаборации – учиться вместе, а не просто что-то совместно выполнять. Таким образом, при создании коллаборации в

дошкольных организациях повышается познавательная мотивация детей, эффективность усвоения и актуализации знаний, снижается уровень тревожности, страха оказаться неуспешным, некомпетентным в решении каких-то задач; при совместном выполнении задания происходит взаимообучение, поскольку каждый ребенок вносит свой вклад в общую работу, групповая работа способствует улучшению психологического климата в группе, развитию взаимоуважения, умения вести диалог и аргументировать свою точку зрения.

Литература

1. Бабаева Т.И., Римашевская Л.С. Как развивать взаимоотношения и сотрудничество дошкольников в детском саду. Игровые ситуации, игры, этюды: учеб.-метод. пособие. СПб.: Детство-Пресс, 2012.
2. Дажанова В.Р. Влияние коллаборативной среды на результативность урока // Педагогический диалог. 2013. № 2–4. С. 14–15.
3. Дьяченко В.К. Сотрудничество в обучении. О коллективном способе учебной работы. М.: Наука, 1991.
4. Коджаспирова Г.М. Педагогический словарь. М.: Академия, 2005.
5. Краудсорсинг, краудфандинг, распределенная проектная деятельность. URL: <https://rosuchebnik.ru/material/kraudsorsing-kraudfanding-raspredelennaya-proektnaya-deyatelnost-article/>.
6. Маврина И.В. Развитие взаимодействия и общения дошкольников со сверстниками // Дневник воспитателя: развитие детей дошкольного возраста. М.: Гном-Пресс, 1999. С. 106–118.
7. Мажаренко С.В. Личностно ориентированный подход как основа реализации ФГОС в деятельности дошкольной организации // Молодой ученый. 2017. № 3.1. С. 38–40.
8. Павельева Н.В. Коллаборативное обучение как модель эффективной реализации образовательного процесса // Образование. Карьера. Общество. 2010. № 3. С. 30–37.
9. Рассел Д. Формы организации обучения. СПб.: VSD, 2013.
10. Фадель Ч., Бялик М., Триллин Б. Четырехмерное образование: Компетенции, необходимые для успеха. М.: Точка, 2018.
11. Фрайссин Ж. Обучение в цифровых сетях: кооперативное обучение, коллаборативное обучение и педагогические инновации // Непрерывное образование: XXI век. 2016. Вып. 4. С. 119–135.
12. Bruffe, K.A., 1984. Collaborative learning and "Conversation of mankind". College English, 46 (7): 635–652.
13. Kuhn, T.S., 1970. The structure of scientific revolutions. Chicago: Univ. of Chicago Press.
14. Dillenbourg, P., 1999. What do you mean by collaborative learning? In: Collaborative learning: cognitive and computational approaches (pp. 1–19). Oxford: Elsevier.
15. Dillenbourg, P. et al., 1996. The evolution of research on collaborative learning. In: Spada, E. and P. Reiman (Eds.). Learning in humans and machine: Towards an interdisciplinary learning science (pp. 189–211). Oxford: Elsevier.
16. The future of jobs. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_Future_of_Jobs.pdf.

Reference

1. Babaeva, T.I. and L.S. Rimashevskaya, 2012. How to develop relationships and cooperation of preschoolers in kindergarten. Game situations, games, sketches: teaching manual. St. Petersburg: Detstvo-Press. (rus)
2. Dazhanova, V.R., 2013. The influence of the collaborative environment on the lesson effectiveness. Pedagogical Dialogue, 2–4: 14–15. (rus)
3. Dyachenko, V.K., 1991. Cooperation in teaching. About the collective method of educational work. Moscow: Nauka. (rus)
4. Kodzhaspriova, G.M., 2005. Pedagogical dictionary. Moscow: Academia. (rus)
5. Crowdsourcing, crowdfunding, distributed project activities. Available at: <https://rosuchebnik.ru/material/kraudsorsing-kraudfanding-raspredelennaya-proektnaya-deyatelnost-article/>. (rus)
6. Mavrina, I.V., 1999. Development of interaction and communication of preschoolers with their peers. In: Diary of an educator: development of preschool children (pp. 106–118). Moscow: Gnom-Press. (rus)
7. Mazharenko, S.V., 2017. Personality-oriented approach as the basis for the implementation of the Federal State Educational Standard in the activities of a preschool organization. Young scientist, 3.1: 38–40. (rus)
8. Pavelieva, N.V., 2010. Collaborative learning as a model of effective implementation of the educational process. Education. Career. Society, 3: 30–37. (rus)
9. Russell, J., 2013. Forms of arranging learning. St. Petersburg: VSD. (rus)
10. Fadel Ch., M. Bialik and B. Trilling, 2018. Four-dimensional education: Competencies necessary for success. Moscow: Tochka. (rus)
11. Frayssinhes, J., 2016. Digital network learning: cooperation, collaboration and pedagogical innovations. Continuing education: the XXI century, 4: 119–135. (rus)
12. Bruffe, K.A., 1984. Collaborative learning and "Conversation of mankind". College English, 46 (7): 635–652.

13. *Kuhn, T.S.*, 1970. The structure of scientific revolutions. Chicago: Univ. of Chicago Press.
14. *Dillenbourg, P.*, 1999. What do you mean by collaborative learning? In: Collaborative learning: cognitive and computational approaches (pp. 1–19). Oxford: Elsevier.
15. *Dillenbourg, P. et al.*, 1996. The evolution of research on collaborative learning. In: Spada, E. and P. Reiman (Eds.). Learning in humans and machine: Towards an interdisciplinary learning science (pp. 189–211). Oxford: Elsevier.
16. The future of jobs. Available at: http://www3.weforum.org/docs/WEF_Future_of_Jobs.pdf.

УДК 371.72:796.011.613.955
DOI 10.18522/2658-6983-2021-5-28-34

**Чумичева Р.М.,
Штайдо Т.С.,
Беспалая В.А.**

ИНТЕГРАТИВНЫЙ ПОДХОД В УКРЕПЛЕНИИ ЗДОРОВЬЯ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА В ДОШКОЛЬНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Ключевые слова: интегративный подход, дошкольные образовательные учреждения, физическое здоровье детей, здоровьесозидающая педагогика.

© Чумичева Р.М., 2021
© Штайдо Т.С., 2021
© Беспалая В.А., 2021

Сохранение и укрепление физического здоровья детей – одна из главных стратегических задач страны. Она регламентируется и обеспечивается следующими нормативными документами:

- Конвенция о правах ребенка.
- Конституция Российской Федерации.
- Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в РФ».
- Федеральный закон «Об образовании в РФ» (ст. 41 «Охрана здоровья обучающихся»).
- Приказ Минобрнауки РФ от 17.10.2013 № 1155 «Об утверждении ФГОС ДО» (п. 1.6, 2.6).

ФГОС ДО «направлен на решение следующих задач: охрану и укрепление физического и психического здоровья детей, в том числе их эмоционального благополучия...» (п. 1.6 ФГОС ДО). «Физическое развитие включает приобретение опыта в... становлении ценностей здорового образа жизни, овладении его элементарными нормами и правилами...» (п. 2.6 ФГОС ДО). А также мы опираемся на государственные программы: «Здоровая Россия» – приоритетный национальный проект «Здоровье», «Формирование здорового образа жизни (Укрепление общественного здоровья)» (подпрограмма 4. «Охрана здоровья матери и ребенка»), государственные профилактические программы по сохранению и укреплению здоровья населения РФ, Концепцию развития системы здравоохранения в Российской Федерации до 2020 г., президентскую программу «Здоровье нации».

Дошкольное образовательное учреждение – основополагающая ступень в структуре системы образования. В условиях введения новых стратегических ориентиров в развитии системы образования в целом и в условиях

внедрения ФГОС ДО здоровье остается базовой ценностью и необходимым условием полноценного психического, физического и социального развития ребенка. Не создав фундамент здоровья в дошкольном детстве, трудно сформировать его в будущем.

Главным принципом воспитания здорового ребенка в детском саду является создание здоровьесберегающего образовательного пространства, которое учитывает индивидуальные возрастные особенности дошкольника, соответствует его функциональным возможностям и определяет необходимые и достаточные условия для развития.

В настоящее время, на наш взгляд, одним из наиболее перспективных направлений в системе дошкольного образования является поиск путей, обеспечивающих интеграцию образовательного и оздоровительного процесса. Основным направлением здоровьесберегающей деятельности нашего детского сада является сохранение всех аспектов здоровья ребенка (Muennig, 2015; Nemet et al., 2011).

При том что сохранению и укреплению здоровья детей уделяется такое внимание, анализ показателей состояния здоровья дошкольников за последние десятилетия выявил неблагоприятные тенденции. По оценкам экспертов, в течение последних 10 лет наблюдается резко отрицательная динамика состояния здоровья дошкольников:

- снижение количества детей I группы (здоровые дети) с 8 до 5,2%, т.е. в 1,5 раза; снижение количества детей II группы (дети, имеющие функциональные нарушения здоровья) с 75 до 41,7%, т.е. в 1,8 раза; увеличение количества детей III группы с 16,1 до 52,5%, т.е. в 3,2 раза (Храмцов и др., 2013);

- в среднем на одного ребенка приходится полтора функциональных нарушения, и у каждого второго имеется хроническое заболевание;
- большинство детей (60–70%) во всех возрастных группах имеют три-четыре морфофункциональных отклонения, только 10–20% детей – одно-два отклонения (Параничева, Тюрина, 2012);
- растет число детей с множественными нарушениями здоровья; вызывает тревогу рост числа детей, имеющих пять и более морфофункциональных отклонений.

«Неуклонное снижение числа практически здоровых детей, все возрастающий поток детей, страдающих хронической патологией, и инвалидов, рассматривается многими исследователями сегодня как национальная трагедия России» (там же, с. 68).

Все родители дошкольников, посещающих ДОО, сталкиваются с частыми простудными заболеваниями своих детей. Но частые простуды и ОРВИ в детском возрасте – это всего лишь очевидная вершина айсберга.

На самом деле, проблема гораздо глубже и заключается в том, что всего 7% выпускников детских садов здоровы. Остальные дети, по результатам выборочных углубленных обследований, проведенных НИИ ГиОЗДиП «НЦЗД» РАМН в течение последних семи лет, имеют либо обратимые нарушения здоровья (40–45%), либо хронические заболевания (50–55%) (Заболеваемость детей..., 2014).

На основании вышеприведенных данных можно сделать вывод, что поставленная задача сохранения и укрепления здоровья дошкольников полностью еще не решена и поиск путей ее эффективного решения продолжает быть актуальным.

Частично данная проблема решается в поликлиниках, обычно по факту обращения родителей с жалобами. Они приходят к врачу, когда заболевание ребенка становится для них очевидным. К сожалению, это уже далеко не начальная стадия.

Стандартный медосмотр для зачисления медкарт в детский сад не нацелен на выявление нарушения здоровья на ранней стадии и носит рекомендательный характер, не обязательный к исполнению родителями, – прохождение дополнительных исследований и повторные консультации врачей с назначением коррекции и лечения. Поэтому дети долгое время остаются один на один с не выявленными проблемами в здоровье.

«Данные углубленных обследований детей позволяют утверждать, что при сравнении результатов научных исследований и данных медосмотров, проведенных врачами поликлиник, очевидно, что в поликлиниках зачастую к I группе здоровья относятся дети, имеющие функциональные отклонения» (Заболеваемость детей..., 2014).

«Подтверждением низкой выявляемости функциональных отклонений у дошкольников при профилактических осмотрах служат различия между результатами профилактических осмотров и углубленных медицинских осмотров. Для функциональных отклонений различия составляют 1,7 раза, для хронических болезней – 1,2 раза» (Рахманова, 2016).

К сожалению, часто встречающиеся заболевания дошкольников на ранней стадии формирования скрыты от глаз родителей и могут быть выявлены только специалистом при целенаправленном обследовании ребенка. Как показывает практика и научные исследования, профилактических ме-

досмотров в детских поликлиниках недостаточно – патология либо не выявляется, либо выявляется и остается не скорректированной (Шеплягина, 2006). В результате до появления выраженных отклонений имеющейся проблемой никто не занимается. Родители – потому что либо не знают о существовании такой проблемы, либо не понимают ее серьезности и будущих последствий, либо не имеют времени и возможностей для ее решения. Врачи – потому что, зная о ней, не имеют либо ресурсов для ее решения, либо функционала административного контроля и плановой организации подобного рода мероприятий, либо стандартизированных методик для определения нарушений развития, удобных для использования в практической деятельности специалистов, либо возможности комплексного взаимодействия специалистов разного профиля в процессе выявления патологии.

В связи с вышесказанным актуальным является повышение качества диагностики, раннее выявление отклонений у дошкольников и своевременное проведение оздоровительных мероприятий, поскольку именно на ранних этапах отклонений эффективность коррекции и оздоровления – максимальная (Ранняя комплексная помощь..., <https://lektsii.org/3-78467.html>).

Ранний детский возраст (до 7 лет) замечателен и отличается тем, что организм очень пластичен и возможно все скорректировать и вернуть к норме, если сделать это вовремя. Часто встречающиеся заболевания у дошкольников до семилетнего возраста при правильном комплексном подходе могут быть полностью вылечены (Государственный доклад..., <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71725510/>).

Не выявленная же в начальной стадии патология прогрессирует и приводит к формированию хронических и инвалидизирующих в будущем заболеваний, а в долгосрочной перспективе – к тяжелым осложнениям данных заболеваний, например:

- деформирующие остеоартрозы (протезы, операции по замене суставов);
- злокачественный сколиоз (лежачие инвалиды, постоянный пожизненный уход);
- потеря зрения, слуха (операции, аппаратное пожизненное лечение, протезирование);
- бронхиальная астма и т.д.

Мы считаем, что решение вышеописанной острой социальной проблемы сохранения и укрепления здоровья детей дошкольного возраста есть.

Чтобы наши дети росли здоровыми, дошкольная педагогика должна объединить под одной крышей педагогику, медицину и психологию. Только междисциплинарный подход и формирование нового направления в дошкольном образовании – здоровьесформирующей педагогики – сможет переломить тенденцию последних десятилетий благодаря своевременной диагностике и профилактике часто встречающихся заболеваний дошкольников. Она станет основой сохранения и укрепления здоровья детей.

На примере внедрения в сети детских садов «Разумейка» (г. Ростов-на-Дону) оздоровительной программы «За здоровьем в детский сад» мы можем увидеть, как на практике реализована идея интеграции педагогики, медицины и психологии на базе детского дошкольного учреждения. С 2016 г. в детских садах «Разумейка» совместно с врачами ведущих медицинских клиник г. Ростова-на-Дону работали над созданием условий в детском саду, которые позволят снизить заболева-

емость и увеличить посещаемость. Нами был проведен сравнительный анализ показателей заболеваемости и посещаемости в детских садах «Разумейка» за период 2015–2018 гг. и получены следующие результаты:

- заболеваемость детей простудными заболеваниями и ОРВИ снизилась в три раза;
- посещаемость детского сада выросла до 90% всех рабочих дней.

Реализованный в представленной оздоровительной программе «За здоровьем в детский сад» комплексный междисциплинарный подход к сохранению и укреплению здоровья детей включает:

- создание здорового микроклимата;
- углубленную диагностику;
- постоянную профилактику часто встречающихся заболеваний дошкольников;
- профессиональную коррекцию выявленных отклонений, таких как начинающееся плоскостопие, сколиоз, нарушение осанки, нарушение зрения, заболевания желудочно-кишечного тракта и нервной системы (этим занимаются специалисты медицинских клиник);
- качественный уход и питание.

Разработанная нами оздоровительная программа «За здоровьем в детский сад» направлена на профилактику и коррекцию часто встречающихся заболеваний дошкольников.

Наиболее актуальным посещение ДОО с программой «За здоровьем в детский сад» будет для следующих категорий детей:

1. Часто болеющие дети.
2. Дети с изменениями костно-мышечной системы: нарушение осанки, сколиоз, уплощение стопы, варусные и вальгусные изменения стоп (данные отклонения выявляются у 70% дошкольников).

3. Дети с заболеваниями ЛОР-органов.

4. Дети с ограничениями в питании (пищевые аллергии, непереносимость некоторых продуктов питания).

5. Аллергопатология.

6. Дети с неврологическими заболеваниями.

В краткосрочной и долгосрочной перспективе при реализации оздоровительной программы «За здоровьем в детский сад» в детских садах мы можем получить следующие результаты:

- регулярное посещение детского сада, благодаря чему дети будут быстрее развиваться и более качественно осваивать образовательную программу;
- снижение инвалидизации во взрослом возрасте благодаря ранней диагностике и профессиональной коррекции выявленных нарушений в здоровье;
- увеличение количества детей I группы здоровья (практически здоровые дети) с 7 до 30% благодаря постоянной профилактике и формированию привычек здорового образа жизни у детей;
- уменьшение количества детей II и III групп здоровья (с хроническими заболеваниями и функциональными отклонениями в здоровье) с 90 до 70% в результате целенаправленного углубленного обследования и выявления заболеваний на ранней стадии и их эффективной своевременной коррекции.

По данным Всемирной организации здравоохранения, 1 рубль, вложенный в профилактику, экономит 4 рубля на лечении. В среднем в месяц в реализацию оздоровительной программы «За здоровьем в детский сад» сеть детских садов «Разумейка» вкладывает около 100 тыс. руб. Исходя из приведенных выше данных ВОЗ и затрат ДОУ на

реализацию программы мы можем посчитать, какую экономию в ближайшей перспективе получит государство и семьи дошкольников, посещающих детский сад, в котором она внедрена. Например, экономия на лечении и оздоровлении детей, посещающих детские сады «Разумейка», составляет около 400 тыс. руб. ежемесячно и более 14 млн руб. за три года (средняя продолжительность посещения ребенком детского сада «Разумейка»).

В долгосрочной перспективе также есть социально-экономический эффект для стейкхолдеров программы (дети, государство, семьи дошкольников) – эффект кругов по воде. Рассмотрим его на примере профилактики и коррекции ортопедических нарушений, а именно сколиоза (к 8-му классу диагностируется у 100% школьников).

Лечение сколиоза включает:

- массаж – стоимость одной процедуры 1000 руб., минимальный курс – 10 процедур, повторять три раза в год, ежегодно). То есть общая сумма затрат родителей на один только массаж в течение нескольких лет составит от 100 тыс. руб.;
- ортопедические стельки – изготовление индивидуальных стелек стоит от 3500 руб. Ребенку нужно менять стельки два раза в год (так как ножка постоянно растет). То есть на стельки родители потратят в течение нескольких лет 30 тыс. руб.;
- ЛФК – бесплатно в муниципальной поликлинике, но потребуются время, чтобы водить ребенка на консультации ортопеда и на занятия ЛФК, либо платно – от 500 руб. за занятие два раза в неделю в течение нескольких лет. То есть при посещении платных занятий ЛФК родители потратят от 100 тыс. руб.

Получается, что при не выявленных своевременно и неоткорректирован-

ных ортопедических нарушениях родители потратят на их лечение и коррекцию от 230 тыс. руб. Если родители не будут оплачивать лечение из своего бюджета, то они обратятся в медицинское учреждение и оплачивать массаж и ЛФК будет государство (Фонды ОМС и ФСС).

Очень печально, но в возрасте старше 8 лет, когда обычно начинают обращать внимание и выявлять сколиоз, вылечить его уже невозможно, можно только не допустить дальнейшего прогрессирования.

Мальчики, у которых своевременно не выявлены ортопедические изменения, вырастают с плоскостопием и сколиозом, и государство теряет призывников.

Дальнейшее развитие здоровьесозидающей педагогики и широкое внедрение оздоровительной программы «За здоровьем в детский сад» в дошкольных учреждениях положительно отразятся на многих аспектах жизни как отдельного человека, так и общества в целом, внесут значимый вклад в долгосрочные стратегии развития РФ:

- Дети, у которых сформированы привычки здорового образа жизни (привычки закладываются до 5 лет), будут расти эмоционально, психически и физически здоровыми, всесторонне развитыми людьми. Соответственно, общество получит успешных и здоровых взрослых граждан.

- Увеличится число грамотных, правильно морально и интеллектуально развитых и отлично подготовленных к школе выпускников ДОО.

- Школа получит зрелых, соответствующих всем требованиям начальной школы учеников, готовых к нагрузкам, имеющих базовые знания и необходимый уровень здоровья для их успешного освоения.

- Родители получают гармоничное, правильное развитие, несмотря на нехватку времени и внимания, которую компенсируют сотрудники детских садов.

Здоровые дети, которые не пропускают занятия в группе, в целом лучше осваивают учебную программу в садике, в начальной школе – и это для них является социальным лифтом. Успешное начало обучения в начальной школе является фундаментом для полноценного освоения школьной программы и поступления в выбранный вуз. Люди, имеющие высшее образование, лучше зарабатывают, тем самым достойно обеспечивают свою семью и вносят большой вклад в экономику страны. «Чем больше специалистов с высшим образованием есть в стране, тем выше душевой доход и темпы роста ВВП» (Подберезкин..., <http://eurasian-defence.ru/node/26088>).

Медицина, педагогика и психология совместно идут в будущее. Педагогика и психология должны менять мир к лучшему, а медицина – стать профилактической. Проект внедрения оздоровительной программы «За здоровьем в детский сад» в ДОО, стоящий у истоков формирования и развития здоровьесозидающей педагогики, – начало здорового детства сегодня и здорового будущего завтра.

Литература

1. Государственный доклад о положении детей и семей, имеющих детей, в Российской Федерации за 2016 год. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71725510/>.
2. Заболеваемость детей в возрасте от 5 до 15 лет в Российской Федерации / Л.С. Намазова-Баранова [и др.] // Медицинский совет. 2014. № 1. С. 6–10.
3. Параничева Т.М., Тюрина Е.В. Динамика состояния здоровья детей дошкольного и младшего школьного возраста // Новые исследования. 2012. № 4. С. 68–78.
4. Подберезкин А.И. Темпы роста ВВП и человеческий капитал. URL: <http://eurasian-defence.ru/node/26088>.

5. Ранняя комплексная помощь как средство профилактики детской инвалидности. URL: <https://lektsii.org/3-78467.html>.
6. Рахманова Н.З. Раннее вмешательство как залог успешной профилактики детской заболеваемости, отклонений в развитии, социальной дезадаптации и инвалидности у детей // Молодой ученый. 2016. № 9. С. 1172–1174.
7. Храмцов П.И., Цапенко М.М., Березина Н.О. Мониторинг здоровья дошкольников: методические основы и организационные технологии // Воспитание и обучение детей младшего возраста. 2013. № 1. С. 38.
8. Шеплягина Л.А. Факторы риска и формирования здоровья детей // Российский педиатрический журнал. 2006. № 3. С. 4–7.
9. Muennig, P., 2015. Can universal pre-kindergarten programs improve population health and longevity? Mechanisms, evidence, and policy implications. *Social Science & Medicine*, 127: 116–123.
10. Nemet, D., D. Geva and A. Eliakim, 2011. Health promotion intervention in low socioeconomic kindergarten children. *The Journal of Pediatrics*, 158 (5): 796–801.
3. Paranychina, T. M. and E.V. Tyurina, 2012. Dynamics of the state of health of children of preschool and primary school age. *New Studies*, 4: 68–78. (rus)
4. Podberezkin, A.I. GDP growth rates and the human capital. Available at: <http://eurasian-defence.ru/node/26088>. (rus)
5. Early comprehensive care as a means of preventing children's disability. Available at: <https://lektsii.org/3-78467.html>. (rus)
6. Rakhmanova, N.Z., 2016. Early intervention as a guarantee of successful prevention of childhood morbidity, developmental disabilities, social maladaptation and disability in children. *Young Scientist*, 9: 1172–1174. (rus)
7. Khrantsov, P.I., M.M. Tsapenko and N.O. Berezina, 2013. Monitoring the health of preschoolers: methodological foundations and organizational technologies. *Education and nurturing of young children*, 1: 38. (rus)
8. Sheplyagina, L.A., 2006. Risk factors and development of children's health. *Russian Pediatric Journal*, 3: 4–7. (rus)
9. Muennig, P., 2015. Can universal pre-kindergarten programs improve population health and longevity? Mechanisms, evidence, and policy implications. *Social Science & Medicine*, 127: 116–123.
10. Nemet, D., D. Geva and A. Eliakim, 2011. Health promotion intervention in low socioeconomic kindergarten children. *The Journal of Pediatrics*, 158 (5): 796–801.

Reference

1. State report on the situation of children and families with children in the Russian Federation for 2016. Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71725510>. (rus)
2. Namazova-Baranova, L.S. et al., 2014. Morbidity of children aged 5 to 15 years in the Russian Federation. *Medical Council*, 1: 6–10. (rus)
10. Nemet, D., D. Geva and A. Eliakim, 2011. Health promotion intervention in low socioeconomic kindergarten children. *The Journal of Pediatrics*, 158 (5): 796–801.

УДК 373

DOI 10.18522/2658-6983-2021-5-35-40

**Шостак Е.В.,
Донской Д.Ю.**

ПРИМЕНЕНИЕ ПРОЕКТНО-ИЗОБРЕТАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РАЗВИТИИ ТВОРЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ ОБУЧАЮЩИХСЯ ТЕХНОПАРКОВ

Ключевые слова: проектно-изобретательская деятельность, технопарк, «Аэроквантум», дроностроение, компетенции, кругозор.

На сегодняшний день в соответствии с современными мировыми вызовами и актуальностью развития естественнонаучного и технического направления в рамках дополнительного образования создаются детские технопарки.

Детские технопарки «Кванториум» в условиях дополнительного образования помогают обучающимся приобрести глубокие и прочные знания в робототехнике, воспитать дисциплинированность, рациональную организацию и культуру труда, умение действовать в команде. Молодым педагогам, в свою очередь, они дают возможность раскрыть себя, показать свои неординарные и креативные идеи, апробировать новые методики развития творческого мышления учащихся.

«Целями создания детских технопарков “Кванториум” являются формирование у подрастающего поколения изобретательского, креативного, критического и продуктивного мышления и подготовка будущих кадров для высокотехнологичных отраслей» (Сиропас, Мальцева, 2019).

В основу тематических программ технопарков «Кванториум» входят: робототех, автотех, космотех, аэротех и др. Значение технопарка заключается в новой модели системы дополнительного образования детей.

Один из ключевых этапов в эффективной работе технопарков – это организация и применение проектно-изобретательской деятельности, направленной на получение образа желаемого результата, включая все стадии производства – от зарождения идеи до воплощения ее в действительность. «Проектно-изобретательская деятельность как форма обучения позволяет сократить и устранить разрыв между образованием учащегося и применением полученных им изобретательских

знаний и навыков в реальной деятельности» (Магомедов, 2010, с. 65).

В рассмотрении становления проектно-изобретательской деятельности, например, на опыте американских школ, указывается на то, что «основная идея заключается в получении знаний при работе над проектами, главным в данной работе является самостоятельная деятельность детей. Учитывая личностные особенности каждого ребенка, создается стимул к получению знаний через самостоятельную работу» (Коллингс, 1926, с. 25).

Для советского образования проектно-изобретательская деятельность «концентрировалось вокруг учеников с высокой степенью самостоятельности и преобладанием практической деятельности. Так, основной идеей Л.Н. Толстой считал развитие личности ученика и его качеств при помощи учителя или воспитателя; Н.В. Чехов – отказ от традиционных форм и методов в образовании и воспитании в сочетании с планируемой и организованной учебно-воспитательной деятельностью. К.Н. Вентцель полагал, что должна быть полная свобода самостоятельного развития ребенка с опорой на совместный план преподавания в воспитании альтруизма, чувства гармонии человека с человеком (Вентцель, 1911, с. 68).

Нередко в отечественных методиках прописано, что в пространстве целеполагания проекта можно различить три области, каждая из которых включает свои задачи (Рязанов, 2017; Рязанов, Шаров, 2015):

1. Предметные:

- преодоление межпредметных барьеров;
- построение траектории понимания многомерности процесса познания;
- усиление мотивации освоения предметного содержания;

- углубленное освоение предметного содержания учащимися.

2. Социальные:

- присвоение культуры проектной деятельности, в том числе культуры межпредметной коммуникации;
- присвоение способа работы в области неопределенности;
- развитие способности к самостоятельному действию (постановка задачи, реализация замысла и осмысление результата);
- усиление адаптационных возможностей учащихся в социуме.

3. Продуктовые:

- создание действующего макета и его апробация;
- проведение экспериментов по получению продукта и определению его качества;
- модификация своего продукта;
- разработка предложений для внедрения своего продукта в жизнь;
- бизнес-план производства линейки своего продукта.

Из этого следует, что «самоопределение учащихся в направлении работ внутри проектной команды обычно связано с их дальнейшей возможной профессионализацией и самооценкой их возможностей в реализации замысла проекта» (Донской, 2020, с. 36).

Желание учащихся основано на их фантазиях о деятельности, совершенно не связано с выполнением действий, нацеленных на получение результата проекта: «Реальность запуска проектной работы показывает, что учащиеся, выразившие стремление работать в проекте, практически не представляют механизма реализации замысла. Несмотря на то, что они активно включаются в обсуждение, на этом этапе выявляется недостаточность опыта действия» (Рязанов, 2017, с. 93). Школьники открывают для себя реальность производственных

отношений и осознают персональную ответственность за конкретный этап операции перед всем коллективом проектной группы. Если учащийся не имеет опыта реализации проектных действий, задача по его вовлечению в проектную команду может усложниться. Также стоит отметить, что заинтересованность в участии в конкретном проекте на этапе вхождения в проектную командную работу чаще всего определяется не видением проектной, социокультурной рамки, а локальным интересом к конкретной точечной задаче или определенной предметной области (Veldman et al., 2020).

Вовлечение в проектную работу учащихся осуществляется через промежуточный этап общего дела – непосредственно инженерно-конструкторскую или исследовательскую составляющую проектной работы с последующим обсуждением цели реализации проекта. Освоение технологии обучения проектно-изобретательской деятельности происходит в проектной группе, в которой каждый из участников распределяет свою роль и функционал в команде.

Игровое проектирование – процесс создания или совершенствования проектов в режиме командной работы (cooperative learning) (Ерцкина, 2014; Slavin, 2015). Проектная группа ищет проблемную ситуацию, в рамках которой они будут работать. Затем разрабатывается план-график реализации задуманного продукта, и следует непосредственная реализация (изготовление устройства и т.д.). В заключение осуществляется оценка результатов реализации и корректировка задач.

Наиболее важными, скелетообразующими для запуска проектной работы, являются следующие требования:

- формирование разнонаправленной проектной группы;

- понимание учащимися задач, целей проекта и возможных результатов деятельности;
- ориентировочный план с графиком реализации проекта с возможностью фиксации персональных зон ответственности учащихся;
- приблизительный перечень и смета на материалы и оборудование.

В результате проектно-изобретательской деятельности обучающийся приобретает универсальные компетенции и профессиональные навыки, которые важны и необходимы в современном стремительно развивающемся обществе.

Формирование проектно-изобретательской деятельности, изучение компьютерных технологий и программирования служат основой образовательной робототехники в развитии творческого мышления детей в дополнительном образовании.

В дополнительном образовании считается, что «ориентация общества на формирование личностей, способных решать проблемы из различных областей знания, обеспечивает постоянное обновление систем креативного образования на основе soft skills (гибких навыков), включающих работу с проблемой как универсальную единицу содержания образования» (Терехова, 2017, с. 88).

По нашему мнению, одним из приоритетных направлений в развитии технического творчества в технопарках является программа аэротех, а именно образовательная программа «Аэроквантум» как эффективная система развития творческого мышления учащихся в возрасте 12–18 лет.

Данная образовательная программа является эффективной в формировании у обучающихся универсальных (soft skills) и предметных (hard skills) компетенций, развитии мыслительных

способностей и личностных установок. Обучающая методика по программе «Аэроквантум» нацелена на освоение инновационных технологий, формирование научного мировоззрения и работу с большими объемами информации.

Рассмотрим более подробно методику усвоения учащимися программы «Аэроквантум». Основная цель данной методики – формирование устойчивых универсальных (soft skills) и предметных (hard skills) компетенций по следующим направлениям: программирование микроконтроллеров, летная эксплуатация беспилотных авиационных систем, проектная деятельность, аэродинамика и конструирование беспилотных летательных аппаратов, групповая работа и др.

Предлагаемая методика рассчитана на один год обучения и состоит из трех модулей:

- вводный модуль – 72 ч;
- углубленный модуль – 72 ч;
- проектный модуль – 72 ч.

Рассмотрим цели и составляющие модули программы «Аэроквантум».

Цель вводного модуля – ознакомить учащихся с теоретическими понятиями об устройстве дронов, с элементарными основами инновационного оборудования «Аэроквантум», с ключевыми навыками управления БАС.

В вводный модуль входят следующие разделы:

1. Применение БАС сегодня и завтра.
2. Базовые знания о функционировании беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) и их устройстве.
3. Разработка БПЛА с помощью цифровых технологий.

Цель углубленного модуля – дать учащимся практические навыки дростроения с применением кейсов, направленных на решение реальных проблем в авиастроении.

Разделы углубленного модуля:

1. Программирование в различных средах.
2. Работа с электронными компонентами.
3. Устройство автономно летающих роботов, работа микроконтроллеров и датчиков.
4. Работа на лазерных и фрезерно-гравировальных станках, 3D-принтерах.
5. Практические занятия по пилотированию БПЛА.

Цель проектного модуля – разработка и апробация проекта по направлению «Дростроение».

Разделы проектного модуля:

1. Разработка проекта с учетом современных вызовов.
2. Освоение навыков сотрудничества со стейкхолдерами.
3. Анализ возможных путей внедрения выполненного продукта на коммерческий рынок.
4. Получение опыта соревнований, ответственности за свои действия.

Изучаемая методика направлена в первую очередь на содействие в профессиональном самоопределении обучающихся, т.е. способствует реализации возможностей и талантов обучающихся в области инженерного творчества, развитию заинтересованности в конструкторской, предпринимательской и проектной деятельности, расширяет кругозор и образованность школьников. «Так, практика показывает, что самоопределение ребенка в выборе будущей профессии напрямую зависит от длительности его занятий тем или иным видом деятельности в профильном творческом объединении» (Павлов, 2012).

Ожидаемые результаты использования методики для обучающихся:

- получение практических умений по моделированию и конструированию БАС;

- формирование способности технически мыслить и творчески подходить к труду;
- формирование умения плодотворных коммуникаций с проектной командой и педагогами в процессе творческой деятельности и др.

Результаты применяемой методики проходят апробацию при обучении сборке конструктора «Дрон» в системе технопарка «Кванториум». Полученные данные будут обсуждаться на методических семинарах наставников различных квантумов, на курсах преподавателей «Кванториумов» и на ежегодных итоговых научно-практических конференциях преподавателей и студентов.

Литература

1. *Вентцель К.Н.* Этика и педагогика творческой личности: (Проблема нравственности и воспитания в свете теории свободного гармонического развития жизни и сознания). М.: Книгоизд-во К.И. Тихомирова, 1911. Т. 1.
2. *Донской Д.Ю.* Особенности проектно-изобретательской деятельности в детском технопарке // Инновационные подходы в современной науке. М.: Интернаука, 2020. С. 35–38.
3. *Ерцкина Е.Б.* Опыт реализации игрового проектирования в формировании графической компетенции студентов // Педагогическое образование в России. 2014. № 5. С. 64–69.
4. *Коллингс Е.* Опыт работы американской школы по методу проектов. М.: Новая Москва, 1926.
5. *Магомедов Р.М.* Проектная деятельность как инновационная составляющая одной из организационных форм обучения // Инновационные проекты и программы в образовании. 2010. № 3. С. 65–67.
6. *Павлов А.В.* Профессиональное самоопределение обучающихся в учреждении дополнительного образования детей // Концепт. 2012. № 11. URL: <https://e-koncept.ru/2012/12153.htm>.
7. *Рязанов И.А.* Основы проектной деятельности. М.: Фонд новых форм развития образования, 2017.
8. *Рязанов И.А., Шаров М.О.* Обучение проектной деятельности. Опыт ведения полифокусного образовательного проекта // Исследовательская работа школьников. 2015. № 2. С. 7–16.
9. *Сиорпас А.В., Мальцева Н.А.* Республиканский детский технопарк «Кванториум» – ресурс развития инженерно-технических компетенций обучающихся // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. 2019. № 4. С. 127–130.
10. *Терехова Г.В.* Развитие изобретательских способностей младших школьников в системе дополнительного образования // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2017. № 7. С. 87–91.
11. *Slavin, R.E.*, 2015. Cooperative learning in schools. In: International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences (pp. 881–886). N.Y.: Elsevier.
12. *Veldman, M.A. et al.*, 2020. Young children working together. Cooperative learning effects on group work of children in Grade 1 of primary education. Learning and Instruction, 67. URL: <https://doi.org/10.1016/j.learninstruc.2020.101308>.

Reference

1. *Ventzel, K.N.*, 1911. Ethics and pedagogy of a creative personality: (The problem of morality and education in the light of the theory of free harmonious development of life and consciousness) (Vol. 1). Moscow: K.I. Tikhomirov's Book Publishing House. (rus)
2. *Donskoy, D.Yu.*, 2020. Features of project-based and inventive activity in the children Technopark. In: Innovative Approaches in Modern Science (pp. 35–38). Moscow: Internauka. (rus)
3. *Ertskina, E.B.*, 2014. The experience of implementing game design in the formation of students' graphic competence. Pedagogical education in Russia, 5: 64–69. (rus)
4. *Collings, E.*, 1926. The experience of an American school of using the project-based method. Moscow: New Moscow. (rus)
5. *Magomedov, R.M.*, 2010. Project-based activity as an innovative component of one of the organizational forms of teaching. Innovative Projects and Programs in Education, 3: 65–67. (rus)
6. *Pavlov, A.V.*, 2012. Professional self-determination of students in the institution of additional education of children. Concept, 11. Available at: <https://e-koncept.ru/2012/12153.htm>. (rus)
7. *Ryazanov, I.A.*, 2017. Fundamentals of project-based activity. Moscow: Foundation for New Forms of Education Development. (rus)
8. *Ryazanov, I.A. and M.O. Sharov*, 2015. Teaching project activity. Experience of conducting a multi-focus educational project. Research Work of School Pupils, 2: 7–16. (rus)
9. *Siorpas, A.V. and N.A. Maltseva*, 2019. Republican Technopark for children "Quantorium" – a resource for development of engineering and technical competencies of learners. Bulletin of Khakas State University named after N.F. Katanov, 4: 127–130. (rus)
10. *Terekhova, G.V.*, 2017. Development of inventive skills of younger schoolchildren in the system of additional education. Bulletin of Chelyabinsk State Pedagogical University, 7: 87–91. (rus)

11. *Slavin, R.E.*, 2015. Cooperative learning in schools. In: *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences* (pp. 881–886). N.Y.: Elsevier.
12. *Veldman, M.A. et al.*, 2020. Young children working together. Cooperative learning effects on group work of children in Grade 1 of primary education. *Learning and Instruction*, 67. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.learninstruc.2020.101308>.

КОРРЕКЦИОННАЯ ПЕДАГОГИКА

- **Колодяжная Т.П., Березовская Р.В., Вихарева М.Б., Малова Л.В., Рыбалко В.Е.** Профилактика дисграфии у детей младшего школьного возраста

УДК 376.112.4
DOI 10.18522/2658-6983-2021-5-43-48

**Колодяжная Т.П.,
Березовская Р.В.,
Вихарева М.Б.,
Малова Л.В.,
Рыбалко В.Е.**

ПРОФИЛАКТИКА ДИСГРАФИИ У ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Ключевые слова: письменная речь, дисграфия, младший школьный возраст, нейропсихологический подход, IT-технологии.

Из года в год мы наблюдаем тенденцию увеличения числа детей, имеющих речевые нарушения. Наиболее распространенными дефектами речи у первоклассников общеобразовательных школ являются нарушения фонетической и фонематической стороны речи или общее недоразвитие речи. Одними из проявлений сложностей речевого развития детей младшего школьного возраста являются трудности воспроизведения на слух одного или нескольких слогов с парными согласными звуками либо согласными, сходными по акустическим или артикуляционным признакам. Проблемы дифференциации согласных звуков проявляются также в искаженном воспроизведении слов-квазиомонимов. А наиболее сложным является процесс звуко-буквенного анализа и синтеза.

При наличии у обучающихся данных сложностей процесс формирования письменной речи (чтения и письма) значительно затрудняется, так как сформированность фонематического слуха и восприятия, а также звуко-буквенного анализа и синтеза является основным залогом успешного овладения навыками чтения и письма.

Наиболее благоприятный возраст для обучения письму – младший школьный. Этот процесс многоуровневый и предельно сложен для данной категории детей. После созревания определенных речевых и неречевых функций младший школьник может полноценно приступить к осуществлению процесса письма: различение конкретных звуков в потоке речи и на письме, их правильное произношение, написание; умение применять грамматические и лексические нормы на письме, проводить языковой и зрительный анализ и синтез, демонстрировать пространственные представления. Если какая-либо из указанных

функций не сформирована, это приводит к специфическим формам дисграфии, а в дальнейшем – к проблемам в обучении и низкой самооценке ребенка (Ястребова, 1984).

Трудности в овладении письмом, по мнению Л.Н. Ефименковой, могут проявляться еще с первого полугодия первого года обучения, когда ребенок не запоминает алфавит, затрудняется в переводе звука в букву или печатной графемы в письменную, испытывает трудности в звукобуквенном анализе и синтезе и т.д. (Ефименкова, 1991). В будущем, если не проводить специализированную работу по профилактике нарушений письменной речи, данные трудности могут привести к более тяжелому нарушению – дисграфии, поэтому важно как можно раньше начать профилактическую работу по предупреждению дисграфии. Нарушение письма приводит к стойкой неуспеваемости по русскому (родному) языку и в совокупности порождает общие сложности в усвоении программы, поскольку они рассчитаны на детей, не имеющих нарушений и отставаний в развитии. Младшие школьники, имеющие нарушения устной и письменной речи, обучаясь по этой программе, терпят сложности не только в процессе учебной деятельности, но и во внеурочное время (Логопедия, 1998).

Письмо – сложный системный психический процесс, включающий в себя работу наиболее значимых познавательных функций ребенка. Познавательная активность благоприятно воздействует не только на процесс и результат деятельности, но и на становление таких важных психических процессов, как мышление, воображение, память, внимание детей (Kolodyazhnaya et al., 2020).

Благодаря успешному развитию познавательной активности школьника

кардинально меняется продуктивность учебной деятельности. При разумном педагогическом подходе она должна приобрести устойчивый характер и оказать положительное влияние на дальнейшее развитие ребенка.

В зарубежных источниках отражены следующие данные о нарушениях письма у детей младшего школьного возраста: от 5% в Бельгии, Великобритании и Греции до 15% в Финляндии и США. В отечественных исследованиях А.В. Ястребовой показатель – 10–25%; в НИИ ЛОР Санкт-Петербурга констатируют нарушения примерно у 10% учеников массовой школы, что говорит о многочисленности детей, нуждающихся в специализированной медицинской, логопедической и психолого-педагогической помощи (Ястребова, 1984).

Такие специалисты, как Л.С. Волкова, Л.Н. Ефименкова, А.Н. Корнев, Л.С. Цветкова, Г.В. Чиркина А.В. Ястребова и др., занимались исследованием вопросов о симптоматике и механизмах дисграфии, а также разработкой методологических подходов к содержанию и направлению работы по предупреждению и коррекции нарушений письменной речи. Однако дисграфия до настоящего времени является малоизученным явлением в практической деятельности логопедии. В связи с тенденцией увеличения трудностей овладения необходимыми навыками в процессе коррекции дисграфии у младших школьников по традиционным логопедическим методикам и программам учителям-логопедам необходимо использование новых и современных технологий. Одним из таких методов является практическое использование нейropsихологических знаний при взаимодействии школьного логопеда с обучающимися младшего школьного возраста. Подробный анализ в рамках

нейропсихологии дает возможность исправить проблемные речевые ситуации путем выявления их причины и достичь высоких логопедических результатов.

В связи с этим на современном этапе развития логопедии нарушения письма активно изучаются в рамках нейропсихологии и других наук (Martins et al., 2013). В нейропсихологической науке были разработаны методы активного логопедического воздействия на важные психические структуры мозга ребенка, участвующие непосредственно в процессе письма и формировании речевой системы языка. Доказано, что недоразвитие какой-либо из этих структур приводит к специфическим формам дисграфии (Лурья, Цветкова, 1996).

Структура процесса письма и предпосылки его формирования с точки зрения нейропсихологических подходов описаны в трудах А.Н. Корнева, А.Р. Лурии, Л.С. Цветковой и других авторов, которые говорят о том, что в основе письма лежат не только вербальные, но и невербальные психические функции (Корнев, 1997).

По мнению Г.В. Чиркиной, непосредственное взаимодействие поможет восстановить взаимосвязь между нарушениями речевых функций и иными нарушениями психической активности младшего школьника, которые являются источниками появления дефекта (Основы логопедической работы..., 2003).

Основным отличием нейропсихологического подхода является возможность исследовать именно структурные компоненты различных психических функций и воздействовать на них (Лурья, Цветкова, 1996). Имея представление о взаимосвязи структурных компонентов психических функций с различными нарушениями письменной речи, мы можем предупредить появление

дисграфии у младших школьников в рамках логопедической работы.

Дифференцированный подход к выбору педагогической стратегии работы с каждым ребенком является одним из главных условий организации коррекционно-педагогической работы. В профилактике и коррекции дисграфии у детей такой подход должен осуществляться с учетом того, что дисграфия имеет неоднородную структуру, неполноценность психических функций, входящих в структуру письма, имеет разную степень, а каждый ребенок имеет индивидуальные психологические особенности.

Процесс коррекции и работу по профилактике дисграфии важно организовать таким образом, чтобы увлечь детей, сконцентрировать их внимание на заданиях, а также стимулировать их деятельность. При сочетании традиционных методов обучения и использовании современных информационных технологий (IT-технологий) учитель-логопед может решить множество проблем в коррекционном процессе (Гаркуша и др., 2004).

На наш взгляд, использование мультимедийного оборудования в логопедической работе по профилактике и коррекции дисграфии у младших школьников по сравнению с традиционными формами обучения имеет ряд преимуществ:

- есть возможность расширения использования инструментов электронного обучения, более быстрой передачи информации;
- анимация, движение, звук долго привлекают детей и помогают повысить их интерес к изучаемому материалу. Высокая динамика урока способствует эффективному усвоению материала, развитию памяти, воображения, творческих способностей детей;

- можно показать моменты из окружающей среды, наблюдение за которыми затруднено в условиях коррекционно-развивающей среды;
- информация может быть представлена в образной форме (схемы, таблицы, пиктограммы), которая будет понятна детям, не владеющим техникой чтения и письма.

Информационные технологии – актуальный и эффективный метод профилактики и коррекции нарушений устной и письменной речи. Однако построение работы специалиста с помощью информационных технологий должно учитывать возрастные особенности детского восприятия; следует использовать здоровьесберегающие технологии, иметь индивидуальный подход к выбору задач, а также синтезировать задачи для развития всех компонентов высших психических функций, которые участвуют в процессе письменной речи (Роберт, 2014).

В связи с тем, что в процессе усвоения письменной речи ведущую роль играет достаточно развитое фонематическое восприятие, звуко-буквенный анализ и синтез, вовремя выявленные и скорректированные нарушения развития этих речевых функций – одна из главных задач в работе учителя-логопеда с детьми дошкольного и младшего школьного возраста (Куликовская, 2008).

Наше исследование проводилось на базе школы № 16 г. Ростова-на-Дону, школы № 2 г. Красный Сулин и школы № 11 г. Волгодонска.

Цель констатирующего эксперимента – выявить уровень развития устной речи младших школьников с речевыми нарушениями.

В состав экспериментальной группы входило 90 человек младшего школьного возраста (1-й класс).

По результатам констатирующей диагностики, проведенной в сентябре

2020 г., нами было выявлено, что 30% детей (27 человек) имеют нарушения звукопроизношения и фонематического слуха, 40% детей (36 человек) имеют нарушения звукопроизношения, 30% детей (27 человек) имеют норму речевого развития.

Для профилактики нарушений письма у детей младшего школьного возраста нами был разработан комплекс занятий с использованием нейропсихологического подхода и IT-технологий на основе программы по коррекции нарушений речи Г.В. Чиркиной и А.В. Ястребова.

Темы занятий: «Многогранный мир звуков», «Звук, буква а», «Звук, буква о», «Звук, буква и», «Звук, буква ы», «Звук, буква у», «Буква н, звуки н, нь», «Буква с, звуки с, съ», «Буква к, звуки к, къ», «Буква т, звуки т, ть», «Буква л, звуки л, ль», «Буква р, звуки р, рь», «Буква в, звуки в, вь», «Буква е», «Буква л, звуки л, ль», «Буква м, звуки м, мь», «Буква з, звуки з, зь», «Буква б, звуки б, бь», «Буква д, звуки д, дь», «Буква я», «Буква г, звуки г, гь», «Буква, звук ч», «Буквы ь и ъ», «Буква, звук ш», «Буква, звук ж», «Буква е», «Буква, звук й», «Буква х, звуки х, хь», «Буква ю», «Буква, звук ц», «Буква, звук э», «Буква, звук и», «Буква ф, звуки ф, фь».

На уроках нами использовались задания: ориентировка в пространстве и на листе бумаги, графические диктанты, поиск букв на рисунках и зашумленных картинках, определение места звуков и букв в словах (начало, середина, конец), звуковой анализ слова, звуко-буквенный синтез, деление слов на слоги, превращение букв в предметы, дифференциация звуков.

В феврале 2021 г. мы провели повторную диагностику, но уже с использованием методик, выявляющих трудности овладения письменной речью у исследуемой нами категории детей.

Несмотря на то, что работа проводилась, по ее результатам у 27,7% детей (25 человек) затруднения в формировании нового вида речи сочетались с нарушениями фонематических процессов и звукопроизношения, 33,3% (30 человек) имели трудности в овладении письмом в сочетании с нарушениями звукопроизношения, 55,5% (5 человек) показали успешные результаты при первичной диагностике устной речи, но при обследовании письменной речи были выявлены незначительные затруднения в овладении ею, у 33,3% (30 человек) не выявлены проблемы в овладении письмом.

На каждом занятии мы использовали нейропсихологические игры и упражнения, такие как «Муха», «Путаница», «Узнай букву на ощупь», «Найди такую же цифру», «Язык на звук», «Корректор». Многообразие различных нейропсихологических комплексов позволило в каждое занятие вносить элемент новизны за счет использования новых элементов игр или новых упражнений.

Также неотъемлемой частью профилактической работы стали специальные программы для учителей-дефектологов – «Развитие речи. Учимся говорить правильно», «Игры для Тигры», «Логомер», «МерсибоПЛЮС». Они направлены на решение таких задач, как развитие звукопроизношения, фонематического восприятия, лексико-грамматической стороны речи, формирование навыков чтения и письма, развитие логического мышления, внимания, памяти, навыков счета, развитие моторики (общей и мелкой). Данные игры подходят для использования изучаемой нами возрастной категорией детей (1-й класс начальной школы) с целью профилактики нарушений письменной речи.

В мае 2021 г. нами была проведена заключительная диагностика. Цель кон-

трольного эксперимента – выявить уровень развития письменной речи у детей младшего школьного возраста после проведенной коррекционно-логопедической работы. Результаты показали количественное и качественное улучшение показателей. У 40% детей (36 человек) формирование письменной речи соответствовало возрастным нормам, у 30% (27 человек) были выявлены незначительные трудности, проявляющиеся при слуховых диктантах, пробы с почерком, у 20% (18 человек) трудности возникали при списывании печатных и рукописных текстов, у 10% (9 человек) были признаки нарушения формирования письменной речи, проявлявшиеся в стойких ошибках.

Таким образом, использование в коррекционно-развивающей работе нейропсихологического подхода и IT-технологий показало повышение результативности и эффективности логопедического воздействия в профилактике и коррекции нарушений письма у детей младшего школьного возраста. Коррекционные программы должны учитывать закономерности и особенности развития детей, а также опираться на современные методики преодоления и предупреждения подобных нарушений. Способность IT-технологий к представлению и воспроизведению информации в самых различных вариациях графики, текста, звукового и видеосопровождения демонстрирует ресурсный потенциал для профилактики письменных нарушений.

Медиаконвергентное пространство стремительно расширяется. Благодаря этому у специалистов в сфере коррекции и развития детей появляются большие возможности использования разнообразных интерактивных информационных сред и технических устройств. От применения в педагогическом процессе высокотехнологичных

информационных образовательных ресурсов зависит повышение учебной мотивации обучающихся, включение их в активную коммуникативно-развивающую деятельность, а также в целом успешность решения дидактических и коррекционных задач.

На новый уровень педагогического воздействия с использованием современных технологий может выйти тот специалист, чьим желанием является не только достигнуть определенного результата, но и внести разнообразие в деятельность ребенка, сделать процесс взаимодействия максимально продуктивным, познавательным и интересным.

Поскольку представление о мозге, раскрываемое в рамках нейропсихологии, дает четкое понимание о взаимосвязи речевых зон коры головного мозга, а также структур психических функций с проявлением дисграфии, становится возможным своевременное предупреждение и профилактика нарушений письменной речи у первоклассников. Используя в работе по профилактике дисграфии методы активного логопедического воздействия на важные психические структуры мозга ребенка, участвующие непосредственно в процессе письма, можно достичь более эффективных результатов, что видно из показателей нашего исследования.

Литература

1. Гаркуша Ю.Ф., Черлина Н.А., Манина Е.В. Новые информационные технологии в логопедической работе // Логопед. 2004. № 2. С. 22–25.
2. Ефименкова Л.Н. Коррекция устной и письменной речи учащихся начальных классов. М.: Просвещение, 1991.
3. Корнев А.Н. Нарушения чтения и письма у детей: учеб.-метод. пособие. СПб.: МиМ, 1997.
4. Куликовская И.Э. Развивающее воспитание ребенка в изменяющемся социокультурном пространстве // Современные образовательные технологии: психология и педагогика. Новосибирск: СИБПРИНТ, 2008. Кн. 2. С. 74–104.
5. Логопедия: учебник / под ред. Л.С. Волковой, С.Н. Шаховской. М.: ВЛАДОС, 1998.
6. Лурия А.Р., Цветкова Л.С. Нейропсихология и проблемы обучения в общеобразовательной школе. М.: Ин-т практической психологии, 1996.
7. Основы логопедической работы с детьми: учеб. пособие / под общ. ред. Г.В. Чиркиной. М.: АРКТИ, 2003.
8. Роберт И.В. Современные информационные технологии в образовании: дидактические проблемы, перспективы использования. М.: Школа-Пресс, 2014.
9. Ястребова А.В. Коррекция нарушений речи у учащихся общеобразовательной школы. М.: Просвещение, 1984.
10. Kolodyazhnaya, T.P. et al., 2020. Developing cognitive functions in children with severe speech disorders: Student-centered approach. Asia Life Sciences, 1 (S23): 165–177.
11. Martins, M.R.I. et al., 2013. Screening for motor dysgraphia in public schools, Jornal de Pediatria (Versão em Português), 89 (1): 70–74.

Reference

1. Garkusha, Yu.F., N.A. Cherlina and E.V. Manina, 2004. New information technologies in speech therapy work, 2: 22–25. (rus)
2. Efimenkova, L.N., 1991. Correction of oral and written speech of primary school students. Moscow: Prosveshchenie. (rus)
3. Kornev, A.N., 1997. Reading and writing disorders in children: study guide. St. Petersburg: MiM. (rus)
4. Kulikovskaya, I.E., 2008. Developing nurturing of a child in the changing socio-cultural space. In: Modern educational technologies: psychology and pedagogy (Book 2, pp. 74–104). Novosibirsk: SIBPRINT. (rus)
5. Volkova, L.S. and S.N. Shakhovskaya (Eds.), 1998. Speech therapy: textbook. Moscow: VLADOS. (rus)
6. Luria, A.R. and L.S. Tsvetkova, 1996. Neuropsychology and problems of teaching in a secondary school. Moscow: Institute of Practical Psychology. (rus)
7. Chirkina, G.V. (Ed.), 2003. The basics of speech therapy work with children: teaching manual. Moscow: ARKTI. (rus)
8. Robert, I.V., 2014. Modern information technologies in education: didactic problems, prospects of use. Moscow: School-Press. (rus)
9. Yastrebova, A.V., 1984. Correction of speech disorders in secondary school students. Moscow: Prosveshchenie. (rus)
10. Kolodyazhnaya, T.P. et al., 2020. Developing cognitive functions in children with severe speech disorders: Student-centered approach. Asia Life Sciences, 1 (S23): 165–177.
11. Martins, M.R.I. et al., 2013. Screening for motor dysgraphia in public schools, Jornal de Pediatria (Versão em Português), 89 (1): 70–74.

**ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА
ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ,
СПОРТИВНОЙ ТРЕНИРОВКИ,
ОЗДОРОВИТЕЛЬНОЙ И АДАПТИВНОЙ
ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ**

- **Наумов И.В.** Физическая культура и спорт как условие формирования человеческого капитала студентов

УДК 796.01
DOI 10.18522/2658-6983-2021-5-51-60

Наумов И.В.

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СПОРТ КАК УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА СТУДЕНТОВ

Ключевые слова: человеческой капитал студентов, физическая культура, эмоции и академические достижения, физическая активность студентов.

Модель человеческого капитала студентов, разработанная в Академии психологии и педагогики Южного федерального университета, включает доказательный аспект физической активности студентов (Котов, Блохин, 2018, 2020; Kotova et al., 2017). Как показывают авторы подхода, преимущества физической активности в системе не являются автономными или независимыми, все компоненты усиливают друг друга, а их истинная ценность может быть правильно оценена только с целостной точки зрения (Котов, Блохин, 2020). В основе данной концепции лежит утверждение о том, что личные компетенции студентов могут быть приобретены и усилены в том числе посредством участия студентов в физической активности.

Однако, несмотря на признание важности физической активности в формировании человеческого капитала выпускников вузов, существующие научные статьи, как правило, сосредоточены на относительно узкой концептуализации проблемы, а обсуждение эффекта физической активности студентов в контексте будущего состояния физического здоровья человека и его последствий для общества в научной литературе до сих пор ограничено. Так, например, растёт количество исследований, посвящённых связи между физической активностью, включая физическое воспитание, и академической успеваемостью среди молодежи школьного возраста, учащихся среднего и высшего профессионального образования (Leisterer, Jekauc, 2019; Pekrun, 2006; Pekrun et al., 2006). В этой литературе обосновывается влияние физической активности учащихся на успеваемость через ряд физиологических, когнитивных, эмоциональных механизмов обучения. В исследованиях неоднократно подтверждалось,

что когнитивное развитие происходит в тандеме с двигательными способностями, рассматривалась связь между физической активностью, академическим поведением и успеваемостью, между физической активностью, физиологией мозга, познанием, эмоциями и академической успеваемостью.

Основываясь на идее Г. Беккера о том, что человеческий капитал представляет собой совокупность врожденных способностей и приобретенных знаний, навыков и мотиваций (Kotova et al., 2017), а также на определении А.Л. Блохина и С.В. Котова (Котов, Блохин, 2018, 2020), физическую активность и занятия спортом студентов необходимо считать одним из важнейших компонентов формирования человеческого капитала, оказывающим позитивное воздействие на интеллектуальную активность, физическую форму, здоровье, продолжительность жизни и т.д., т.е. на состояние человеческого капитала и экономики в целом. Следует отметить, что ситуация с COVID-19 и закрытие учебных заведений с марта по апрель 2020 г., а также интенсивное внедрение цифровых технологий и онлайн-обучения снизили число занятий физкультурой и спортом в образовательных учреждениях в нашей стране и во всем мире, что привело к незамедлительным негативным эффектам, несмотря на то, что образовательный процесс был сохранен и осуществлялся в условиях изоляции, а с сентября 2020 г. проходил в смешанном формате, с возможностью для студентов посещать занятия по физической культуре, участвовать в спортивных секциях и соревнованиях.

В связи с вышеизложенным актуальность данного исследования определяется несколькими аспектами: во-первых, необходимо учитывать физическую активность как обяза-

тельную для непрерывного развития учащегося; во-вторых, результаты физической активности выходят далеко за рамки физического здоровья – постоянно растет количество литературы, поддерживающей психологическое и социальное благополучие, когнитивные и академические успехи и даже будущие профессиональные достижения (Rhodes et al., 2019), что в совокупности формирует человеческий капитал выпускника. Цель данного исследования заключается в синтезе данных научной литературы, в которой изучалась связь между физической активностью в вузе, включая физическое воспитание как аспект формирования человеческого капитала студента, и эмоциональным компонентом концепции человеческого капитала, включая показатели взаимосвязи физической активности и академического поведения и успеваемости.

Таким образом, исследование позволяет рассмотреть проблему физического воспитания в более широком, многомерном контексте, который включает объем положительных результатов физической активности и рассматривает их как фундаментальную часть человеческой природы, необходимую для здорового человеческого развития, и компоненту человеческого капитала выпускника. Основываясь на модели формирования человеческого капитала студента средствами образовательных технологий, разработанной в ЮФУ (Котов, Блохин, 2018, 2020; Kotova et al., 2017), предполагаем, что физическая активность является одним из ключевых факторов накопления капитала студента, но и другие факторы, в свою очередь, влияют на физическую активность и друг на друга. Таким образом, происходит формирование синергетической сети обратной связи, результатом которой – показатель суммы

факторов сформированного в процессе обучения человеческого капитала студента в целом.

Понятие «человеческий капитал студента» собирает воедино исчерпывающую базу показателей активности студента, в том числе физической. Использование аспекта физической активности в понятии «человеческий капитал» в данном контексте позволит переосмыслить научное обсуждение физической активности и здоровья студентов с целью формирования положительного дискурса «образование – студент – человеческий капитал». В литературе по человеческому капиталу в образовании, как правило, преобладают такие параметры, как навыки, квалификация и т.д. Но люди неотделимы от этих активов в той же мере, в какой важно их здоровье. Таким образом, в концепции человеческого капитала физическая активность представляет собой актив, способный приносить значительную прибыль.

В основе модели формирования человеческого капитала студента средствами образования лежит утверждение о том, что набор компетенций, знаний и личных качеств студента реализуется в его способности участвовать в активности (в нашем случае физической), в повышении образовательных достижений. Следовательно, в формирование человеческого капитала студента входят различные активы: физический (здоровье и здоровый образ жизни), эмоциональный (психологическое и психическое здоровье, в том числе в результате позитивной физической активности), личностный (навыки межличностного общения, ценности, которые накапливаются в результате занятий спортом, индивидуальной и групповой форм физической активности), социальный (участие в групповой физической активности, играх или

спортивных мероприятиях укрепляет взаимоотношения между людьми, группами, организациями), интеллектуальный (эффект физической активности определяется познавательными и образовательными достижениями учащихся), финансовый (повышение производительности труда связано с физической активностью).

Каждый из вышеперечисленных активов представляет собой ресурс, который можно развивать/накапливать и использовать на протяжении всей жизни. Физическая активность при этом является ключевым фактором развития различных активов человеческого капитала и вместе с ними образует синергетический эффект капитала. Данный подход позволяет сформировать у учащихся позитивное понимание человеческого капитала, отношение к нему не как к абстрактному, а как к вложению, ценному в настоящем и будущем.

Кроме того, подобное представление о сущности формирования человеческого капитала у студентов позволяет сформировать отношение к капиталу в целом и каждому активу не как к автоматически накапливаемым (например, результаты физической активности – дистанция и скорость бега, число попаданий мячом в корзину в баскетболе и т.д.), а как к качественному взаимодействию активов и влиянию физической активности на них, лежащим в основе отношения студента к самой физической активности, и осознание ее важности для остальных активов.

Влияние физической активности на физический актив в концепции формирования человеческого капитала средствами образования безусловно: физическая активность является важной характеристикой здорового развития, а малоподвижный образ

жизни является фактором риска развития ряда серьезных заболеваний и депрессивных состояний (Boronyai et al., 2017). Очевидно, что физическая активность выступает ключевым компонентом энергетического баланса и физической формы. Например, динамика снижения веса от увеличения физической активности отмечается постоянно (Jekauc, 2015). Однако необходимо отметить важность контекста, в котором проводятся занятия спортом и физической культурой.

В Южном федеральном университете молодым людям предоставляются уникальные возможности для занятий физической культурой и спортом и как академической дисциплиной, и вне учебного процесса: есть возможность заниматься индивидуальной физической активностью или участвовать в одной из нескольких спортивных команд, организованных при ЮФУ.

Анализ литературы показал, что спортивные навыки и физическая активность быстро формируют готовность к активному образу жизни (Rhodes et al., 2019; Ryan, Deci, 2001; Simonton, Garn, 2020). Например, обзор нескольких лонгитюдных исследований, выполненных научными коллективами, показал, что занятия спортом в детстве и юности являются важным предиктором физической активности в будущем, сохранения метаболических эквивалентов, избегания сидячего образа жизни (Boronyai et al., 2017). Это объясняет необходимость структурированных программ физической активности студентов в образовательном процессе, которые позволят сохранить способность и сформируют желание к физически активному участию во взрослой жизни (Simonton, Garn, 2020). Следовательно, нет никаких сомнений в том, что вуз – это необходимая среда в развитии физического актива.

Существуют убедительные доказательства того, что регулярная физическая активность может иметь положительное влияние на эмоциональное состояние детей и молодежи (Ryan, Deci, 2001; Simonton, Garn, 2019). Физическая активность связана с такими признаками психического здоровья, как повышение уровня самооценки, успокаивающий эффект, снижение социальной изоляции, развитие социальных навыков и обретение уверенности в отношениях со сверстниками. Особенно убедительны результаты исследований в отношении роста самооценки учащихся после участия в мероприятиях в вузах, связанного с повышенной удовлетворенностью жизнью после позитивного опыта физической активности, в результате которого формируется физическое Я-представление наравне с социальными, эмоциональными и академическими Я-представлениями (Pekrun et al., 2006).

Результаты многих исследований, независимо от их методологии, показали положительную психологическую динамику учащихся, связанную с физической активностью и снижением тревожности, что, в свою очередь, связано со способностью физической активности вызывать психологическое состояние, в котором сочетается расслабление, улучшение настроения, повышение самооценки, рефлексия (Jekauc, 2015; Rhodes et al., 2019; Pekrun, 2006). Следовательно, положительный опыт физической активности может составлять часть человеческого капитала студентов, в котором физические, психологические и социальные активы взаимодействуют и подкрепляют друг друга посредством положительной обратной связи, ключевой переменной которой выступает положительный опыт. Если такие положительные эмоции студен-

тов от физической активности заменяются отрицательными, то опыт трансформируется в стресс или неудовлетворенность физической активностью, что подтверждает вывод, сделанный на основе исследований: значимость и вклад физической активности в развитие человеческого капитала студентов средствами образования зависит от определенных типов контекстов и условий. Положительное развитие не происходит автоматически при простом посещении студентом занятий по физической культуре или записи в спортивную секцию. Результаты формирования человеческого капитала студента через физический и эмоциональный активы опосредованы множеством факторов, в том числе социальный климатом, создаваемый преподавателями физической культуры и спорта.

В рамках данной темы исследования были разработаны альтернативные теоретические подходы для понимания роли эмоций (аффектов) в физической активности. R. Rhodes, D. McEwan и A. Rebar предложили эволюционную перспективу, предполагающую, что аффективная реакция на упражнения будет более положительной, когда воспринимаемая немедленная полезность физической активности высока (Rhodes et al., 2019). По мнению R. Ryan и E. Deci, во время занятий физкультурой и спортом возникает удовольствие и положительные эмоции (аффективные переменные). Они обнаружили четыре фактора: воспринимаемая компетентность, социальное взаимодействие, новизна и воспринимаемое физическое напряжение, которые связаны с положительными эмоциями (Ryan, Deci, 2001). Указанные работы стали отправной точкой для нашего исследования.

Эмоции включают совокупность скоординированных психологических

процессов, в том числе аффективные, когнитивные, физиологические, мотивационные и выразительные компоненты. Эмоциональные переживания всегда присутствуют и значимы для целостного образовательного процесса; поэтому исследователи соглашаются, что эмоции играют фундаментальную роль в процессе обучения, влияя на мотивацию и успеваемость учащихся (Jekauc, 2015).

Для большинства студентов положительные эмоции эффективны в академическом обучении. С одной стороны, учебный опыт, который стимулирует положительные эмоции, помогает учащимся обрести чувство гибкости, внимания, физического здоровья и более высокую успеваемость. С другой стороны, преподаватели, которые учат монотонно, способствуют развитию негативных эмоций, скуки, беспокойства и гнева, что связано со снижением интереса студентов к обучению, формированием поверхностного отношения к обучению и снижением мотивации. В то же время рост положительных эмоций имеет решающее значение для всех преподавателей по любому предмету. Создание в ЮФУ условий для обучения физической культуре и спорту, в которых студенты могут выбирать различные варианты обучения, более гибкие временные рамки, когда вуз предоставляет учащимся дополнительные возможности посещения спортивных секций, бассейна, участия в соревнованиях и спортивных играх, доказало свою эффективность. Например, студенты с удовольствием учатся, когда чувствуют себя компетентными, соответствуют требованиям учебного процесса и ценят его. Напротив, если они чувствуют себя некомпетентными или не интересуются самим учебным процессом и его результатами, обучение им не доставляет удовольствия.

В этом случае чрезмерная сложность заданий вызывает у учащихся гнев и тревогу, а отсутствие внутренней ценности стимула вызывает скуку. Следовательно, существует четкая взаимосвязь между эмоциями и мотивацией в учебном процессе.

В современных исследованиях определен дополнительный компонент (четвертый) основных психологических потребностей – возможность испытать психологическое благополучие, которые связано с внутренней мотивацией и необходимо для успешной учебной или трудовой деятельности (Ryan, Deci, 2001). В рамках концепции формирования человеческого капитала студентов через образовательные технологии физическое воспитание понимается как дисциплина, не только развивающая физическую активность и способности учащихся, но и способная оказывать эмоциональное воздействие на них (Котов, Блохин, 2020). В ряде исследований проанализирована связь эмоций, появившихся при выполнении физической активности на занятиях по физической культуре и спорту, соревнованиях и играх, с результатами обучения по другим предметам и академическим поведением.

Было предложено использование контрольно-оценочной теории эмоций достижений в рамках занятий по физической культуре и спорту. При этом под эмоциями достижений понимаются эмоции, которые напрямую связаны с деятельностью (например, учебной) или результатами достижений (успехами и неудачами). Таким образом, данная теория предлагает таксономию в академической сфере, основанную на социально-когнитивной перспективе. Эмоции организуют в трех измерениях на основе оценок контроля и ценности: валентность (положительная или отрицательная), уровень активности

(активация или деактивация) и объектная направленность (активность или результат). Важно отметить, что согласно данной теории эмоции достижений не всегда опосредуются осознанными оценками, но их можно автоматизировать при повторении (Simonton, Garn, 2020).

Данная теория позволила разработать опросник эмоций достижений. В этой анкете большое количество эмоций разбито на четыре сектора на основе критериев, упомянутых выше: (А) положительные и активирующие эмоции, а именно удовольствие, надежда и гордость; (Б) положительные и дезактивирующие эмоции, а именно облегчение; (С) отрицательные и активирующие эмоции, а именно гнев, тревога и стыд; (D) отрицательные и дезактивирующие эмоции, а именно безнадёжность и скука.

В исследовании приняли участие 120 студентов Академии психологии и педагогики ЮФУ (52 юноши и 68 девушек) в возрасте от 17 лет до 21 года. Участвовали студенты I–III курсов: 40 первокурсников, 40 второкурсников и 40 студентов третьего курса. Выборка не была вероятной, поскольку производилась в зависимости от тех групп студентов, которые согласились участвовать в исследовании. Для проведения факторного анализа выборка была случайным образом разделена на группы примерно по 50% (табл. 1).

Таблица 1

Данные факторного анализа

Факторный анализ	Юноши	Девушки	Возраст (лет)
Исследовательский	27	35	18,5 (1,21)
Подтверждающий	25	33	18,2 (1,21)

Анкета контрольно-оценочной теории эмоций достижений была адап-

тирована к концепции формирования человеческого капитала средствами образования (Котов, Блохин, 2018) и к представлению о синергии активов человеческого капитала студентов с точки зрения значимости актива физической активности, как описано в процедуре. Этот опросник состоит из 24 пунктов, разделенных на шесть эмоций (по четыре для каждой эмоции), охватывающих три основных квадранта контрольно-оценочного измерения эмоций достижений (Simonton, Garn, 2020). Этими эмоциями являются: скука (например, студенты утверждали, что «занятия физкультурой утомляют меня», «я заставляю себя идти в зал»), безнадежность (например, «я потерял всякую надежду эффективно заниматься физкультурой и спортом»), раздражение (например, «я чувствую раздражение во время занятий физкультурой», «меня раздражает, что нужно заниматься физкультурой»), беспокойство (например, «я боюсь, что могу не выполнить задание или упражнение на занятии по физкультуре», «я боюсь подвести мою команду»), удовольствие (например, «я чувствую себя хорошо, когда занимаюсь физкультурой и спортом», «я с удовольствием иду в спортзал», «я ощущаю бодрость и прилив сил после занятий физкультурой», «у меня поднимается настроение после занятий в спортзале») и гордость (например, «я горжусь своими спортивными достижениями», «я горд за свою спортивную команду»). Ответы оценивались по пятибалльной шкале (1 – совершенно не согласен, 5 – полностью согласен).

Также использовалась адаптированная версия шкалы основных психологических потребностей в физических упражнениях и активности, включая пункты измерения новизны. Данный инструмент состоит из следующих пун-

ктов: автономия («я понимаю, что у меня есть возможность делать выбор в отношении того, как я занимаюсь физической культурой и спортом»), компетентность («упражнения по физической культуре, спортивные соревнования и командные игры – это деятельность, с которой я очень хорошо справляюсь»), взаимосвязь («у меня прекрасный контакт и взаимопонимание с членами спортивной команды»), новизна («я открыл в себе возможности заниматься новой физической активностью и/или видом спорта»). Ответы оценивались по пятибалльной шкале (1 – совершенно не согласен, 5 – полностью согласен).

Психометрические свойства шкалы основных психологических потребностей в физических упражнениях и активности были протестированы, чтобы определить ее валидность и надежность с точки зрения дисциплины «Физическая культура и спорт». Так как опросник был адаптирован к дисциплине, необходимо было протестировать инструмент с помощью исследовательского анализа: для факторного отбора использовались множественные критерии, реалистичность полученных результатов определялась через статистику эксцесса Мардии и составила 87,54; для оценки гипотезы использовались наиболее рекомендуемые в настоящее время индексы коррективки: χ^2/df , индекс сравнительного соответствия (ИСС), индекс Такера–Льюиса (ИТЛ), индекс согласия (ИС), индекс приращения соответствия (ИПС). В вышеперечисленных критериях положительное соответствие показали ИС, ИТЛ, ИС, ИПС (до или больше 0,90); ниже 3 – для χ^2/df (Ryan, Deci, 2001).

Также стабильность и согласованность исследуемых компонентов и факторов были изучены с использованием альфы Кронбаха.

Перед проведением исследовательского факторного анализа были рассчитаны критерий Кайзера–Мейера–Олкина ($KMO = 0,93$) и статистические индексы Бартлетта ($\chi^2(276) = 4987$, $p < 0,001$). Эти результаты показывают надежность данных для анализа (табл. 2).

Таблица 2

Исследовательский факторный анализ

Фактор	1	2	3	4	5	6
Гордость	0,73					
Удовольствие		0,71				
Раздражение			0,52			
Беспокойство				0,51		
Безнадежность					0,68	
Скука						0,71

Конвергентная достоверность результатов анкетирования была доказана с использованием альфы Кронбаха (α), среднего (C), стандартного отклонения (CO), коэффициента внутригрупповой корреляции ($КВК$). Все корреляции были значимыми при $p < 0,001$ (табл. 3).

Таблица 3

Конвергентная достоверность результатов анкетирования

Эмоция	C	CO	α	$КВК$
Гордость	3,81	0,73	0,68	0,61
Удовольствие	3,99	0,94	0,83	0,70
Раздражение	1,48	0,71	0,70	0,61
Беспокойство	1,98	0,86	0,71	0,69
Безнадежность	1,48	0,72	0,79	0,71
Скука	1,86	0,90	0,80	0,72

Метод оценки максимальной надежности результатов анализа анкетирования показал соответствие шестифакторной модели: $\chi^2(237) = 491$, $p < 0,001$, $\chi^2/df = 2,072$, ИСС = 0,942, ИТЛ = 0,932, ИС = 0,942, ИПС = 0,915. Стандартизированные факторные на-

грузки были статистически значимыми ($p < 0,001$) и варьировались от 0,47 до 0,83.

Чтобы проверить взаимосвязь результатов опросника с другими переменными, был выполнен регрессионный анализ. С этой целью основные психологические потребности (включая потребность новизны) были введены в качестве предикторов эмоций достижений по другим дисциплинам. Результаты показывают, что основные психологические потребности обладают высокой предсказательной силой. Эмоции с более высоким значением регрессии были положительными (удовольствие и гордость), а эмоции с более низким значением – отрицательными (раздражение и тревога) по категориям: автономия, компетенция, взаимосвязь и новизна (табл. 4).

Таблица 4

Результаты регрессионного анализа

Эмоция (общее по четырем категориям)	R^2	O^2	P	H
Гордость	0,46	0,21	7,73	0,72
Удовольствие	0,50	0,29	9,82	0,00
Страх	0,18	-0,12	-3,91	0,40
Беспокойство	0,31	-0,19	-6,11	0,03
Безнадежность	0,32	-0,29	-9,98	0,35
Скука	0,35	-0,21	-6,17	0,00

Основываясь на том факте, что удовлетворение основных психологических потребностей порождает положительные эмоции, а разочарование порождает отрицательные эмоции, мы провели регрессионный анализ, в котором основные психологические потребности действовали как предикторы эмоций достижения в академической успеваемости и поведении студентов. Результаты показали высокий процент объясненной дисперсии, которая была выше в положительных

эмоциях (удовольствие – 51%, гордость – 46%), чем в отрицательных (скука – 35%, безнадежность – 34%, разочарование – 18%, тревога – 16%). Психологическими потребностями, которые придали большее значение регрессу, были компетентность и новизна как в положительных, так и в отрицательных эмоциях. Анализ значений регрессии предлагает, что генерация положительных эмоций во время занятий по физической культуре и спорту коррелирует с эмоциями по другим дисциплинам и оказывает комплексное воздействие на студентов и формирование их человеческого капитала средствами образования.

Как показало исследование, качество преподавания физической культуры и спорта в ЮФУ имеет большое значение для формирования человеческого капитала студентов. Положительные эмоциональные переживания при физкультуре можно рассматривать как главный фактор увеличения физической активности, которая позитивно воздействует на академическое поведение и успеваемость студентов. Преподаватели физкультуры в специально созданных условиях имеют возможность создавать положительные эмоциональные переживания для студентов и уменьшать переживание отрицательных эмоций с помощью стратегий обучения.

Литература

1. Котов С.В., Блохин А.Л. Методы развития человеческого капитала в образовательной среде // *Kant*. 2020. № 2. С. 263–267.
2. Котов С.В., Блохин А.Л. Развитие человеческого капитала студентов по направлению подготовки 44.03.04 Профессиональное обучение (по отраслям) «Логистический и технический сервис автомобильного транспорта». Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2018.
3. Boronyai, Z., Z. Vass and T. Csányi, 2017. The correlation between the quality physical education and students current and future attitudes towards physical activity. In: Colella, B.A. and S. Epifani (Eds.). *Physical Education in School. Researches. Best Practices. Situation* (pp. 45–52). Lecce; Rovato: Pensa Multimedia.
4. Jekauc, D., 2015. Enjoyment during exercise mediates the effects of an intervention on exercise adherence. *Psychology*, 6: 48–54.
5. Kotova, N. et al., 2017. Human capital – the prospects of development in higher education system. In: 4th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2017 (pp. 271–276). Sofia: STEF92 Technology Ltd.
6. Leisterer, S. and D. Jekauc, 2019. Students' emotional experience in physical education – a qualitative study for new theoretical insights. *Sports*, 7: 10.
7. Pekrun, R., 2006. The control-value theory of achievement emotions: Assumptions, corollaries, and implications for educational research and practice. *Educational Psychology Review*, 18: 315–341.
8. Pekrun, R., A.J. Elliot and M.A. Maier, 2006. Achievement goals and discrete achievement emotions: A theoretical model and prospective test. *Journal of Educational Psychology*, 98 (3): 583–597.
9. Rhodes, R.E., D. McEwan and A.L. Rebar, 2019. Theories of physical activity behaviour change: A history and synthesis of approaches. *Psychology of Sport and Exercise*, 42: 100–109.
10. Ryan, R.M. and E.L. Deci, 2001. On happiness and human potentials: A review of research on hedonic and eudaimonic well-being. *Annual Review of Psychology*, 52: 141–166.
11. Simonton, K.L. and A. Garn, 2020. Control-value theory of achievement emotions: A closer look at student value appraisals and enjoyment. *Learning and Individual Differences*, 81. URL: <https://doi.org/10.1016/j.lindif.2020.101910>.
12. Simonton, K.L. and A. Garn, 2019. Exploring achievement emotions in physical education: The potential for the control-value theory of achievement emotions. *Quest*, 71: 434–446.

Reference

1. Kotov, S.V. and A.L. Blokhin, 2020. Methods of human capital development in the educational environment. *Kant*, 2: 263–267. (rus)
2. Kotov, S.V. and A.L. Blokhin, 2018. Developing human capital of students in who major in 44.03.04 Professional education (industry-wise) "Logistics and technical service of road transport". Rostov-on-Don: Publishing house of SFedU. (rus)
3. Boronyai, Z., Z. Vass and T. Csányi, 2017. The correlation between the quality physical education and students current and future attitudes towards physical activity. In: Colella, B.A. and S. Epifani (Eds.). *Physical Education in School. Researches. Best Practices. Situation* (pp. 45–52). Lecce; Rovato: Pensa Multimedia.
4. Jekauc, D., 2015. Enjoyment during exercise mediates the effects of an intervention on exercise adherence. *Psychology*, 6: 48–54.

5. Kotova, N. et al., 2017. Human capital – the prospects of development in higher education system. In: 4th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2017 (pp. 271–276). Sofia: STEF92 Technology Ltd.
6. Leisterer, S. and D. Jekauc, 2019. Students' emotional experience in physical education – a qualitative study for new theoretical insights. *Sports*, 7: 10.
7. Pekrun, R., 2006. The control-value theory of achievement emotions: Assumptions, corollaries, and implications for educational research and practice. *Educational Psychology Review*, 18: 315–341.
8. Pekrun, R., A.J. Elliot and M.A. Maier, 2006. Achievement goals and discrete achievement emotions: A theoretical model and prospective test. *Journal of Educational Psychology*, 98 (3): 583–597.
9. Rhodes, R.E., D. McEwan and A.L. Rebar, 2019. Theories of physical activity behaviour change: A history and synthesis of approaches. *Psychology of Sport and Exercise*, 42: 100–109.
10. Ryan, R.M. and E.L. Deci, 2001. On happiness and human potentials: A review of research on hedonic and eudaimonic well-being. *Annual Review of Psychology*, 52: 141–166.
11. Simonton, K.L. and A. Garn, 2020. Control-value theory of achievement emotions: A closer look at student value appraisals and enjoyment. *Learning and Individual Differences*, 81. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.lindif.2020.101910>.
12. Simonton, K.L. and A. Garn, 2019. Exploring achievement emotions in physical education: The potential for the control-value theory of achievement emotions. *Quest*, 71: 434–446.

**ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ**

- **Цянь Мэнсинь, Романенко Н.М.** Специфика и тенденции подготовки профессиональных кадров в вузах Китайской Народной Республики
- **Толстихина Е.В.** Развитие человеческого капитала и soft skills студентов вузов средствами виртуальной международной академической мобильности (в курсе дисциплины «Иностранный язык (английский)»)
- **Сагайдачная Е.Н., Мартыненко Е.В.** О некоторых особенностях обучения студентов экономических специальностей в магистратуре в онлайн-режиме
- **Мартыненко Е.В.** Некоторые проблемы онлайн-образования
- **Натуркач М.В.** Медиадискурс в информационном пространстве и необходимость развития медиадискурсивной компетенции студентов

УДК 378

DOI 10.18522/2658-6983-2021-5-63-71

**Цянь Мэнсинь,
Романенко Н.М.**

СПЕЦИФИКА И ТЕНДЕНЦИИ ПОДГОТОВКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КАДРОВ В ВУЗАХ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Ключевые слова: подготовка профессиональных кадров, вузы КНР, национальная система подготовки профессиональных кадров, партнерство, «Один пояс – один путь».

В становлении национальной системы подготовки профессиональных кадров в учебных заведениях страны Китай прошел, по сути, уникальный путь. К проблеме повышения качества непосредственно высшего профессионального образования руководство КНР целенаправленно обратилось в начале 80-х гг. прошлого столетия, когда была осознана необходимость восстановления разрушенных в годы «культурной революции» системы образования и национального научного потенциала и «как-то внезапно профессионализм и знание, особенно научное, стали высоко цениться» (Цзинь Ли, 2015, с. 25). Исходя из острой нехватки высококвалифицированных специалистов, правительство взяло курс на ускоренную их подготовку и возвращение домой тех, кто получил образование и трудился в странах Европы, США и др.; в принятых документах отмечалось, что «ум – это живой кладезь знаний, который не может быть заменен оборудованием, книгами, документацией и чертежами» (Ли Ланьцин, 2010, с. 417).

С середины 1990-х гг. начался подъем высшего образования Китая, реформы и модернизация касались масштабов приема в вузы, введения многоуровневой подготовки, усиления процесса интеграции в мировое образовательное пространство (в рамках Болонского процесса) с одновременным развитием национальной специфики. Были проанализированы и учтены следующие проблемные аспекты профессиональной подготовки (Ган Хуэй и др., 2011; Юй Сяобо и др., 2015):

- несбалансированность универсальных (академических) и профессиональных компетенций;
- низкий уровень научно-теоретической подготовки и оторванность теории от практики;

- слабая сформированность научно-исследовательских и практических навыков у студентов;
- низкие требования к профессиональному стандарту, к аккредитации вузов и педагогов.

С 1995 г. началась реализация национального проекта «100 вузов навстречу XXI веку», который являлся, по сути, конкурсом, своего рода государственной и общественной аккредитацией, и речь шла о значительных дотациях 100 вузам-победителям. Была поставлена задача выйти на уровень лучших международных университетов – и на сегодняшний день достигших этой цели вузов в Китае насчитывается более 40. Параллельно учеными, дидактами, а также государственными служащими в области образования решалась организационно-методическая задача: проанализировать опыт лучших зарубежных вузов, выявить и проанализировать собственные недостатки, разработать конкретные меры по преодолению отставания китайской системы высшего образования от передового международного уровня (Краснова, 2015; Суворова, 2016; Чэнь Чжаоин, 2010, с. 61–65).

Вследствие реформирования и модернизации Китай стал крупнейшим в Азии научным центром и местом для обучения зарубежных студентов; укреплено сотрудничество в области образования более чем со 180 странами и регионами, налажены обмены и сотрудничество с 46 крупными международными организациями, ведущими мировыми университетами; подписаны договоры о взаимном признании дипломов с 50 странами, по всему миру выстроена система институтов и классов Конфуция (Боревская, 2011; Зубарев и др., 2017; Чжан Сыву, 2006).

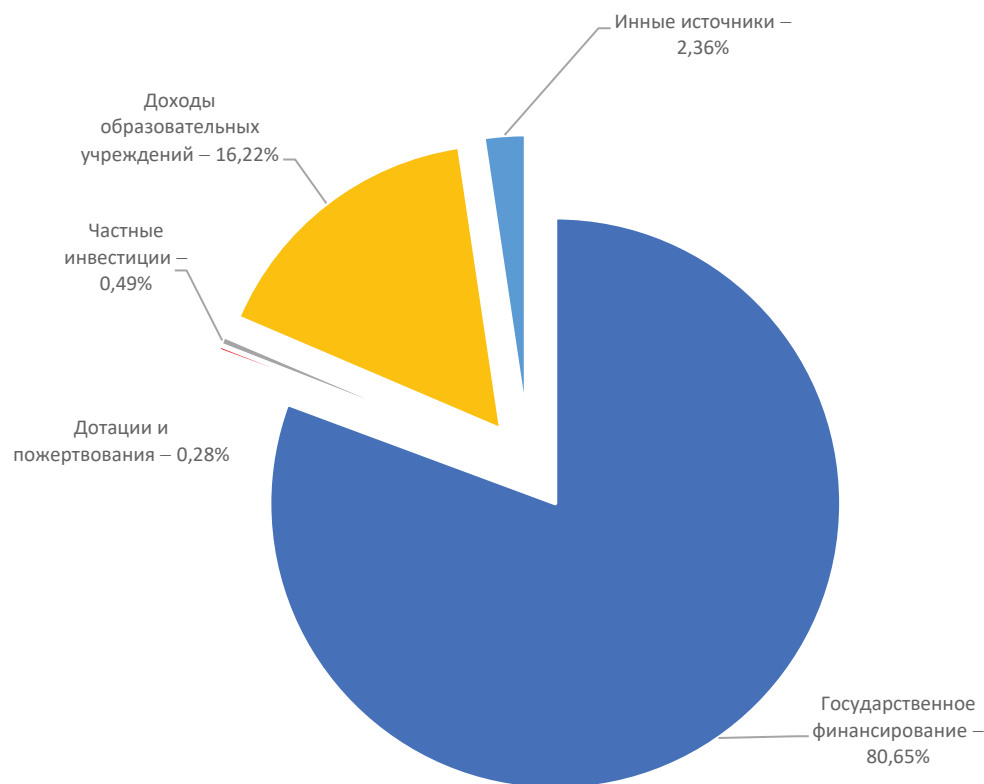
С 2015 г. начался новый этап модернизации и реформирования высшего

образования в КНР, начал действовать государственный проект «Университеты и дисциплины мирового класса» (шуан-и-лю, «Дважды первых, 2.0»), ставящий перед собой амбициозную цель – вывести китайское высшее образование к 2050 г. на позиции безусловного мирового лидера. Проект стимулирует не только достижение высокого качества преподаваемых учебных курсов, представленных в ведущих зарубежных университетах, но и разработку новых, соответствующих современному развитию науки и техники курсов, которые будут представлены исключительно в китайских вузах, подчеркивая их международные конкурентные преимущества (Бессуднов и др., 2017; Ху Цзяньхуа, Лю Янчунь, 2019; Ши Дань Дань, 2016).

В вузах шло активное расширение неакадемического сектора профессионального образования, вводилась многоуровневая подготовка, но с укороченными сроками обучения, и, несмотря на введение платного образования, повышалась роль и удельный вес государственного финансирования (рисунки).

Особое значение в контексте рассматриваемой в исследовании проблемы имеет рассмотрение вопросов специфики и тенденций развития высшего образования в КНР как условия подготовки высококвалифицированных профессиональных кадров в различных сферах.

Качественное образование играет важную вспомогательную роль для экономических преобразований, технологических инноваций, культурного процветания. Основным документом, регламентирующим деятельность вузов КНР, является Закон КНР о высшем образовании, разработанный и принятый на основе двух документов – Конституции КНР и Закона об образовании.

Структура финансирования образования (Зубарев и др., 2017, с. 96)

Закон о высшем образовании вступил в силу 1 января 1999 г., его основной идеей стал курс на модернизацию, сочетание учебы с производством и тенденциями рыночной экономики (Зубарев и др., 2017, с. 87). Известный китайский педагог Цай Юаньпэй обозначил этап модернизации высшего образования как поворот и открытость к научно-техническим достижениям Запада, но с приоритетом воспитания национального достоинства (Машкина, 2013).

Таким образом, большую практическую ориентированность обучения, связь с производством и тенденциями рыночной экономики, а также открытость и всемерное внимание к мировым научно-техническим достижениям можно признать одними из основных тенденций развития высшего профессионального образования в КНР.

В рамках первой тенденции – нацеленности на практическую ориентированность обучения, связь с производством и тенденциями рыночной экономики – отметим, что это представлено в качестве одной из основных целей в отмеченном нами ранее проекте развития университетов «Дважды первых, 2.0».

Совершенно очевидно, что у образования есть свои законы развития: с одной стороны, оно должно давать знания, профессиональные навыки, способствовать всестороннему развитию обучающихся, а с другой – содействовать развитию общества, производству, экономике, социальному прогрессу. В связи с этим можно констатировать, что связь между образованием и практическими потребностями общества достаточно хорошо отлажена по всему циклу обучения – от школ до

производств, НИИ и конструкторских бюро. Университеты являются важным источником технических и технологических инноваций, студенческие проекты и практики вносят свой позитивный вклад в продвижение Китая как технологически и технически сильной страны с международным влиянием.

Следует отметить разнообразные формы производственно-образовательного и научного партнерства: научные парки (технопарки) при университетах, совместные исследовательские и технологические центры, предприятия, созданные университетами, и т.п. (таблица).

Кроме этого, во всех китайских вузах достаточно серьезно относятся как к обязательной разработке и защите инновационных проектов по профилю, так и к производственным практикам. В связи с последним можно отметить,

что, к примеру, в области педагогической профилизации начиная с 1941 г. Министерством образования Китайской Республики были разработаны и строго контролировались «Методы проведения педагогической практики для обучающихся педагогических учебных заведений», где признавалась важная роль педагогической практики и подчеркивалось, что студенты, которые не прошли в установленные сроки аттестацию по педагогической практике, вообще «не могут претендовать на получение диплома о высшем образовании» (Исследовательское бюро..., 1990, с. 472).

На сегодняшний день, не пройдя практику и имея не менее трех пропусков занятий без уважительной причины, студент автоматически остается на повторный год обучения. Он может продолжать посещать занятия, но к

Формы производственно-образовательного и научного партнерства

Форма	Описание	Цели государства
Научные парки (технопарки) на базе университетов	Имущественный комплекс на базе университета, основной целью которого является создание и развитие инновационных фирм. Научный парк представляет собой среду, стимулирующую образование сетей для обмена идеями между фирмами и укрепления связей между университетами и НИИ	Ускоренная коммерциализация технологий, разработанных в университетах, посредством создания стартапов для их внедрения. Трансфер технологий от университетов в частные компании. Развитие предпринимательских навыков у выпускников университетов. Трудоустройство студентов, вернувшихся из-за рубежа
Совместные исследовательские центры	Создаются китайскими университетами, национальными промышленными предприятиями и мультинациональными корпорациями	Ускоренная коммерциализация отечественных технологий. Привлечение в вузы необходимого финансирования НИР
Предприятия, созданные университетами	Предприятия-1. Производственные фирмы и издательства университетов, существующие с 1980-х гг. Предприятия-2. СП между предприятиями и частными компаниями. Предприятия-3. Фирмы, созданные на базе отдельных факультетов для разработки определенной технологии. Развитие предприятий на базе университетов	Государство стимулирует путем предоставления ряда налоговых преференций создание предприятий на базе университетов с целью: – привлечения дополнительного финансирования в вузы; – использования специальных знаний преподавательского состава для развития промышленности путем привлечения профессоров как экспертов в частные предприятия; – ускоренного развития прикладных исследований путем укрепления связей «вузы – промышленность»

Источник: (Канева, 2014).

аттестации не допускается. А если студент вообще отчислен из вуза, он не сможет восстановиться или перейти на обучение в другой вуз. Его удел – получение рабочей профессии низкой и средней квалификации.

Важное значение имеет тот факт, что КНР активно представлена в деятельности Всемирного инновационного саммита по образованию (World Innovation Summit for Education, WISE), в рамках которого реализует несколько важных проектов, стимулирующих связь между профессиональным образованием, предпринимательством и карьерой. Один из таких проектов – функционирование Школы экономики и менеджмента Университета Цинхуа на платформе x-lab (нацелена на развитие творческих способностей обучающихся, их инноваций и предпринимательских идей). Данная платформа развивает способности и готовит к профессиональной деятельности обучающихся трех типов (Кузнецова, Машкина, 2020):

- студентов с развитым воображением (imagination phase students), которые ориентированы на предпринимательство и инновации, но еще не имеют собственных идей и проектов;
- студентов, склонных к инновациям, имеющих свои конкретные идеи, еще не апробированные в предпринимательских проектах;
- студентов или слушателей, имеющих внедренные предпринимательские проекты, поддерживающих и развивающих их.

Вторая важная тенденция профессионального образования в вузах Китая – открытость и всемерное внимание к мировым научно-техническим достижениям, привлечение научных кадров к работе в вузе. Одной из официальных целей модернизации китайского высшего образования и реали-

зации проекта «Дважды первых, 2.0» является превращение вузов в важный источник исследовательских инноваций, учет мирового опыта и передовых идей, в связи с чем реализуются принципы открытости (преодоление отрыва образования от науки, нужд общества и практики, учет лучших мировых тенденций в образовании, развитие академической мобильности т.п.) и сбалансированности (достижение оптимального баланса в таких вопросах, как управление материальными и человеческими ресурсами, соотношение универсальных общеобразовательных, общепрофессиональных и специализированных компонентов учебных программ, гуманитарных и естественнонаучных дисциплин; внедрение инновационных методов и форм обучения и др.) (Азитова, Краснова, 2017; Машкина, 2011; Хижина, 2014).

Большое значение имела политика руководства Китая по аккумуляции интеллектуального потенциала как в рамках важнейших научных и практических направлений развития, так и в контексте профессиональной подготовки в вузах. Значимый вклад внесла реализация целого ряда программ (Валеева, 2018; Шао Хайкунь, 2018; Юань Фаньфань, 2018):

- программа Chunhui (в переводе с кит. «весенний бутон»), роль которой состоит в организационно-финансовом обеспечении научных визитов специалистов, имеющих докторскую степень и выдающиеся достижения в различных областях научных исследований;
- программа «Чанцзян», нацеленной на финансово-организационную поддержку ученых молодого и среднего возраста, которые получили приглашение от китайских вузов читать курс лекций, работать в качестве приглашенных профессоров;

- программа академического краткосрочного возвращения проживающих за рубежом известных китайских ученых для чтения лекций и/или проведения исследований;
- программа поддержки молодых лидеров в различных научных дисциплинах и т.п.

По данным китайских статистических центров, к 2017 г. общее число возвратившихся после обучения за рубежом превысило 500 тыс. человек, из них около 300 тыс. – это специалисты, имеющие по результатам аттестации в иностранных вузах степень магистра и выше (China Statistical Yearbook 2018, <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2018/indexeh.htm>). Более 70% исследователей, вернувшихся в рамках вышеозначенных программ, стали руководителями ключевых национальных исследовательских проектов (Amber Ziyi Wan, <https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20180531154955271>).

В вузах КНР активно используются информационные образовательные технологии, возможности образовательных платформ и т.п. Абсолютное большинство университетов Китая оборудованы современными лабораториями, имеют огромные научные библиотеки с оцифрованными фондами, в них созданы все условия для научно-исследовательской деятельности обучающихся и сотрудников.

В то же время, если говорить о тенденциях изучения русского языка в Китае, то, как отмечает старший преподаватель Чанчуньского педагогического университета Дай Хуэй в своей статье «О преподавании русского языка в Китае: проблемы и перспективы», именно процесс активного развития интернет-технологий потеснил русский язык и обусловил своего рода экспансию английского языка (Дай Хуэй, 2017). Знание английского необходимо в ак-

тивно развивающейся сфере информационных и компьютерных технологий, уровень владения английским языком повышает конкурентоспособность и академическую мобильность выпускников вузов, что обуславливает желание родителей обучать английскому языку детей с раннего возраста, а также включение его в учебную программу в качестве основного предмета, востребованность на вступительных экзаменах. Исследователи отмечают данные тенденции в рамках рассмотрения и анализа истории развития и текущего состояния преподавания русского языка в вузах Китая на основе внутренних образовательных реформ, наличия новых вызовов и возможностей (Мэн Линся, 2016; Охорзина и др., 2019; Хэ Хунмэй и др., 2017).

Для стимулирования научной работы, публикационной и патентной активности студентов и преподавателей в вузах КНР, реализующих профессиональную подготовку, был введен так называемый Шанхайский рейтинг, разработанный специалистами Шанхайского университета Цзяотун. К важнейшим показателям оценивания научной репутации вуза в контексте Шанхайского рейтинга причислены: количество статей, опубликованных магистрантами, преподавателями и исследователями университета в престижных журналах Nature и Science; наличие индекса научного цитирования в ведущих международных базах, представляющих данные о научных публикациях.

В то же время следует отметить, что китайские студенты отличаются своей организованностью, дисциплинированностью, собранностью и трудолюбием. Они понимают, что обучение в вузе может не только дать знания, но и обеспечить статус в обществе, является условием получения в будущем высо-

кооплачиваемой и престижной работы, а также возможностей академической мобильности. При этом они испытывают глубочайшее уважение к преподавателю, и ими очень ценится забота государства: хорошие аудитории в вузах, оснащенные современной аппаратурой; прекрасные библиотеки с электронными вариантами книг и современными поисковыми программами, удобный график работы (до 22.00); возможности для занятий спортом, отдыха, питания; всевозможные льготы для студентов, особенно занимающихся научно-исследовательской работой, и т.п.

Итак, последний аспект, на который мы хотели бы обратить внимание в рамках исследуемой проблемы в контексте проекта «Один пояс – один путь», – это проводимая в последнее время китайским правительством в области образования политика сохранения и привлечения внимания к профессиональному культурному наследию, создания в связи с этим профессиональных образовательных учреждений по развитию национальных ремесел в регионах национальных меньшинств и подготовки высококвалифицированных специалистов в этой области. У КНР очень много точек соприкосновения в культурно-образовательном плане с Российской Федерацией, в которой также уделяется большое внимание культурно-национальному компоненту профессиональной подготовки национальных меньшинств, в том числе и по пути «Экономического пояса Шелкового пути», что может и должно способствовать созданию совместных образовательных, культурно и социально ориентированных проектов в будущем.

Литература

1. Азимова Г.Ш., Краснова М.Н. Особенности системы образования в Китае // Современные проблемы науки и образования. 2017. № 5. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=26953>.
2. Бессуднов А.Р., Куракин Д.Ю., Малик В.М. Как возник и что скрывает миф о всеобщем высшем образовании // Вопросы образования. 2017. № 3. С. 83–109.
3. Боровская Н.Е. Тенденции развития образования в КНР до 2020 г. // Педагогика. 2011. № 7. С. 108–119.
4. Валеева Р.С. Развитие академической мобильности в системе высшего образования Китая: дис. ... канд. пед. наук. Казань, 2018.
5. Ган Хуэй, Ло Юнь, Сунь Чжицян. Выбор стратегии совершенствования показателей оценки аккредитованных специальностей // Исследование высшего образования в Китае. 2011. № 24. С. 16–19. (На кит. яз.)
6. Дай Хуэй. О преподавании русского языка в Китае: проблемы и перспективы // Международный аспирантский вестник. Русский язык за рубежом. 2017. № 2. С. 33–35.
7. Зубарев А.Е., Белевич Е.А., Петрова Е.А. Анализ состояния современной системы образования Китая // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2017. № 1. С. 87–98.
8. Исследовательское бюро по образованию Центрального института педагогических наук. Избранный закон об образовании Китайской Республики (1912–1949). Нанкин: Цзянсу, 1990. (На кит. яз.)
9. Канева М.А. Государственно-частное партнерство в инновационной деятельности вузов Китая // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. Социально-экономические науки. 2014. Т. 14, вып. 1. С. 69–80.
10. Краснова А.А. Развитие системы непрерывного образования в Китае // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Информатизация образования. 2015. № 3. С. 96–105.
11. Кузнецова В.В., Машкина О.А. Глобализация китайского высшего образования как фактор геополитического влияния // Сравнительная политика. 2020. Т.11, № 2. С. 139–150.
12. Ли Ланьцин. Прорыв: Как открывались ворота страны: 30-летию начала реформ посвящается. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010.
13. Машкина О.А. Образование как фактор инновационного развития КНР // Экономика образования. 2011. № 3. С. 88–106.
14. Машкина О.А. Формирование новой модели подготовки школьных учителей в современном Китае // Вестник Московского университета. Сер. Педагогическое образование. 2013. № 3. С. 108–123.
15. Мэн Линся. Обучение русскому языку как иностранному в вузах Китая: проблемы и пути их решения (из опыта работы преподавателей Муданьцзянского педагогического университе-

- та) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2016. № 7. С. 70–75.
16. *Охорзина Ю.О., Салосина И.В., Глинкин В.С.* Особенности преподавания русского языка в условиях вузов КНР: теоретические и методические аспекты // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 44. С. 206–212.
 17. *Суворова Е.А.* Основные направления политики реформ и развития системы образования в КНР в последней четверти XX в. // Россия и АТР. 2016. № 1. С. 261–268.
 18. *Хижина В.И.* Современная система обязательного образования в Китае // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета. 2014. № 11. С. 75–78.
 19. *Ху Цзяньхуа, Лю Янчунь.* Развитие высшего образования в Китае. Россия–Китай: тенденции развития образования в XXI в.: сравнительный анализ. М.: Наука, 2019.
 20. *Хэ Хунмэй, Ма Бунин, У Сяоя.* Преподавание русского языка в вузах Китая: история и развитие // Научный вестник иностранных языков. 2017. № 2. С. 99–103. (На кит. яз.)
 21. *Цзинь Ли.* Культурные основы обучения: Восток и Запад. М.: Изд. дом ВШЭ, 2015.
 22. *Чжан Сыву.* Развитие китайского высшего образования: масштаб и качество // Вестник Сычуаньского педагогического университета. Сер. Социальные науки. 2006. № 1. С. 40–46. (На кит. яз.)
 23. *Чэнь Чжаомин.* Реформирование системы образования в Китае // Гуманитарный вектор. 2010. № 1. С. 61–65.
 24. *Шао Хайкунь.* Развитие системы оценки деятельности вузов в КНР // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Сер. Педагогика, психология. 2018. № 1. С. 18–22.
 25. *Ши Дань Дань.* Система образования в Китае // Актуальные проблемы подготовки бакалавров и магистров в условиях становления уровневого образования: сб. науч. статей. Курган: Курган. гос. ун-т, 2016. С. 222–225.
 26. *Юань Фаньфань.* Организационно-педагогические условия приобщения студентов к научно-исследовательской деятельности в университетах Китая: автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2018.
 27. *Юй Сяобо, Лу Циюе, Ван Лэй.* Независимая оценка качества вузов // Высшее образование. 2015. № 4. С. 33–38. (На кит. яз.)
 28. *Amber Ziye Wan.* Fewer Chinese to stay abroad after graduation – Survey. URL: <https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20180531154955271>.
 29. *China Statistical Yearbook 2018.* URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2018/indexeh.htm>.
 - problems of science and education, 5. Available at: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=26953>. (rus)
 2. *Bessudnov, A.R., D.Yu. Kurakin and V.M. Malik,* 2017. How did the myth about universal higher education arise and what does it hide? Questions of Education, 3: 83–109. (rus)
 3. *Borevskaya, N.E.,* 2011. Trends in the development of education in the People's Republic of China until 2020. Pedagogy, 7: 108–119. (rus)
 4. *Valeeva, R.S.,* 2018. Academic mobility in higher education system of China: Candidate's Thesis in Pedagogical Sciences. Kazan. (rus)
 5. *Hang Hui, Luo Yun, Sun Zhiqiang.* Choosing a strategy for improving the evaluation indicators of accredited specialties. Research of Higher Education in China. 2011, 24: 16–19. (chin.)
 6. *Dai Hui,* 2017. About teaching Russian in China: problems and prospects. International Postgraduate Bulletin. The Russian Language abroad, 2: 33–35. (rus)
 7. *Zubarev, A.E., E.A. Belevich and E.A. Petrova,* 2017. Analysis of the state of the modern education system in China. Bulletin of the Pacific State University, 1: 87–98. (rus)
 8. Research Bureau for Education of the Central Institute of Pedagogical Sciences. The Selected Law on the Formation of the Republic of China (1912–1949), 1990. Nanjing: Jiangsu. (chin.)
 9. *Kaneva, M.A.,* 2014. Public-private partnership in innovation activities of Chinese universities. Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Socio-Economic Sciences, 14 (1): 69–80. (rus)
 10. *Krasnova, A.A.,* 2015. Development of the system of continuing education in China. Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Informatization of Education, 3: 96–105. (rus)
 11. *Kuznetsova, V.V. and O.A. Mashkina,* 2020. Globalization of Chinese higher education as a factor of geopolitical influence. Comparative Politics, 11 (2): 139–150. (rus)
 12. *Li Lanqing,* 2010. Breakthrough: How the gates to the country were opened: dedicated to the 30th anniversary of the beginning of reforms. Moscow: Publishing house of Moscow University. (rus)
 13. *Mashkina, O.A.,* 2011. Education as a factor of innovative development of the People's Republic of China. Economics of education, 3: 88–106. (rus)
 14. *Mashkina, O.A.,* 2013. Formation of a new model of preparing school teachers in modern China. Bulletin of Moscow University. Series 20: Pedagogical Education, 3: 108–123. (rus)
 15. *Meng Lingxia,* 2016. Teaching Russian as a foreign language in Chinese universities: problems and ways to solve them (from the experience of teachers of Mudanjiang Pedagogical University). Bulletin of Tomsk State Pedagogical University, 7: 70–75. (rus)
 16. *Okhorzina, Yu.O., I.V. Salosina and V.S. Glinkin,* 2019. Features of teaching Russian in the condi-

Reference

1. *Azitova, G.Sh. and M.N. Krasnova,* 2017. Features of the education system in China. Modern

- tions of Chinese universities: theoretical and methodological aspects. Bulletin of Tomsk State University, 44: 206–212. (rus)
17. *Suvorova, E.A.*, 2016. The main directions of the policy of reforms and development of the education system in People's Republic of China in the last quarter of the twentieth century. Russia and the Asian-Pacific Region, 1: 261–268. (rus)
18. *Khizhina, V.I.*, 2014. The modern system of compulsory education in China. Proceedings of young scientists of Altai State University, 11: 75–78. (rus)
19. *Hu Jianhua, Liu Yangchun*, 2019. The development of higher education in China. Russia–China: trends in the development of education in the XXI century: Comparative analysis. Moscow: Nauka. (rus)
20. *He Hongmei, Ma Bunin, Wu Xiaoxia*, 2017. Teaching the Russian language in Chinese universities: history and development. Scientific Bulletin of Foreign Languages, 2: 99–103. (chin.)
21. *Jin Li*, 2015. Cultural foundations of education: East and West. Moscow: HSE Publishing House. (rus)
22. *Zhang Xiwu*, 2006. Development of Chinese higher education: scale and quality. Bulletin of the Sichuan Pedagogical University. Series: Social Sciences, 1: 40–46. (chin.)
23. *Chen Zhaoming*, 2010. Reforming the education system in China, Humanitarian Vector, 1: 61–65. (rus)
24. *Shao Haikun*, 2018. Development of the system for evaluating the activities of universities in China. Vector of Science of Togliatti State University. Series: Pedagogy, Psychology, 1: 18–22. (rus)
25. *Shi Dan Dan*, 2016. The education system in China. In: Topical problems of training Bachelors and Masters in the conditions of the formation of level education: collection of scientific articles (pp. 222–225). Kurgan: Kurgan State University. (rus)
26. *Yuan Fanfan*, 2018. Organizational and pedagogical conditions for introducing students to research activities at universities in China: abstract of Candidate's Thesis in Pedagogical Sciences. St. Petersburg. (rus)
27. *Yu Xiaobo, Lu Qiyue, Wang Lei*, 2015. Independent assessment of the quality of universities. Higher Education, 4: 33–38. (chin.)
28. *Amber Ziye Wan*. Fewer Chinese to stay abroad after graduation – Survey. Available at: <https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20180531154955271>.
29. China Statistical Yearbook 2018. Available at: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2018/indexeh.htm>.

УДК 174.7
DOI 10.18522/2658-6983-2021-5-72-78

Толстихина Е.В.

**РАЗВИТИЕ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО
КАПИТАЛА И SOFT
SKILLS СТУДЕНТОВ
ВУЗОВ СРЕДСТВАМИ
ВИРТУАЛЬНОЙ
МЕЖДУНАРОДНОЙ
АКАДЕМИЧЕСКОЙ
МОБИЛЬНОСТИ
(В КУРСЕ ДИСЦИПЛИНЫ
«ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК
(АНГЛИЙСКИЙ)»)**

Ключевые слова: виртуальная мобильность, международная мобильность, английский язык, soft skills XXI в.

Феномен «человеческий капитал» по-разному определяется экономистами и педагогами. Западными экономистами еще в 60-х гг. прошлого века человеческий капитал рассматривался как сумма знаний, инновационных навыков и возможностей сотрудников для достижения желаемых целей. Позже в представление о человеческом капитале внесли понятия физического развития и здоровья человека, его образования (Kotova et al., 2017).

В XXI в. потребность в развитии человеческого капитала трансформировалась в абсолютную необходимость по разным причинам: экономические и политические изменения в глобальном и национальных масштабах требуют постоянного накопления знаний, разработки новых идей, внедрения новых продуктов, новых процессов и методов производства, социальных услуг, творческих подходов, значительная роль отводится формированию soft skills (мягких навыков). В связи с этим человеческий капитал был приравнен к национальному богатству, и остро встал вопрос о взаимосвязи образования и развития человеческого капитала. Во всем мире образование рассматривается как мощный фактор развития нации, а качественное образование выступает катализатором формирования человеческого капитала. В России данная задача образования закреплена в октябре 2018 г. Президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам в паспорте национального проекта «Образование», направленного на повышение качества человеческого капитала страны. В рамках национального проекта цель образования согласуется с теорией человеческого капитала и разработанным в ЮФУ авторский подходом к формированию человеческого капитала

студентов средствами высшего образования. Авторы предлагают совместить традиционную ориентацию высшего образования на академические успехи студентов и формирование навыков XXI в., в которые включены три категории: навыки обучения и инноваций; информационные, медиа- и технологические навыки; жизненные навыки и навыки выстраивания карьеры (Котов, Блохин, 2020; Kotova et al., 2017).

Поскольку навыки, приобретенные в течение трех-пяти лет в высшем образовании, могут устареть, когда выпускники попадут на работу, основу их составляют soft skills, которые помогут выпускникам быстро адаптироваться в постоянно меняющемся мире. Частью формируемых у студентов вузов мягких навыков выступает развитие коммуникативной компетенции на родном и иностранном языке. Особенно это относится к универсальному языку, английскому. Он широко распространен и очень важен как инструмент общения. Значение английского языка в профессиональной и социальной коммуникации давно признано научным сообществом, преподавателями, работодателями как необходимость, поэтому современное образование и, соответственно, развитие человеческого капитала студентов напрямую зависит от уровня владения английским языком: выпускник вуза сегодня должен общаться на английском языке, понимать и быть понятым в рамках общепринятого глобального общения. Эти навыки и умения служат активом общения, взаимодействия, получения профессиональных знаний и общего развития человека. В связи с этим в современном вузе у студента есть возможность учиться и когнитивно развиваться на своем родном языке и на дополнительном, втором языке, например английском, что, безусловно, соз-

дает некоторые трудности в обучении студентов неязыковых направлений подготовки: не все учащиеся в равной степени владеют вторым языком, а это негативно влияет на приобретение знаний, навыков и других компетенций, необходимых для развития человеческого капитала студентов. Это объясняет, почему некоторые выпускники после окончания учебы с трудом выражают свои мысли на английском языке, что закономерно влияет на взаимодействие, общение и самооценку. Такая ситуация требует согласованных усилий по повышению уровня владения английским языком с целью безбарьерного глобального общения и развития человеческого капитала.

Большинство исследований роли иностранного языка в формировании коммуникативной компетенции и soft skills студентов позволяет определить шесть ключевых навыков межличностного общения, в рамках которых выстраиваются программы обучения иностранным языкам: коммуникативные навыки; навыки критического мышления и решения проблем; навык работы в команде; обучение на протяжении всей жизни и управление информацией; профессиональная культура; лидерские качества. Все они определяют уровень soft skills, которыми должен владеть студент вуза, от минимального до продвинутого набора. Продвинутый уровень перечисленных навыков также можно рассматривать как дополнительные мягкие навыки, или «бонус» студента.

Рассмотрим результаты формирования коммуникативных навыков студентов вуза по уровням в системе soft skills (таблица).

Как видно из таблицы, коммуникативные навыки предполагают эффективное общение как на родном, так и на английском языке в разных кон-

Формирование soft skills человеческого капитала студентов средствами английского языка

Мягкие навыки	Обязательный уровень	Продвинутый уровень
Коммуникативные	Ясно, эффективно и уверенно изложить идею устно или письменно на английском языке. Практиковать активное слушание. Четко и уверенно выступать. Использовать возможности ИКТ	Обсуждать вопрос/проблему и приходить к консенсусу. Общаться с людьми из другой культурной среды. Самостоятельно развивать свои коммуникативные навыки
Критическое мышление и навыки решения проблем	Выявлять и анализировать проблемы в сложной ситуации и давать обоснованную оценку. Развивать навыки мышления, такие как объяснение, анализ и оценка обсуждения. Находить идеи и искать альтернативные решения	Делать выводы на основе достоверных доказательств. Понимать и коммуникативно адаптироваться к разнообразной/иной рабочей среде
Работа в команде	Устанавливать хорошие отношения, взаимодействовать и эффективно работать с другими. Распознавать и уважать поведение и убеждения других	Вносить вклад в планирование и координацию групповой работы. Нести ответственность за групповое решение
Навыки непрерывного обучения и управления информацией	Находить и управлять актуальной информацией из различных источников	Предлагать новые идеи. Самостоятельно учиться. Развивать исследовательский ум и искать знания
Профессиональная культура	Профессионально понимать социально-экономические процессы. Анализировать, принимать решения по проблемам, связанным с этикой	Придерживаться этических норм в профессиональной и личной жизни
Лидерские навыки	Понимать проектную деятельность, руководство проектом	Управлять проектной группой

текстах и с разными людьми, а также являются связующим элементом всех soft skills в единую систему.

Для эффективного формирования soft skills в области английского языка необходимо интегрировать студентов в среду этого языка. В условиях ограничений и локдаунов по причине пандемии COVID-19 в рамках решения вопроса роста успеваемости и расширения иноязычной коммуникативной компетенции был избран инструмент «виртуальная мобильность», позволяющий охватить самые разные образовательные цели и задачи. Значение и преимущества такого нетрадиционного типа мобильности с точки зрения развития компетенций и навыков подробно изучаются и обсуждаются в научной литературе.

Международная академическая виртуальная, или онлайн-мобильность рассматривается как средство диверсификации доступных образовательных и межкультурных возможностей обучения, а также как социальный процесс, в котором учащийся становится частью нового образовательного сообщества. Следовательно, виртуальная мобильность должна пониматься как форма открытого дистанционного образования, которая предлагает возможности онлайн-обучения и в некоторых случаях предоставляет студентам возможность развития компетенций посредством обучения на рабочем месте.

Термин «виртуальная, или онлайн-мобильность» подразумевает способ трансграничного образовательного взаимодействия, которое достигается

через участие в сетях, поддерживаемых технологиями и обеспечивающих связи со студентами и учебными заведениями за рубежом (Esche, 2018). При этом существуют другие подходы, согласно которым виртуальная мобильность понимается как на местном, национальном, так и на международном уровне по отношению к обучению студента с использованием виртуальной или дистанционной методологии; виртуальная мобильность – это также возможность изучения определенных тем или определенного количества кредитов или курсов (Op De Beeck, van Petegem, 2013). Это целенаправленная возможность, более гибкая и дешевая по сравнению с физической мобильностью, соответствующая потребностям студентов, позволяющая им изучать новое академическое содержание, улучшать свои коммуникативные, языковые и межкультурные навыки (Choudaha, 2017). Одно из последних определений гласит, что в целом программы виртуальной мобильности заново разрабатываются и предлагаются университетами специально с целью организации онлайн-обучения для тех студентов, которые не используют возможности физической мобильности (Villar-Onrubia, Rajpal, 2016).

С помощью виртуальной мобильности студенты могут расширить программу своего направления подготовки учебными онлайн-мероприятиями в рамках высшего образования в других странах. Таким образом, международная академическая виртуальная или онлайн-мобильность студентов стала мегатенденцией, которая позволяет высшим учебным заведениям предложить учащимся более актуальный, доступный и гибкий способ овладения дисциплинами, дополнительным образованием, академическими программами, возможность трансформи-

ровать традиционную мобильность студентов в виртуальную (Otto, 2018).

Сегодня термин «международная академическая мобильность студентов» приобрел новое звучание в профессиональном дискурсе и повседневной практике. Появилось два основных способа интерпретации международной академической мобильности: «трансграничная» и «из дома». Первый способ, традиционный, подразумевает «перемещение студентов, знаний, программ, образовательных учреждений через национальные или региональные границы» (Aguado Odina et al., 2014), т.е. включает внешнюю мобильность студентов на уровне, например, высших учебных заведений. Второй способ относится к «целенаправленной интеграции международных и межкультурных аспектов в формальную и неформальную учебную программу для всех учащихся в рамках внутренней или “домашней” учебной среды» (Knight, 2004).

Способ мобильности «из дома» подчеркивает важность как внутренней мобильности студентов, так и целенаправленной интеграции международной академической мобильности в учебную программу основного «домашнего» вуза, что позволяет активно участвовать в международной деятельности в условиях ограничений передвижения (Harrison, Peacock, 2010). Данный вариант мобильности тесно связан с межкультурным образованием и развитием международных, межкультурных и глобальных перспектив у всех учащихся, в первую очередь – мягких навыков, а следовательно, и формированием человеческого капитала.

Переосмысление международной академической мобильности студентов в соответствии с упомянутыми выше концепциями может быть поддержано интерпретацией процессов,

которые в настоящее время происходят в образовании и обществе, – интернационализации и цифровизации. Цифровизация высшего образования усиливает тенденцию к смешению новых и традиционных направлений академических траекторий студентов, формирования компетенций и в результате человеческого капитала средствами онлайн- и виртуальной среды. «Критически важно найти способы расширить доступ к международной мобильности максимально возможного числа студентов высших учебных заведений во всех странах» (Choudaha, 2017). Данный подход в 2020–2021 гг. составляет основу развития международной академической мобильности студентов и ее интеграции в их академические достижения.

К преимуществам международной академической онлайн-мобильности в формировании мягких навыков студентов относятся:

- снижение финансовых, географических и временных барьеров;
- объединение неформального и формального образования за счет упрощения признания учебных достижений;
- среда межкультурного обучения за счет расширения межкультурных контактов;
- пополнение знаний и развитие навыков учащихся на основе межкультурного опыта (Aguado Odina et al., 2014);
- возможность выбирать краткосрочные онлайн-программы мобильности по разным направлениям;
- возможность для учащегося взять на себя ответственность за обучение и его траекторию, что позволяет добавить новый и ценный потенциал в целях формирования человеческого капитала студентов средствами образования;
- возможность учащихся привносить родную культуру в межкультурное взаимодействие, выполняя роль культурного посредника между собственной и иностранной культурой, преодолевать стереотипные отношения;
- возможность развивать межкультурную восприимчивость как реакцию на культурные различия и традиции.

Для планирования и реализации мягких навыков среди студентов высших учебных заведений используется целостный подход. Этот подход основан на сочетании нескольких программ и основных мероприятий: формальная преподавательская и учебная деятельность (включая все элементы учебной и дополнительной программы); программы поддержки (академические и неакадемические); жизнь студентов. Приведем принципы формирования soft skills в части коммуникативной компетенции на английском языке:

- принцип субъектной автономии представляет собой развитие навыков межличностного общения студентов с помощью конкретных программ дополнительного образования, например «Английский язык», «Межкультурное общение» и т.д.);
- принцип встроенного обучения: внедрение мягких навыков в учебную и внеучебную деятельность в рамках учебной программы, когда студенту не нужно проходить специальные курсы как отдельную программу. Результаты обучения, связанные с мягкими навыками, интегрированы и являются частью результатов обучения по ряду других курсов;
- принцип смешанного обучения (автономное и встроенное) позволяет развивать soft skills в аспекте

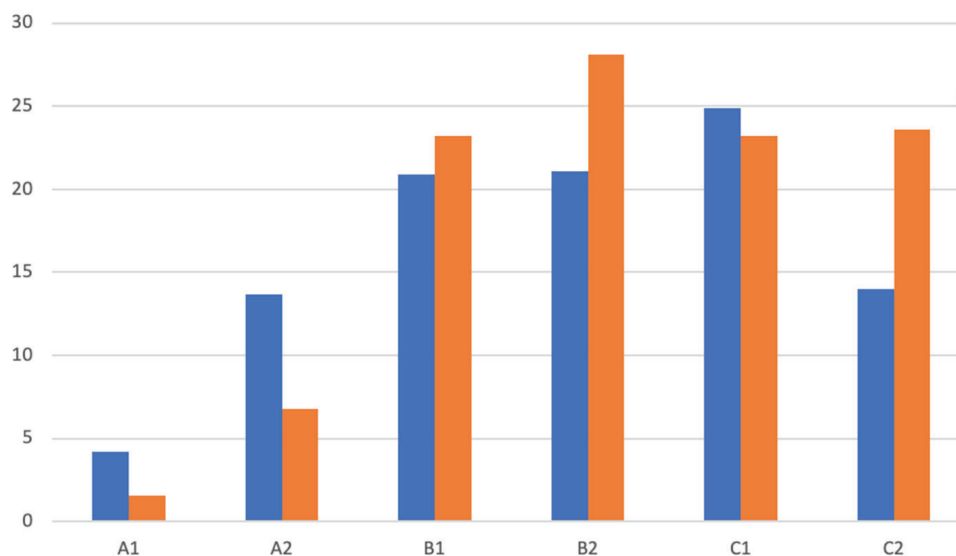
навыков коммуникации с помощью программ и мероприятий международной академической онлайн-мобильности.

В рамках образовательных программ Южного федерального университета используются все три принципа обучения. В условиях закрытия границ и отсутствия возможности физической мобильности в другие страны студентам ЮФУ было предложено участвовать в международной академической онлайн-мобильности по курсам «Иностранный язык (английский)» и «Межкультурная коммуникация» через различные открытые бесплатные учебные платформы Massive Open Online Course (MOOC), которые предлагают вузы-партнеры.

По результатам смешанной формы обучения, которая включала в себя международную академическую онлайн-мобильность студентов, был проведен анализ улучшения их языковых навыков. Большая часть студентов (84%) считает, что они улучшили свои языковые компетенции, в то время как 14% отметили, что они уже свободно говорят на основном языке обучения, а 2%

заявили, что не улучшили свои навыки. Однако при сравнении данных самооценки, которые являются субъективными и отражают восприятие учащимися улучшения своих языковых навыков, с объективными результатами оценок и академических достижений по английскому языку в рамках образовательной программы были отмечены значительные различия: был выявлен прогресс в отношении уровня языковых компетенций. Графическая иллюстрация и сравнение начальной и итоговой оценки представлены на рисунке. Результаты оценивания показаны с использованием шести уровней общеевропейской компетенции владения иностранным языком – от A1 до C2.

В реальном выражении это будет означать, что 45,2% студентов продемонстрировали повышенный уровень языковых компетенций – либо на один уровень выше (30,5%), либо на два уровня выше (12,1%), либо на три уровня выше (2,6%). С другой стороны, 41,5% сохранили тот же уровень языковых компетенций и, что удивительно, 13,1% зарегистрировали снижение

Анализ результатов начальной и итоговой оценки студентов по английскому языку

своих языковых навыков на один уровень (11,4%), а в отдельных случаях даже на два (1,3%) или три (0,3%) уровня.

Качественный человеческий капитал сегодня воспринимается как результат качественного образовательного процесса. Гибкость и адаптированность образовательных программ к внешним вызовам имеют решающее значение для развития человеческого капитала, а владение английским языком является необходимым условием формирования soft skills. Таким образом, для дальнейшего решения этой проблемы выпускникам следует записаться на курсы английского языка как очно, так и онлайн.

Литература

1. Котов С.В., Блохин А.Л. Методы развития человеческого капитала в образовательной среде // *Kant*. 2020. № 2. С. 263–267.
2. Aguado Odina, T., F. Monge and A. Del Olmo, 2014. Virtual mobility in higher education. The UNED Campus Net Program. *Open Praxis*, 6 (3): 287–293.
3. Choudaha, R., 2017. Three waves of international student mobility (1999–2020). *Studies in Higher Education*, 42 (5): 825–832.
4. Esche, M., 2018. Incorporating collaborative online international learning (COIL) into study abroad courses: A training design. URL: <https://digitalcollections.sit.edu/capstones/3096/>.
5. Harrison, N. and N. Peacock, 2010. Cultural distance, mindfulness and passive xenophobia: Using Integrated Threat Theory to explore home higher education students' perspectives on "internationalisation at home." *British Educational Research Journal*, 36 (6): 877–902.
6. Knight, J., 2004. Internationalization remodeled: Definition, approaches, and rationales. *Journal of Studies in International Education*, 8 (1): 5–31.
7. Kotova, N. et al., 2017. Human capital – the prospects of development in higher education system. In: 4th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2017 (pp. 271–276). Sofia: STEF92 Technology Ltd.
8. Op De Beeck, I. and W. van Petegem, 2013. Virtual mobility: An alternative or complement to physical mobility? In: ERACON 2011 & 2012 Dual Year Proceedings (pp. 151–160). Cluj-Napoca, Romania.
9. Otto, D., 2018. The Challenge of Virtual Mobility: Pedagogical Models and Good Practices. *INTED 2018 Proceedings*, 1: 3368–3376.
10. Villar-Onrubia, D. and B. Rajpal, 2016. Online international learning: Internationalising the curriculum through virtual mobility at Coventry University. Perspectives: Policy and Practice in Higher Education, 20 (2–3): 75–82.

Reference

1. Kotov, S.V. and A.L. Blochin, 2020. Methods for the development of human capital in the educational environment, 2: 263–267. (rus)
2. Aguado Odina, T., F. Monge and A. Del Olmo, 2014. Virtual mobility in higher education. The UNED Campus Net Program. *Open Praxis*, 6 (3): 287–293.
3. Choudaha, R., 2017. Three waves of international student mobility (1999–2020). *Studies in Higher Education*, 42 (5): 825–832.
4. Esche, M., 2018. Incorporating collaborative online international learning (COIL) into study abroad courses: A training design. URL: <https://digitalcollections.sit.edu/capstones/3096/>.
5. Harrison, N. and N. Peacock, 2010. Cultural distance, mindfulness and passive xenophobia: Using Integrated Threat Theory to explore home higher education students' perspectives on "internationalisation at home." *British Educational Research Journal*, 36 (6): 877–902.
6. Knight, J., 2004. Internationalization remodeled: Definition, approaches, and rationales. *Journal of Studies in International Education*, 8 (1): 5–31.
7. Kotova, N. et al., 2017. Human capital – the prospects of development in higher education system. In: 4th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2017 (pp. 271–276). Sofia: STEF92 Technology Ltd.
8. Op De Beeck, I. and W. van Petegem, 2013. Virtual mobility: An alternative or complement to physical mobility? In: ERACON 2011 & 2012 Dual Year Proceedings (pp. 151–160). Cluj-Napoca, Romania.
9. Otto, D., 2018. The Challenge of Virtual Mobility: Pedagogical Models and Good Practices. *INTED 2018 Proceedings*, 1: 3368–3376.
10. Villar-Onrubia, D. and B. Rajpal, 2016. Online international learning: Internationalising the curriculum through virtual mobility at Coventry University. Perspectives: Policy and Practice in Higher Education, 20 (2–3): 75–82.

УДК 378.147

DOI 10.18522/2658-6983-2021-5-79-84

**Сагайдачная Е.Н.,
Мартыненко Е.В.**

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ В МАГИСТРАТУРЕ В ОНЛАЙН-РЕЖИМЕ

Ключевые слова: цифровое образование, онлайн-обучение, мотивация, онлайн-магистратура, роль преподавателя.

Пандемия COVID-19 затронула все сферы современного общества, привела к сбою функционирования системы образования, затрагивающему 1,6 млрд учащихся в более чем 190 странах, порождая многолетние социальные и экономические последствия по всему миру (Концептуальная записка..., https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/policy_brief_-_education_during_covid-19_and_beyond_russian.pdf). Однако следует заметить, что данная ситуация не только вскрыла глубинный кризис современного образования, указав на проблемные моменты, слабые стороны, но и открыла новые возможности для инноваций в сфере образования.

Цифровизация обучения в высших учебных заведениях, начавшаяся незадолго до пандемии, открыла новые возможности онлайн-обучения. Согласно отчету ООН за 2020 г., 23,8 млн учащихся (от дошкольников до студентов вузов) окажутся без доступа к образованию или бросят учебу. Прогнозировалось, что последствия пандемии вызовут сбои в обучении на срок от шести месяцев до пяти лет (Dennis, 2019), также предполагается снижение числа новых учащихся, принимаемых в школу, на 15–25%.

Согласно совместному отчету «Бостон Консалтинг Групп» и Университета штата Аризона, общее количество обучающихся в высших учебных заведениях ежегодно снижается на 1–2%, в то время как количество студентов, проходящих онлайн-курсы, ежегодно увеличивается на 5% (Bailey et al., 2018). Вполне очевидно, что в последующее десятилетие будет наблюдаться экспоненциальный рост спроса на онлайн-курсы.

В отличие от традиционного образования, где предполагается усовершенствование навыков и знаний в

одной, полученной ранее профессии или ремесле, современное образование призвано готовить студента к постоянной смене профессиональной траектории, к получению новых умений, навыков, даже нового образования. Такая образовательная траектория напрямую связана с информационными технологиями, что полностью соответствует представлениям современных студентов, родившихся после 2000 г. и являющихся, по словам М. Пренски, «цифровыми аборигенами», имеющими высокий уровень владения цифровыми технологиями (Prensky, 2001).

Модернизация образования под влиянием цифровизации затрагивает все аспекты образования, открывая неизбежность стратегических изменений. Потому большую актуальность представляют работы сопоставительного характера, выявляющие сильные и слабые стороны онлайн-обучения по сравнению с традиционной системой. Особое место в современных исследованиях занимает меняющаяся роль преподавателя. Основные функции преподавателя в условиях цифрового образования представлены в работе А.А. Коломейцевой и Р.Р. Гасановой (Коломейцева, Гасанова, 2020):

- преподаватель (применять методы активного обучения и цифровые технологии для активизации учебно-познавательной деятельности);
- координатор цифрового пространства (применять современные технические средства обучения);
- воспитатель (воспитывать личность будущего специалиста – ценности, установки, мировоззрение и пр.);
- психолог (знать возрастные, когнитивные, личностные особенности обучающихся);
- тьютор (осуществлять сопровождение обучаемых в поиске и приоб-

ретении необходимой информации и ее верной интерпретации).

Очевидно, что в условиях цифровизации образования происходит трансформация не только функций преподавателя, но и мотивации обучения самих студентов, изменение их отношения к обучению в целом. В нашей работе была рассмотрена возможность использования онлайн-обучения в качестве стимула для последующего обучения студентов экономических специальностей в магистратуре. Данное исследование направлено на выявление лояльности среди студентов-бакалавров и работающих молодых людей к онлайн-магистратуре.

Метод анкетирования с последующим интервьюированием и статистическим анализом полученных данных позволил прийти к следующим результатам.

Опрос прошли 100 студентов факультетов «Менеджмент и предпринимательство», «Экономика и финансы», но девять анкет были выбракованы, так как отсутствовал ответ на тот или иной вопрос. К анализу была допущена 91 анкета. Опрос был направлен на две категории: студенты-бакалавры, занимающиеся исключительно учебой в университете, и работающие молодые люди. Выбор категорий опрашиваемых был обусловлен в основном степенью потенциальности продолжения обучения в магистратуре, т.е. опрашиваемую группу составляли лишь будущие магистранты. В результате опроса выделилась еще одна категория – это студенты-бакалавры, которые работают одновременно с получением образования (7% от числа всех опрошенных). Впервые данная категория работающих студентов привлекла к себе внимание ученых в 1990-х гг. (Герчиков, 1999). Феномен состоит в том, что для данной категории трудовая деятельность в при-

оритете по отношению к получению знаний и профессии. Причину ученые видят в нескольких факторах, наиболее важные из которых – это сложность трудоустройства после окончания вуза и платность высшего образования (Басюк, Польская, 2015), а значит, ведущей мотивацией их обучения в большей степени представляется мотивация личного престижа (Ильин, 2002, с. 265). Это является наиболее ярким отличием их социально-психологических особенностей от студентов магистратуры, которые, по наблюдению М.М. Чашко, обладают креативностью, значительной долей автономии, мотивацией осознанного самостоятельного развития этих качеств (Чашко, 2019). Такие студенты достигают определенных академических успехов, сознательно погружаясь в учебу, получая знания и умения, которые они с готовностью применяют в реальной жизни (Lee et al., 2019).

Опрос был разделен на две части. Первая часть была посвящена отношению к возможности обучения в онлайн-магистратуре применительно к самому опрашиваемому. Вторая часть была направлена на выявление отрицательных и положительных черт онлайн-магистратуры.

Подавляющее большинство опрошенных относится к категории студентов-бакалавров – 62 человека. Положительно об онлайн-магистратуре отзываются 26 человек. Нейтрально относятся к ней 25 человек. Негативное отношение имеют 11 респондентов из данной категории. Данные по этой категории в процентном соотношении приведены на рис. 1.

Вторая по численности категория – это работающие молодые люди (22 человека). Девять человек отмечают свое положительное отношение к онлайн-магистратуре, семеро относятся к ней нейтрально, шесть человек характе-

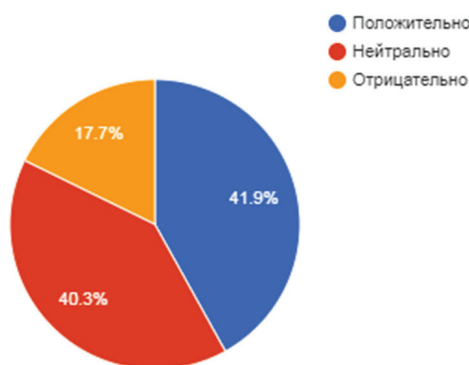

Рис. 1. Отношение к онлайн-магистратуре студентов-бакалавров

ризуют свое отношение как отрицательное. Данные по этой категории в процентном соотношении приведены на рис. 2.

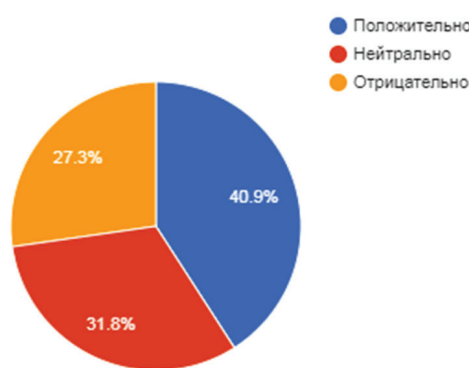

Рис. 2. Отношение к онлайн-магистратуре работающих молодых людей

Третья категория – это студенты-бакалавры, которые уже работают. Таких студентов оказалось семь человек. Положительно оценивают свое отношение к онлайн-магистратуре пятеро, один человек – нейтрально, один человек – отрицательно. Данные по этой категории в процентном соотношении приведены на рис. 3.

Первые две категории показали почти полное единодушие в положительном отношении к онлайн-магистратуре – 41,9 и 40,9%. Однако их нейтральная оценка отличается примерно на 10%: студенты-бакалав-

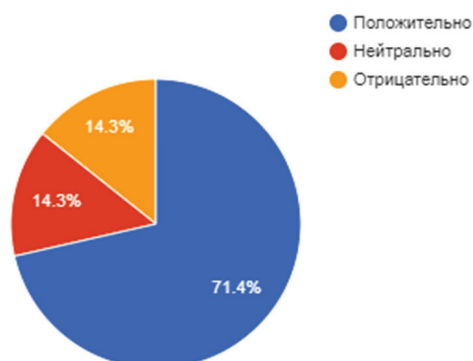

Рис. 3. Отношение к онлайн-магистратуре работающих студентов-бакалавров

ры – 40,3%, работающие молодые люди – 31,8%. Отрицательное отношение также расходится приблизительно на 10%: студенты-бакалавры – 17,7%, работающие молодые люди – 27,3%. В общем данные этих категорий более или менее идентичны, однако студенты-бакалавры показывают большую лояльность по отношению к онлайн-магистратуре.

Новая категория работающих студентов-бакалавров обнаруживает самое сильное доверие к онлайн-магистратуре по сравнению с предыдущими группами – 71,4%, а также показывает самый низкий процент отрицательного отношения – 14,3%. Обусловлено это, по нашему мнению, наибольшей загруженностью данной категории, способностью к быстрой переключаемости и высокой самодисциплине. Но следует упомянуть, однако, что это самая малочисленная категория. Исходя из мотива обучения «личный престиж» (Ильин, 2002) ведущим здесь является желание самоутвердиться, стремление к независимости, оригинальности.

Во второй части опроса были получены следующие данные.

Как положительные факторы онлайн-магистратуры были отмечены следующие позиции (по частотности упоминания):

1. Требуется меньше времени по сравнению с традиционной магистратурой.

2. Удобно совмещать с работой и семьей.

3. Экономия времени и средств на проезд.

Отрицательными факторами онлайн-магистратуры, по мнению опрошенных, являются (по частотности упоминания):

1. Отсутствие живого общения / контакта / обратной связи с преподавателем, что снижает степень понимания и погружения в материал.

2. Качество предъявляемой информации в онлайн-магистратуре ниже, чем в традиционной.

3. Необходимость большей самодисциплины.

4. Зависимость от отдельных внешних факторов, таких как качество связи, соответствие компьютерной системы, телефонных приложений и пр.

Примечательно, что, по результатам исследования А. Ксемали, именно креативность, гибкость мышления, психолого-педагогические особенности преподавателя способствуют эффективности интерактивного обучения, отличающегося от традиционного обучения способом передачи знаний (Xhemajli, 2016). Не удивительно, что ведущим отрицательным признаком онлайн-обучения респондентами было названо именно отсутствие контакта с преподавателем. Несмотря на зрелость и относительную автономность этой группы обучаемых, фактор взаимодействия преподавателя с обучаемым по-прежнему является ключевым. Эту же идею высказывают российские ученые К.С. Шалагинова и Е.В. Декина, подчеркивая значимую роль преподавателя в поддержании обратной связи и необходимости педагогической поддержки студентов (Шалагинова, Декина, 2020).

Необходимость трансформации системы высшего образования продиктована не только накопившимися внутренними проблемами, но и глобальными внешними обстоятельствами. Использование онлайн-обучения в магистратуре ни в коем случае не должно полностью заменить традиционное обучение, вытеснив преподавателя. Лишь умелое использование инновационных технологий профессиональным, креативным, гибким, чутким преподавателем ведет к снижению эмоциональной напряженности, созданию коммуникативной среды, повышению эффективности обучения. Результаты данного исследования могут оказаться полезными методистам, педагогам, руководителям в области высшего образования как опора при создании успешных онлайн-курсов для магистратуры экономических специальностей.

Литература

1. Басюк А.В., Польская А.И. Работающий студент // Бизнес-образование в экономике знаний. 2015. № 1. С. 5–7.
2. Герчиков В.И. Феномен работающего студента вуза // Социологические исследования. 1999. № 8. С. 87–94.
3. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. СПб.: Питер, 2002.
4. Коломейцева А.А., Гасанова Р.Р. Модернизация образовательной среды к вызовам цифровизации высшей школы // Мир университетской науки: культура, образование. 2020. № 9. С. 167–175.
5. Концептуальная записка: Образование в эпоху COVID-19 и в последующий период. URL: https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/policy_brief_-_education_during_covid-19_and_beyond_russian.pdf.
6. Чашко М.М. Построение курса иностранного языка для магистратуры: социально-психологический портрет магистранта // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2019. № 3. С. 190–202.
7. Шалагинова К.С., Декина Е.В. Оценка удовлетворенности студентов обучением в условиях дистанта как инструмент повышения качества образования // Мир университетской науки: культура, образование. 2020. № 10. С. 212–220.
8. Bailey, A. et al., 2018. Making digital learning work. URL: <https://edplus.asu.edu/sites/default/files/BCG-Making-Digital-Learning-Work-Apr-2018%20.pdf>.
9. Dennis, M., 2019. Higher education opportunities after COVID-19. URL: <https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20200507152524762>.
10. Lee, J., H.D. Song and A.J. Hong, 2019. Exploring factors, and indicators for measuring students' sustainable engagement in e-learning. Sustainability, 11 (4): 985–996.
11. Prensky, M., 2001. Digital natives, digital immigrants. On the Horizon, 9. URL: <https://marcprensky.com/writing/Prensky%20-%20Digital%20Natives,%20Digital%20Immigrants%20-%20Part1.pdf>.
12. Xhemajli, A., 2016. The role of the teacher in interactive teaching. International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education, 4 (1): 31–37.

Reference

1. Basyuk, A.V. and A.I. Polskaya, 2015. A working student. Business education in the knowledge economy, 1: 5–7. (rus)
2. Gerchikov, V.I., 1999. The phenomenon of a working university student. Sociological Research, 8: 87–94. (rus)
3. Ilyin, E.P., 2002. Motivation and motives. St. Petersburg: Peter. (rus)
4. Kolomeitseva, A.A. and R.R. Gasanova, 2020. Modernization of the academic setting to meet the challenges of higher education digitalization. The World of Academia: Culture, Education, 9: 167–175. (rus)
5. Conceptual note: Education in the era of COVID-19 and beyond. Available at: https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/policy_brief_-_education_during_covid-19_and_beyond_russian.pdf. (rus)
6. Chashko, M.M., 2019. Foreign language course for Master students: learners' social and psychological characteristics. Bulletin of Moscow State Linguistic University. Education and Pedagogical Sciences, 3: 190–202. (rus)
7. Shalaginova, K.S. and E.V. Dekina, 2020. Evaluating student' satisfaction with distance learning as a tool for improving education quality. The World of Academia: Culture, Education, 10: 212–220. (rus)
8. Bailey, A. et al., 2018. Making digital learning work. Available at: <https://edplus.asu.edu/sites/default/files/BCG-Making-Digital-Learning-Work-Apr-2018%20.pdf>.
9. Dennis, M., 2019. Higher education opportunities after COVID-19. Available at: <https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20200507152524762>.

10. *Lee, J., H.D. Song and A.J. Hong*, 2019. Exploring factors, and indicators for measuring students' sustainable engagement in e-learning. *Sustainability*, 11 (4): 985–996.
11. *Prensky, M.*, 2001. Digital natives, digital immigrants. *On the Horizon*, 9. Available at: <https://marcprensky.com/writing/Prensky%20-%20Digital%20Natives,%20Digital%20Immigrants%20-%20Part1.pdf>.
12. *Xhemajli, A.*, 2016. The role of the teacher in interactive teaching. *International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education*, 4 (1): 31–37.

УДК 378.147

DOI 10.18522/2658-6983-2021-5-85-89

Мартыненко Е.В.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОНЛАЙН-ОБРАЗОВАНИЯ

Ключевые слова: онлайн-образование, терминология онлайн-обучения, риски онлайн-образования, проблемы высшего образования в цифровой среде.

Онлайн-образование пришло в нашу жизнь внезапно и стремительно. В результате пандемии 2020 г. весь мир был вынужден находить альтернативные способы коммуникации, так как традиционные были недоступны. В 2021 г. осуществлены критические исследования платформ цифрового образования (Descupere et al., 2021). Образование вышло в онлайн, что являлось единственным возможным и жизнеспособным вариантом обеспечения его непрерывности. Наличие онлайн-курсов дополнительного образования задолго до пандемии некоторым образом подготовило почву для плавного перехода.

Такие ученые, как У. Боуэн, М. Милакович, В. Тестов, М. Томас, Р. Шроф и др., несколько лет проводят исследования в области онлайн-образования и предлагают модернизировать образовательную среду, используя цифровые инструменты учебной деятельности, выявляют различные проблемы и предлагают способы их решения (Тестов, 2012; Bowen, 2013; Milacovich, Wise, 2019; Shroff et al., 2007; Thomas, 2011).

В основе нашего исследования лежат теоретические позиции российских и зарубежных ученых в области онлайн-образования. Исследование проблем цифрового образования в условиях современного общества проводилось в рамках системного и диалектического подходов, которые определяются его целью и задачами. Междисциплинарный подход оправдан исследованием цифровой образовательной среды с точки зрения психологии, социологии и педагогики. В исследовании принял участие 101 студент II курса РГЭУ («РИНХ») в возрасте 18–22 лет, прошедшие период онлайн-обучения в высшем учебном заведении с марта по июнь 2020 г.

Опрос проводился с использованием Google-формы, которую распределяли среди студентов посредством платформы для общения WhatsApp. Математическая обработка данных проводилась с использованием программ анализа статистической информации. Респондентам было предложено для ответа два вопроса. Первый вопрос касался их отношения к онлайн-образованию (варианты ответов – положительно, отрицательно, нейтрально). На второй вопрос о проблемах, с которыми они столкнулись, обучаясь в онлайн-формате, респонденты отвечали в свободной форме.

Целью исследования стало выявление отношения студентов к онлайн-образованию, а также определение проблем, с которыми столкнулись студенты на практике при онлайн-обучении.

Онлайн-образование, кроме огромной помощи и облегчении связи между людьми в период пандемии, принесло некоторые проблемы. Часть этих проблем лежит на поверхности, часть на первый взгляд не заметить. Так, например, одной из скрытых проблем является проблема терминологического характера. Существует несколько терминов, обозначающих процесс обучения вне учебной аудитории: *онлайн-образование/обучение, дистанционное обучение/образование, электронное обучение/образование*. Такое количество терминов, описывающих одно понятие, – это нонсенс для любой терминологии. Так, по словам крупнейшего терминоведа XX в. Д.С. Лотте, «терминология как наука рассматривает термин как члена определенной терминологии, употребляющегося изолированно и стремящегося к однозначности в пределах данной терминологии» (Лотте, 1961, с. 73). Термин должен стремиться к монотематичности. Что означают эти терми-

ны? Являются ли они синонимами? Так как в русский они были заимствованы из английского языка, рассмотрим, как толкует их англоязычный толковый словарь «Британника»: дистанционное обучение, также называемое дистанционным образованием, электронным обучением и онлайн-обучением, – форма обучения, в которой основными элементами являются физическое разделение преподавателей и студентов во время обучения и использование различных технологий для облегчения общения ученика с учителем и ученика с учеником. Дистанционное обучение традиционно ориентировано на студентов, которые не могут посещать аудиторские лекции, таких как штатные работники, военнослужащие, иногородние или лица из отдаленных регионов. Однако оно стало устойчивой частью образовательного мира, и тенденции указывают на продолжающийся рост. Только в сфере высшего образования США осенью 2009 г. более 5,6 млн студентов университетов прошли хотя бы один онлайн-курс по сравнению с 1,6 млн в 2002 г. (Distance learning, <https://www.britannica.com/topic/distance-learning>).

Таким образом, данные термины в языке оригинала являются синонимами, что позволяет и в русском языке использовать их в качестве синонимов. Более того, в последние годы появился новый заимствованный термин – «цифровое обучение/образование», перевод английского термина digital learning. К сожалению, в англоязычных словарях (а также в русских толковых словарях) данный термин не нашел еще своего отражения.

Далее рассмотрим сущностные проблемы функционирования онлайн-образования через призму высшего образования. Какие проблемные области скрываются здесь? Так, по мнению

Н.В. Кузнецова, существует три основные проблемы высшего образования при использовании онлайн-технологии, которые касаются инфраструктуры вузов, преподавателей и студентов (Кузнецов, 2019, с. 24–25). Первая проблема российских вузов – недостаточность развития собственной цифровой инфраструктуры. Создание качественного онлайн-курса является довольно трудозатратным и дорогостоящим мероприятием: требуется проработка умных ИТ-сервисов вуза, ввод программно-технических решений в эксплуатацию и др. Кроме талантливых лекторов и преподавателей, необходимы компетентные специалисты в цифровой сфере, которые помогут воплотить приемы геймификации, задействовать возможности искусственного интеллекта и дополненной реальности для нужд высшего образования, что сейчас является важными составными частями онлайн-обучения наряду с видеолекциями и групповыми занятиями на платформе Zoom и др.

Большой специалист в сфере информационной безопасности профессор И.В. Ажмухамедов проанализировал возможные последствия реализации единой цифровой образовательной среды и выявил следующие риски (Ажмухамедов, Кузнецова, 2020, с. 8–9):

- риски, связанные со здоровьем учащихся;
- риски утраты социальных навыков;
- информационные риски (риск нарушения конфиденциальности, риск нарушения целостности образовательного контента, риск нарушения доступности к цифровой образовательной среде, риск нарушения аутентичности информации, риск нарушения неотказуемости).

Из этого вытекает и вторая проблема вузов – необходимость подготовки преподавателей с новыми навыками

работы в цифровой среде. Онлайн-обучение требует от преподавателя овладения тремя различными компетенциями: компетентный специалист в своей сфере; педагог, владеющий современными технологиями; продвинутый пользователь цифрового инструментария. Необходимо также отметить, что сам стиль онлайн-преподавания отличается от традиционных лекций и практики. Прежние методы преподавания не всегда работают в онлайн-формате. Например, одна из главных проблем – это трудности по организации онлайн-работы. Каким образом обеспечить успешное онлайн-взаимодействие между студентами, какие возможности есть для максимизации онлайн-обучения независимо от дисциплины, режима зачисления или типа задачи, а также как можно минимизировать препятствия для участия студентов в занятиях при разном уровне технологической уверенности и обеспеченности? Кроме всего прочего, психологически трудно вести лекцию наедине с компьютером или камерой, в отличие от живых занятий в аудитории.

Третьей проблемой является малый процент студентов, успешно завершивших онлайн-курс и получивших документ об образовании. С одной стороны, классические вузы России не предлагают онлайн-курсы бакалавриата или магистратуры. Онлайн-образование сейчас носит интегрированный характер, и современная система высшего образования во многом имеет черты смешанного обучения – онлайн-занятия ведутся наряду с офлайн-занятиями.

Как же сами студенты относятся к онлайн-обучению? В 2021 г. студентам II курса РГЭУ («РИНХ») было предложено пройти опрос, касающийся их отношения к онлайн-образованию.

В ходе исследования было выяснено, что 65,3% опрошенных (66 человек) положительно относятся к онлайн-образованию; 27,7% (28 человек) описывают свой опыт онлайн-образования как негативный; и только 7% (7 человек) характеризуют его как нейтральный.

Среди самых распространенных проблем, с которыми студенты сталкиваются в онлайн-обучении, можно отметить (по частоте упоминания):

- технические проблемы;
- невозможность сразу задать вопрос преподавателю;
- неспособность понять материал или погрузиться в него (отвлекающие факторы);
- недостаток самодисциплины;
- неуверенность в качестве онлайн-образования.

Итак, цифровое пространство предоставляет широкие возможности для формирования нового типа личности, которых не было в традиционной образовательной сфере. Студент цифровой эры – это совсем другой тип личности, нежели сформированный в нецифровую эпоху. Он более инициативный, в целом положительно относится к онлайн-обучению как более удобной форме обучения. Однако существуют проблемы, которые мешают успешному освоению материала посредством онлайн-образования.

Технические проблемы являются самой частой и системной проблемой. Даже сейчас, в XXI в., многие студенты не имеют дома стабильного доступа в интернет, особенно далеко от крупных промышленных городов. Кроме того, часто встречаются технические сбои на платформах для коллабораций студентов с преподавателями. Решение данной проблемы видится в развитии инфраструктуры для онлайн-образования – как внутривузовской, так и в масштабах всей страны.

Невозможность задать вопрос преподавателю и неспособность понять материал в онлайн-режиме во многом лежит в поле психологии. С одной стороны, психологическая зависимость и потребность некоторых студентов в поощрении и внимании к ним преподавателя может тормозить в них проявление смелости, настойчивости и инициативы. С другой стороны, общение между студентом и преподавателем – очень тонкий аспект, и опытный преподаватель всегда может варьировать педагогические техники и приемы в ходе урока в зависимости от нужд студентов, например добавить примеры, если непонятно, обсудить вопрос подробнее, вернуться к прошлой теме, если видит пробелы, и т.д. Данную проблему можно решить комбинацией онлайн- и традиционного образования в так называемом смешанном образовании, когда лекции предлагаются для студентов и в записи, и в онлайн-режиме. Причем записанные лекции предлагаются для предварительного просмотра перед занятием, что помогает студентам погрузиться в тему, определить круг вопросов для живого обсуждения с преподавателем и т.д.

Недостаток самодисциплины может стать не проблемой, а точкой опоры, от которой можно оттолкнуться в работе над собой. В данном контексте мы можем говорить о трансформации личности студента. Он перестает быть пассивным ведомым, сам распределяет время и трудозатраты, имея перед собой план занятий и материалы, и ограничен только датой сдачи каждого вида работ. Самообразование сейчас является одной из необходимых компетенций любого молодого специалиста, а без самодисциплины оно невозможно.

Неуверенность в качестве онлайн-образования является одной из самых

важных проблем. Но решить ее возможно, только устранив предыдущие три.

Перспективы исследования направлены на дальнейший мониторинг и изучение проблем студентов, использующих информационные платформы онлайн-образования, для дальнейшего усиления вариативности форм учебной деятельности в новой цифровой парадигме образования.

Литература

1. Ажмухамедов И.В., Кузнецова Ю.В. Анализ преимуществ и возможных последствий реализации единой цифровой образовательной среды // Перспективы и приоритеты педагогического образования в эпоху трансформаций, выбора и вызова: сб. науч. трудов. Казань: Казанский федеральный университет, 2020. Ч. 2. С. 3–12.
2. Кузнецов Н.В. Онлайн-образование. Ключевые тренды и препятствия // E-Management. 2019. Т. 2, № 1. С. 19–25.
3. Лотте Д.С. Основы построения научно-технической терминологии: вопросы теории и методики. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961.
4. Тестов В.А. Переход к новой образовательной парадигме в условиях сетевого пространства // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 4–1. С. 150–156.
5. Bowen, W., 2013. Higher education in the digital age. N.Y.: Princeton University Press.
6. Decuypere, M., E. Grimaldi and P. Landri, 2021. Critical studies of digital education platforms. Critical Studies in Education, 62 (1): 1–16.
7. Distance learning. URL: <https://www.britannica.com/topic/distance-learning>.
8. Milacovich, M. and J.-M. Wise, 2019. Digital learning: the challenges of borderless education. Northampton: Edward Elgar Publishing Limited.
9. Shroff, R. et al., 2007. Studente-learning intrinsic motivation: A qualitative analysis. Communications of the Association for Information Systems, 19 (1): 241–260.
10. Thomas M., 2011. Digital Education: Opportunities for Social Collaboration. Luxembourg: Springer.

Reference

1. Azhmukhamedov, I.V. and Yu.V. Kuznetsova, 2020. Analysis of the advantages and possible consequences of implementing a unified digital educational environment. In: Prospects and priorities of pedagogical education in the era of transformations, choice and challenge: collection of scientific works (Part 2, pp. 3–12). Kazan: Kazan Federal University. (rus)
2. Kuznetsov, N.V., 2019. Online education. Key trends and obstacles. E-Management, 2 (1): 19–25. (rus)
3. Lotte, D.S., 1961. Fundamentals of the construction of scientific and technical terminology: questions of theory and methodology. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. (rus)
4. Testov, V.A., 2012. Transition to a new educational paradigm in the conditions of the network space. Bulletin of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, 4–1: 150–156. (rus)
5. Bowen, W., 2013. Higher education in the digital age. N.Y.: Princeton University Press.
6. Decuypere, M., E. Grimaldi and P. Landri, 2021. Critical studies of digital education platforms. Critical Studies in Education, 62 (1): 1–16.
7. Distance learning. Available at: <https://www.britannica.com/topic/distance-learning>.
8. Milacovich, M. and J.-M. Wise, 2019. Digital learning: the challenges of borderless education. Northampton: Edward Elgar Publishing Limited.
9. Shroff, R. et al., 2007. Studente-learning intrinsic motivation: A qualitative analysis. Communications of the Association for Information Systems, 19 (1): 241–260.
10. Thomas M., 2011. Digital Education: Opportunities for Social Collaboration. Luxembourg: Springer.

УДК 378

DOI 10.18522/2658-6983-2021-5-90-100

Натуркач М.В.**МЕДИАДИСКУРС
В ИНФОРМАЦИОННОМ
ПРОСТРАНСТВЕ
И НЕОБХОДИМОСТЬ
РАЗВИТИЯ
МЕДИАДИСКУРСИВНОЙ
КОМПЕТЕНЦИИ
СТУДЕНТОВ**

Ключевые слова: информационное пространство, информационная среда, дискурс, медиадискурс, медиатекст, СМИ, медиаобразование.

Социум в современном мире пронизан информацией. Информационное пространство находится в постоянном движении, обуславливая и формируя основы общественной жизни. Как никогда актуальным становится и анализ взаимодействия вовлеченных субъектов, особенно на уровне социальных групп, власти. Условность границ в пространстве и времени делает возможным стремительное перемещение информации. К этому добавляются новые возможности в последующей ее передаче и обработке. В подобной ситуации сглаживаются социальные, языковых и иные стереотипы. В целом больше возможностей появляется для построения открытого общества и формирования свободного информационного пространства. В условиях расширения информационного пространства значительное влияние испытывают все участники общественной жизни современности.

Кроме того, на текущей стадии развития наук гуманитарного цикла отчетливо заметен интерес к специфике функционирования сферы массовой коммуникации. Данное обстоятельство можно объяснить тем фактом, что общество постепенно осознало колоссальную роль средств массовой информации в динамике и эволюции социальной жизни; не случайно СМИ уже достаточно давно получили название «четвертая власть». Повседневная деятельность во всем многообразии общественной жизни опосредованно корректируется, чему способствует активное развитие и трансформация традиционных массмедиа, в свою очередь, быстро воспринимающих стремительный рост высоких компьютерных технологий и имплементацию интернет-ресурсов. Сегодня медийный вербальный, аудиальный и визуальный контент является одной

из наиболее распространенных форм порождения и накопления информационного массива. Медийный дискурс, в свою очередь, можно понимать как институциональную форму коммуникации, применяющую специфическую систему профессионально ориентированных знаков, обладающую своим подязыком и собственными прагматическими задачами. Именно медийный дискурс на фоне происходящих трансформаций в общественной картине мира представляет наибольший научный интерес, особенно в аспекте медиаобразования. Медийная среда накладывается на информационную, искажает ее, ретранслируя ее тем образом, который выгоден тому или иному политическому либо общественному актору. Данные обстоятельства и детерминируют актуальность тематики настоящей статьи.

Прежде чем рассмотреть специфику функционирования современного информационного пространства и соотношение информационного и медийного пространства, следует очертить терминологические границы первого из обозначенных понятий. Как указано в «Толковом словаре по информационному обществу и новой экономике», информационное пространство представляет собой «интегральное электронное информационное пространство, образуемое при использовании электронных сетей». Приводится также и второе значение данного термина – «сферы в современной общественной жизни мира, в которых информационные коммуникации играют ведущую роль» (Информационное пространство, https://information_society.academic.ru/138).

Данное определение информационного пространства возникло как результат научного осмысления категории «информационное общество»;

термин начал активно употребляться в 1960-х гг. в японских и американских исследованиях, посвященных выявлению роли знаний в прогрессе человечества. В научный оборот понятие информационного пространства было введено Ю. Хаяши, Т. Умесао и Ф. Махлупом. Японские социологи О. Кишида и Й. Масуда указывали, что информационное пространство не имеет региональных границ и характеризует информационную эпоху (Masuda, 1983). В последующем в научных кругах категория «информационное пространство» использовалась С.Э. Зуевым, О.В. Кедровским, А.В. Манойло, С.А. Модестовым, А.И. Ненашевым, Г.Г. Почепцовым, С.П. Расторгуевым и многими другими известными исследователями. Несмотря на обилие исследований, посвященных данному феномену, его дефиниция до сих пор не разработана. В частности, в философском словаре под ред. И.Т. Фролова представлено два термина: информация – как сведения, независимые от формы их представления, и пространство – как понятие, которое характеризует взаимное расположение сосуществующих объектов (Философский словарь, 2001, с. 356). Совокупность данных категорий порождает систему взаимодействия субъектов и объектов окружающей среды, связанных посредством потребления данных. Именно так можно представить широкое понимание информационного пространства. В некоторых источниках данное понятие трактуется достаточно узко. Кембриджский толковый словарь, к примеру, интерпретирует его как «место, где можно получить некую информацию, как правило, веб-сайт» (Information space, <https://dictionary.cambridge.org/us/dictionary/english/information-space>).

Анализ словарных источников и литературы по вопросу дефинирования

термина показал, что все определения можно разделить на ориентированные на технические науки и гуманитарные. К примеру, лаборатория искусственного интеллекта Массачусетского технологического института представила следующее толкование: информационное пространство – тип структурирования информационного массива, система информационных объектов (Information space, <http://www.ai.mit.edu/projects/infoarch/jair/jair-help.html>). Гуманитарные определения сходятся в том, что информационное пространство представляет собой совокупный результат семантической деятельности человечества, «мир имен и титулов», сопряженный с онтологическим миром. Информационное пространство, являющееся первичным понятием, не может быть точно определено и устанавливается как диалектическая оппозиция материальному, физическому, объектному пространству. В книге «Информационное пространство: основа для обучения в организациях, учреждениях и культуре» М. Бойсот описывает информационное пространство как концептуальную основу или инструмент для изучения того, как знания и информация кодифицируются, абстрагируются и распространяются в рамках социальной системы (Boisot, 1995).

Информационное пространство можно представить в качестве совокупности информационных ресурсов, информационных систем и коммуникационной среды (каналов). В исследованиях А.В. Манойло представлена аналогичная универсальная модель информационного пространства: по мнению ученого, информационное пространство состоит из информационного поля, информационных потоков и массмедиа как каналов коммуникации (Манойло, 2003, с. 14). Б.Н. Лозовский,

в свою очередь, приходит к следующему умозаключению о компонентах информационного пространства: 1) выступающая реципиентом информации, транслируемой через каналы коммуникации, аудитория; 2) определенная система технологий телекоммуникации (особая телекоммуникационная инфраструктура); 3) международное информационное и технологическое взаимодействие (Лозовский, 2004).

Субъектами информационного пространства в рамках данной модели являются производители контента, а объектами, соответственно, – потребители информации. Среди групп потребителей указываются не только рядовые представители зрительской и читательской аудитории, но и публичные деятели, общественные лидеры, ньюсмейкеры в самых разных сферах – как в мире политики, науки, производства, рекламы, так и в шоу-бизнесе, мире моды, среде богемы, деятелей высокой культуры, театра, кино.

Из вышесказанного следует, что информационное пространство несет крайне важную функциональную нагрузку. Функциональный спектр информационного пространства также не унифицирован в современных научных публикациях. В.Е. Макаров в монографическом исследовании приводит следующие функции информационного пространства: интегрирующая, коммуникативная, актуализирующая, геополитическая, социальная. Говоря о сущности интегрирующей функции, можно указать, что она сводится к формированию информационным пространством человеческой деятельности и ее субъектов (людей, социальных групп, государств) в единую пространственно-коммуникативную и социокультурную среду. В свою очередь, под коммуникативной функцией автор понимает создание среды мобильной

коммуникации, реализуемой с целью информационного обмена. В анализе актуализирующей функции можно выделить акцент на важности всех субъектов деятельности и их интересов. Соответственно, геополитическая функция указывает, что динамические процессы, происходящие в информационном пространстве, порождают собственные ресурсы, коренным образом изменяющие ценность традиционных ресурсов системы геополитических отношений. Геополитическая функция логически обуславливает функцию социальную, сущность которой такова: информационное пространство меняет характер и содержание социально-политических отношений во множестве сфер – политической, культурной, научной, религиозной (Макаров, 2013, с. 100).

Как можно заметить из всего вышесказанного, центральным понятием в анализе сообщений, поступающих в информационное пространство, является термин «медийный дискурс» (мы также становимся свидетелями неоднократного отождествления двух данных категорий). Следовательно, медиадискурс представляет интерес как с точки зрения каналов коммуникации, протекающей в информационном пространстве, так и с точки зрения среды, создаваемой в информационном пространстве.

Дискурс можно интерпретировать как специфическую сферу общения, набор жанров и текстов, эмоциональный и информационный обмен, который приводит к оказанию воздействия, переплетению коммуникативных стратегий, вербальных и невербальных сообщений в практике общения. Размытость определения дискурса приводит к тому, что и термин «медийный дискурс» также не является четко очерченным. Многие исследователи отрицают правомерность употребления такого

термина, поскольку, по их мнению, он не может считаться научно обоснованным, так как медийный дискурс не отличается гомогенностью и обладает прототипическими характеристиками, выступающими универсальными и тем не менее не характерными для других типов дискурса.

По нашему мнению, медийный (или массмедийный) дискурс, несмотря на свое жанровое разнообразие и изменчивость во времени, все же обладает некоторыми чертами, не присущими другим типам дискурса. На современном этапе развития общества и коммуникации масс-медийный дискурс является основным источником формирования социальных установок, общественных суждений, паттернов поведения, которые впоследствии определяют и индивидуальные действия. Медийный дискурс по-своему вербализирует ментальность, обладает специфическим способом интерпретации окружающей действительности, в результате чего конструируется особая реальность.

Дискурс неразрывно связан с общественными отношениями, поскольку не только создается ими, но и влияет на них. Медийный дискурс является специфической разновидностью дискурса, поскольку имеет ориентацию на собственные, присущие только ему цели. Исследование медиадискурса породило понятие медиатекста; возникновение в научных исследованиях данного термина связано с существенными изменениями характера коммуникативных процессов, отражающие мощное воздействие современных СМИ и на информационную среду, и на окружающую действительность в целом. Медиатекст можно трактовать, во-первых, в его универсальном, классическом значении – так тип текста; во-вторых, как совокупный продукт мас-

совой коммуникации. В пространстве массмедиа текст начинает функционировать по-иному. Появляются иные значения, оттенки смысла. Нюансы смыслов по-разному реализуются в системе языка, не ограничиваясь границами знаковой системы. Медiateксты, таким образом, представляют собой наполнение современной информационной среды. Сама же информационная среда кардинально меняется под воздействием среды медийной.

Подсистемами информационного пространства являются СМИ, понимаемые как совокупность групп аудитории и редакционных организаций, а также создаваемые ими информационные продукты. СМИ стали существенно видоизменять и расширять информационную среду уже с момента своего появления; изменились также способы, скорость и масштабы трансформации информационного пространства. Переходы от традиционного вещания и печати к спутниковому, цифровому, онлайн-транслированию последовательно приводили к расширению аудитории и увеличению степени воздействия на нее.

В ходе научных исследований тщательно рассматриваются всевозможные каналы медиакоммуникации, к которым относят как официально зарегистрированные СМИ (электронные, печатные, аудиовизуальные), так и неофициальные медийные каналы. Существует точка зрения о том, что именно официальные СМИ способны существенно изменять информационную среду, а коммуникация через неофициальные каналы во множестве случаев стихийна, создаваемые ею образы сложны и неоднородны. Однако ряд текущих тенденций опровергает данное положение. Все чаще именно неофициальные СМИ опосредуют глобальный массив информации и

наделяют ее стойкой модальностью, выступая, таким образом, действенным инструментом оказания влияния на массы. Ряд исследователей СМИ отмечает, что деятельность государственных массмедиа до сих пор носит преимущественно пропагандистский характер. С другой стороны, множество исследователей указывает, что, хотя информационная деятельность государственных СМИ явно способствует искусственному формированию нужных позитивных образов, все же и новостные сообщения, поступающие из негосударственных СМИ, не всегда достаточно объективно и полно отражают существующую реальность.

Помимо параметра массовости, информационное пространство, ретранслируемое СМИ, отличается следующими фундаментальными характеристиками:

1. Глобализация: тенденция к слиянию телевизионных компаний и их объединению в конгломераты позволяет им трансформироваться в крупнейших, глобальных поставщиков информации.

2. Специализация и таргетирование: расслоение общества в результате возникновения все большего количества институтов и организаций СМИ привели к расслоению информационной среды; СМИ переключились на определенные аудиторные ниши.

3. Подверженность влиянию со стороны технологий: как и в большинстве других сфер, современные возможности технологий и их эффективное применение в значительной степени определяют характер информационной среды.

4. Господство в глобальном информационном пространстве определенных стран.

5. Регулирование работы СМИ: СМИ подвергаются критике со стороны

общественности за свое неэтическое содержание и пагубное влияние на общество, проявляющееся прежде всего в социальной отчужденности, развращении молодежи, агрессии; урегулирование медиасферы, в свою очередь, стало необходимым для нивелирования негативного воздействия.

6. Преобладание коммерческих факторов над культурными.

Можно также сказать, что фактор глобальных СМИ определяет векторы культурного развития. В большой степени и существование самой реальности также обусловлено глобализацией СМИ и их влиянием. Сегодня можно обоснованно говорить о подмене реальности виртуальностью. Сознание человека, его духовный мир, ценности духовного плана и социальные связи могут в большой степени определяться влиянием виртуального измерения окружающего мира. Происходит перестройка психофизиологической системы человека. Виртуальный дизайн, целенаправленно или нет, «перестраивает» человека. Будучи лишь одним из измерений, виртуальное пространство приучает по-новому получать информацию. Логические конструкции уступают место виртуальным визуальным образам и энергетическим «квантам» (Миронов, 2005, с. 67).

Изучение взаимосвязи между информационным обществом и средствами массовой информации дает основания говорить о появлении массмедиа нового типа. Здесь на первый план выходят три основных аспекта. В первую очередь, следует отметить появление новых возможностей и наряду с этим ресурсов массмедиа, что основывается на развитии информационно-коммуникационных технологий и интернета на современном этапе. Вторым важным аспектом следует считать очевидную интернетизацию средств

массовой информации традиционного плана. Третий аспект – новые массмедиа или новые средства массовой коммуникации (Сергеев, 2009, с. 120). Новая информационная среда оказывает возрастающее влияние и на языковой уровень сознания: помимо линейной, формируется гипертекстовая структура языковой системы.

Согласно Е.Ю. Сергееву, публичная сфера на национальном уровне (информационная среда) является частью мировой. Она включается в мировую информационную среду, и таким образом создается глобальный публичный ареал. Помимо подобной глобализации, мы также имеем дело с обратным процессом – фрагментацией аудитории, позволяющей направлять нужный тип ресурсов для удовлетворения специализированного типа потребностей потребителей информации (там же, с. 121–122).

Можно сказать, что на современном этапе развитие всемирной информационной среды находится под влиянием двух тенденций: с одной стороны – глобализации, с другой – специализации и регионализации. Массовость как основная черта, приписываемая СМИ, теряет свою релевантность; массовая рассылка одинаковых сообщений сменяется на трансляцию специфичных сообщений в адрес однородного сегмента целевой аудитории. В качестве причин подобного процесса можно назвать как множественность сообщений и источников, так и склонность нового поколения аудитории к самостоятельному выбору специализированного, кастомизированного контента. Происходит сегментация информационной медийной среды потребителями. Массмедийная аудитория стремится выбирать точечные сообщения. Таким образом, между отправителем информации и ее получателем углубляется

взаимодействие. Можно говорить даже об индивидуализации отношений в информационной среде. Данное обстоятельство можно проиллюстрировать феноменом использования кукиз, технология которых позволяет персонализировать выдачу контента потребителям на основании их деятельности в интернете.

Современные СМИ основаны на интерактивном диалоге с аудиторией (Сергеев, 2009, с. 122). Многие из них получают рейтинги во многом благодаря интерактивной политике. Проводятся интернет-сессии, онлайн-мосты. Самые активные массмедиа в этом плане имеют фронтмэнами одиозных ведущих. Часто за счет противоречивых фигур создается аналогичная кликбэйту в интернете ситуация и в классических СМИ. Киты медиа стараются в цифровом мире использовать и модные каналы связи с обществом, привлекая к себе сегменты увлеченной и пользующейся технологиями молодежи. Успешность информационной политики сегодня – это во многом успешность политики интерактивной. Могут создаваться в угоду потребителю виртуальные клубы зрителей, читателей. Коммуникация может проходить в виде чатов между пользователями, ведущими СМИ (в зарубежной литературе данное понятие именуется *new media*). К *new media* можно отнести широкий спектр современных цифровых платформ и социальных сетей (Instagram, Tik-Tok). Выделяют также видеохостинги и видеоресурсы (Twitch, Rutube List). Актуальными являются зарубежные и отечественные подкасты. У многих популярностью пользуются различные информационно-развлекательные ресурсы («Медуза», The Question, The Village). Все это помимо личных блогов в пространствах Facebook, Clubhouse и т.д. Не стоит недооценивать и мессен-

джеры (WhatsApp, Telegram). Важно помнить, что эти же ресурсы используются и манимейкерами. Они являются средством общения редакторов СМИ, представителей органов власти и часто из-за массовости в первую очередь находятся под ударами и угрозой отключения, особенно при социальных волнениях, когда возможно их использование нечестивыми политиками, фабриками фэйк-ньюс.

Возможность передачи по сети любого информационного сегмента и его видоизменения создает множество угроз. Сегодня очевидна уязвимость перед целенаправленным манипулированием. Часто текст становится средством введения в заблуждение. Образ, создаваемый СМИ, – это не безобидный папарацци. Все чаще мы имеем дело с нарушением прав на приватность информации. Случаи разглашения конфиденциальной информации, международных и дипломатических документов из-за соображений свободы слова и совести часто переносят возникающие скандалы на международный уровень, где степень сложности возникающих проблем провоцирует еще большие социальные конфликты, откликающиеся глобально. В подобное коммуникативное поле может добавляться допущение различных форм оскорбления личности, власти, общественных институтов. Достижения информационных технологий, наряду с изменениями геополитического баланса, оказывают воздействие на развитие медиапространства.

Функционирование коммуникативных законов важно отслеживать. Анализ составляющих часто помогает правильно оценивать информационную ситуацию. Первичные и вторичные коммуникативные процессы структурируют коммуникативное пространство. С процессом перво-

начальной постановки информации, реальной информацией, общением в определенной среде имеют дело первичные процессы. Когда же дело касается обсуждения и распространения, это связано с работой вторичных процессов. Продолжительность коммуникативного процесса во вторичных процессах обуславливает эффективность первичного коммуникативного процесса (Почепцов, 1994). Очевидно, что СМИ нацелены на достижение этого долгоиграющего эффекта, и привлекаться могут все средства для расширения границ информационного пространства. Манипулировать сознанием средства массовой информации могут, заимствуя методы, привлекая смешение жанров. Транслирование культуры становится, таким образом, не единственной целью СМИ, которые выступают и как средство прямого воздействия на настроения как с помощью опосредования действительности, так и с помощью самой культуры.

Мышление, основанное на социальных, культурных, возрастных стереотипах, влияет и на то, каким образом информация опосредуется аудиторией. Дигитализация, клиповость мышления, восприятие окружающей действительности и массмедиа как ее составляющей в упрощенных схемах могут делать потребление информационного контента поверхностным.

. Следовательно, современная информационная среда состоит из упрощенных конструктов, смысл которых упрощается преимущественно массмедиа. Все чаще встречающиеся в научных публикациях термины «информационная перегрузка», «цифровой детокс», «фейк-ньюс», «синдром информационной усталости», «твиттеризация культуры», «клиповое мышление», которые отображают одну важную тен-

денцию эволюции информационной среды: человек не способен анализировать массивный хаотичный поток поступающей информации, выбирая наиболее запоминающиеся факты и небольшие отрывки контента; мы также разделяем точку зрения ряда исследователей о том, что слишком объемный информационный массив поступает в бессознательное индивида, минуя уровень сознания.

СМИ при создании нужной им информационной среды эксплуатируют базовые потребности и эмоции. На наш взгляд, массмедиа также оказались способны формировать ложное чувство осведомленности у аудитории, когда ее представителям кажется, что, прослушивая большое количество новостных сообщений и выбирая их, как им кажется, самостоятельно, они получают довольно полное представление о текущих процессах окружающей реальности. Тем не менее неоднократно доказано, что массмедиа культивируют модели поведения, альтернативные тем, которые признаны классическими институтами воспитания, что, в свою очередь, существенно деформирует взгляды и мнения людей. В качестве примера приведем сообщения об инцидентах, катастрофах, насилиии, что может как вызывать нужные эмоции у потребителей контента, так и обеспечивать сенсификацию. В этом случае аудитория перестает воспринимать данные сообщения как трагические. Возможно появление другого сценария отношения – как к захватывающему сюжету. Формируется отношение будничности или же сенсационности.

Из всего вышесказанного следует, что манипулирование возможно благодаря поверхностности, не критичности мышления, склонности к эмоциональному наполнению индивидуального информационного поля.

Логическое мышление также оказывается задействованным в манипулятивных тактиках: по своей внешней форме материал СМИ выстраивается логично, однако псевдологика скрывает ключевую идею. Ассоциативность мышления используется для формирования требуемых отношений. Сознание потребителя контента наводняется нужными метафорами, мифами. Так возможно навязывание стереотипов и внедрение новых идей. Поступление, запоминание, хранение, воспроизведение полученной информации строятся на стереотипах, ассоциациях, внушаемых посредством дробления и многократного повторения информации. Как видим, процесс модификации информационной среды за счет СМИ является исключительно сложным и противоречивым и ведет к неоднозначным последствиям. К числу таких последствий относятся стандартизация и униформизация компонентов информационной среды, гибридизация и креолизация жанров и типов текстов.

Развитие приемов формирования информационного пространства настолько существенно, что оно уже на текущий момент приводит к кардинальным переменам в политической и военной сфере. В зарубежных и отечественных публикациях все чаще стал появляться термин «информационная война», отражающий революционные преобразования в сфере политического противоборства именно в пространстве информационной среды. Можно сказать, что информационная война – это форма борьбы сторон, представляющая собой использование специальных (политических, экономических, дипломатических, военных и иных) методов, способов и средств для воздействия на информационную среду противостоящей стороны и защиты собственной. Исследователи довольно

давно основной причиной появления информационных войн стали называть активное развитие средств массовой коммуникации.

Большинство людей в качестве основного источника получения информации может назвать именно описанную нами выше виртуальную медийную реальность, сформированную и транслируемую медиадискурсом. В своей «упаковке» медиатекст формирует представления, ранжирует факты, предоставляя (иногда навязывая их уже на подсознательном уровне) идеологические, когнитивные и аналитические услуги в виде интерпретаций, комментариев, эмоционально-образного осмысления реалий. Компоненты массовой коммуникации, таким образом, выступают важным инструментом идеологической машины, будь то этап формирования повестки дня, создания доктрины с нуля или же развитие и эксплуатация сложившихся схем отношений в социуме. Это пронизывает всю иерархию социально-экономической системы. Государственная пропаганда и негосударственные структуры широко применяют возможности массмедиа в своих целях. Определенные этапы политического, социального, экономического, религиозного, культурного строительства невозможны без использования средств медиапространства. Воспитание современного участника социума также невозможно без разумного и опосредованного использования материалов массмедийного потенциала. Это не отменяет пагубную роль пропаганды в некоторых обществах, где манипулирование используется неумело и без учета развития общества.

Все новые формы медиа появляются в последнее время. Привлечение их ресурсов на разных уровнях дает ощущение динамики и прогресса, что ча-

сто в связи с активизацией общественно-политической деятельности в мире оттеняет явные промахи идеологической работы. В эру глобальной информатизации СМИ язык медиадискурса на уровне психологии, лингвистики и смежных наук (психолингвистики, когнитивной лингвистики) активно изучается. Работы в области дискурсивного анализа, текстолингвистики способны дать новые варианты применения технологий глобальных медиа.

Исходя из вышеизложенного, с учетом важности всех вышеперечисленных аспектов, особенно актуальным становятся понятия «медиаобразование» и «медиадискурсивная компетентность личности международного». Г. Максимова в связи с этим указывает на тот факт, что людям, находящимся в пространстве информационной среды, приходится осознанно и тщательно выстраивать процесс восприятия, понимания и порождения различной информации как составляющих медиадискурсивной компетентности личности (Максимова, 2005, с. 132). В теоретико-прикладном плане данные вопросы решаются в вузовской практике в области медиаобразования: модели, методы, технологии, создаваемые в вузовской среде, могут эффективно способствовать свободному выбору направлений воспитательной, идеологической работы. Компетенции, формируемые посредством привлечения медиаматериалов, идей, сценариев и сюжетов СМИ, востребованы на разных этапах профессиональной подготовки специалистов. Транслируемые посредством медиа отношения и позиции важны в выстраивании государственной политики в области образования и воспитания. В целом информационное пространство – важный элемент жизни общества. Именно в вопросах формирования мировоззренческих позиций,

патриотических убеждений широко используется потенциал медиапространства. Глубокое осмысление актуальных экономических, социальных, культурных вопросов достигается при анализе материалов массмедиа. Системное использование как наработанных подходов, так и самих материалов медиадискурса сегодня критически важно.

Литература

1. Информационное пространство. URL: https://information_society.academic.ru/138.
2. Лозовский Б.Н. Журналистика: краткий словарь. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004.
3. Макаров В.Е. Политические и социальные аспекты информационной безопасности. М.; Таганрог: С.А. Ступин, 2015.
4. Максимова Г. Технологии медиаобразования // Высшее образование в России. 2005. № 6. С. 131–134.
5. Манойло А.В. Государственная информационная политика в особых условиях. М.: МИФИ, 2003.
6. Миронов В.В. Философия: учебник. М.: Норма, 2005.
7. Почепцов Г.Г. Послекоммуникативные процессы // Рациональность и семиотика дискурса. Киев: Наукова думка, 1994.
8. Сергеев Е.Ю. Средства массовой коммуникации в условиях глобализации // Общество. Среда. Развитие. 2009. № 1. С. 117–126.
9. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. М.: Республика, 2001.
10. Boisot, M.H., 1995. Information Space: A framework for learning in organizations, institutions and culture. London: Routledge, 1995.
11. Information space. URL: <https://dictionary.cambridge.org/us/dictionary/english/information-space>.
12. Information space. URL: <http://www.ai.mit.edu/projects/infoarch/jair/jair-help.html>.
13. Masuda, Y., 1983. The Information society as postindustrial society. Washington: World Future Society.

Reference

1. Information space. Available at: https://information_society.academic.ru/138. (rus)
2. Lozovsky, B.N., 2004. Journalism: a short dictionary. Yekaterinburg: Publishing house of the Ural University. (rus)
3. Makarov, V.E., 2015. Political and social aspects of information security. Moscow; Taganrog: S.A. Stupin. (rus)
4. Maksimova, G., 2005. Technologies of media education. Higher Education in Russia, 6: 131–134. (rus)

5. *Manoylo, A.V.*, 2003. State information policy in special conditions. Moscow: MEPhI. (rus)
6. *Mironov, V.V.*, 2005. Philosophy: textbook. Moscow: Norma. (rus)
7. *Pocheptsov, G.G.*, 1994. Post-communicative processes. Rationality and semiotics of discourse. Kiev: Naukova Dumka. (rus)
8. *Sergeev, E.Yu.*, 2009. Mass communication media in the conditions of globalization. Society. Environment. Development, 1: 117–126. (rus)
9. *Frolov, I.T.* (Ed.), 2001. Philosophical dictionary. Moscow: Republic, 2001. (rus)
10. *Boisot, M.H.*, 1995. Information Space: A framework for learning in organizations, institutions and culture. London: Routledge, 1995.
11. Information space. Available at: <https://dictionary.cambridge.org/us/dictionary/english/information-space>.
12. Information space. Available at: <http://www.ai.mit.edu/projects/infoarch/jair/jair-help.html>.
13. *Masuda, Y.*, 1983. The Information society as postindustrial society. Washington: World Future Society.

**ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ,
ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ,
ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ**

- **Abakumova I.V., Godunov M.V., Grishina A.V.** Stages in making a choice of meaning

УДК 159.9.072.422

DOI 10.18522/2658-6983-2021-5-103-106

**Abakumova I.V.,
Godunov M.V.,
Grishina A.V.**

STAGES IN MAKING A CHOICE OF MEANING

Ключевые слова: смысл, смысловой выбор, смысловая децентрация, смысловая генерализация, смысловая инициация.

Работа поддержана Российским фондом фундаментальных исследований РФФИ (проект № 18-29-22004 «Психологическое и генетическое исследование предикторов, определяющих поведение пользователей при восприятии Интернет-контентов различной информационной направленности»).

© Abakumova I.V., 2021
© Godunov M.V., 2021
© Grishina A.V., 2021

Introduction

The study of meaning choice implies its difference from the classical processes of logical choice. A person most often makes a meaning choice in a situation that contains conditions for solving a special type of cognitive tasks, which are called «meaning» tasks. In the process of solving such meaning problems, a person discovers his personal meaning. The search of these meaning has several options with no obviously correct and incorrect ones (Abakumova, 2014). The discovery of personal meaning means its acquisition, despite its uncertainty and unclear internal and external conditions of the problem situation. Working on the situation involves focusing on the internal need of the person himself, and not on the external conditions. Each experiencing subject solves «his own» «meaning problem» – in his own individual way, based on his unique experience, emotional preferences, cognitive styles of thinking, skills (Fayzullaeva, 2013).

This feature distinguishes the cognitive task containing meaning choice from the classical task of logical choice. The specificity of conditions and solving a classical logical problem lies in the exhaustive certainty of the initial conditions and a pre-known and externally given single answer, as well as known methods of solution. When solving such mental problem, a person should simply find a pre-known answer according to an exact algorithm, which is completely determined by the initial conditions (Vasyukova, 2009).

I.V. Abakumova points out that the processes of meaning choice occur on the basis of personal system of meanings. The process of meaning choice includes following components:

1) decentralization of meanings as the origin of meaning through their primary appearance on the periphery of the personal system of meanings;

2) generalization of meanings as a centralization in the form of personally significant meaning;

3) initiation of meanings as evaluating selection of the most significant personal meaning for its subsequent implementation.

These three stages in the decision-making process in different life situations are not always clearly understood and directed. This is due to the action of various effects of uncertainty, both from the internal subjective world and from the external environment. Let's analyze these stages of meaning choice.

Discussion

The stage of decentralization of meanings as a formation of personal meanings is carried out due to the mechanisms of interiorization of social values in the case when they are combined with individual values (Elkonin, 2017). The content of personal meaning arises in such penetration, manifesting a meaningful coincidence of the image of the world (external objective world) and the world of a person (internal subjective world). The phase of decentration is active in the initial period of generating meaning through the use of a person's ability to choose from a "fan of possibilities" and further interpret what he sees as meaningful for the formation of his personality and its implementation in society (Mitina, Petrenko, 2019).

The ability of a person to generate meanings is activated by translating mental activity from the format of deterministic necessity of existence to the format of development variability (Osin, Leontiev, 2019). The personal meanings are formed among other available alternatives to meaning images. This diversity does not mean that some of them can be better or worse, but only that they are all different. The new meaning has nowhere

to come from in strictly deterministic conditions and complete definiteness of the known world. It can arise only from the uncertainty of the known relations (Veryaev, 1997). This means that in the process of meaning generation, a person goes beyond the limits of his «Self» with the expansion of its boundaries and the addition of new connotations to the «Self-concept». The generation of meaning becomes especially effective in the course of interactions of personal meanings systems between several people as subjects of relations. For example, a teacher with the help of special technologies of directed meaning translation provides his personal meanings for the learners to discover their own meaning of the cognitive situation as "grasping", activating, enriching and consolidating the newly formed personal meaning of the studied realities (Abakumova, 2014).

The stage of meaning generalization means its transition to one of the central positions in the sphere of personal meanings – a centralization in the zone of multiple meanings, to which a person attaches high, but not absolutely priority value. In this case, meaning activity is considered as inherent in a complex self-developing system. In this type of system, a high level of order (evolution) occurs as a result of a synergistic exit from the chaos of uncertain and non-equilibrium states (Haken, 2015).

In the acmeological plan of the meaning sphere functioning, the role of the chosen, and generalized in this way, value can be fulfilled by the personal meaning of situational interaction, the ultimate meaning, the basic cultural value (Abakumova, 2014). It should be taken into account that during the processes of generating meanings and their choice, the meaning constructions of the student, located on the periphery of his system of personal meanings, can «gain

weight» and expand after contacting with the meanings transmitted by the teacher (teacher, mentor, parent, coach) (Veryaev, 1997). The processes of actualization of such a peripheral personal meaning can lead to a significant change in the path of personal development as the trajectory of the implemented life meanings.

The processes of restructuring the meaning sphere can occur in the transition of the meanings system from an equilibrium and stable state to various non-equilibrium state. The uncertainty generated in this process in the organization of meanings expresses its potential ability to be in a state of non-assignment in relation to its own possible states, as potential variants of development (Veryaev, 1997). The greater the set of such nonequilibrium states a meaning sphere can possess, the more there are prerequisites for its evolution through enrichment in the «zone of immediate development» according to L.S. Vygotsky.

The stage of meaning initiation includes the phase of evaluation and subsequent selection of personal meanings that are of the greatest importance for implementation in the activity. In the course of studying mental activity from metasystemic positions, A.V. Karpov notes the integral nature of the processes of meaning evaluation and selection as a decision-making mechanism on the example of person's professional activity. The noted integrality is expressed through a synthetic structure and content that fills the psychological processes that activate and accompany multivariate decision-making procedures (Karpov, 2016). Empirical research by A.V. Karpov shows that the qualitative results of human decisions are directly proportional to the level of cognitive integration of thought processes carried out in situations of choice. The effectiveness of such

cognitive integration is influenced by intellectual activity, understood as the level of intelligence. The level of intelligence is understood as a personal property of the subject making a choice and making a decision (Karpov et al., 2017). The higher the level of intelligence the decision-making subject has, the greater the inter-level integration as a «vertical» subordination in the system hierarchy of general cognitive functions, and the greater the intra-level differentiation reflecting the «horizontal» coordination of the involved cognitive functions.

The synthetic nature of cognitive organization revealed in these studies in terms of specialization for the main thinking functions shows the complementarity of meaning selection in the course of decision-making, which is supposed to be under the action of synergetic mechanisms (Karpov, 2016). However, the study of the quality of managerial decisions reveal the opposite pattern: the high quality of such solutions requires a transition to a relatively high functional autonomy of the person taking management decision. This helps to increase the level of reliability of the decision made in the event of extreme circumstances (Karpov et al., 2017).

Conclusions

The meaning choice seems to be a multivariate and more difficult cognitive process (in contrast to logical choice) based on a system of personal meanings. The constituent stages of meaning choice are: decentration, generalization and initiation of meanings. Understanding the features of meaning choice, as one of the key processes of meaning activity of human consciousness, is necessary for a more adequate modeling of his behavior and the development of more effective mechanisms for his personality development.

Acknowledgments

This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research RFBR (Project no. 18-29-22004 "Psychological and genetic studies of users' behavior predictors that determine the perception of Internet content of various informational orientation").

Литература

1. *Абакумова И.В.* Обучение как двуединый процесс и его движущие силы в смысловой интерпретации // *Общая теория смысла, психологические концепции смыслообразования, смыслодидактика* / сост. И.В. Абакумова, П.Н. Ермаков, И.А. Рудакова. М.: Кредо, 2014. С. 10–18.
2. *Васюкова Е.Е.* Проблемы операциональных смыслов и переноса в смысловой концепции мышления О.К. Тихомирова // *Методология истории и психологии*. 2009. Т. 4, № 4. С. 114–132.
3. *Веряев А.А.* Психолого-синергетический потенциал информационных технологии // *Сибирский психологический журнал*, 1997. № 5. С. 8–15.
4. *Карпов А.В.* Метасистемный подход к проблеме сознания // *Мир психологии*. 2016. № 2. С. 15–31.
5. *Карпов А.В., Карпов А.А. Субботина Л.Ю.* Методологические и методические основы исследования метакогнитивных детерминант организации деятельности // *Российский психологический журнал*. 2017. Т. 14, № 1. С. 149–175.
6. *Файзуллаева Е.Д.* Изучение особенностей рефлексивности у детей с разным опытом решения «задач на смысл» // *Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева*. 2013. № 1. С. 151–155.
7. *Хакен Г.* Синергетика: в 2 ч. Ч. 1. Принципы и основы: Неравновесные фазовые переходы и самоорганизация в физике, химии и биологии. М.: URSS, 2015.
8. *Эльконин Д.Б.* Игра и психическое развитие // *Альманах Института коррекционной педагогики*. 2017. № 28. С. 32–66.
9. *Mitina, O. and V. Petrenko*, 2019. Psychosemantic research in studying personality. In: XVI European Congress of Psychology (ECP 2019) (pp. 263–264). Moscow: Moscow University Press.

10. *Osin, E. and D. Leontiev*, 2019. Meaning and meaninglessness: a modern perspective. In: XVI European Congress of Psychology (ECP 2019) (p. 489). Moscow: Moscow University Press.

Reference

1. *Abakumova, I.V.*, 2014. Learning as a two-pronged process and its driving forces in semantic interpretation. In: Abakumova, I.V., P.N. Ermakov and I.A. Rudakova (comp.) *General theory of meaning, psychological concepts of meaning formation, didactics of meaning* (pp. 10–18). Moscow: CREDO. (rus)
2. *Vasyukova, E.E.*, 2009. Problems of operational meanings and transference in the semantic concept of thinking of O.K. Tikhomirov // *Methodology and History of Psychology*, 4 (4): 114–132. (rus)
3. *Veryaev, A.A.*, 1997. Psychological-synergetic potential of information technology. *Siberian psychological journal*, 5: 8–15. (rus)
4. *Karpov, A.V.*, 2016. Metasystem approach to the problem of consciousness. *World of Psychology*, 2: 15–31. (rus)
5. *Karpov, A.V., A.A. Karpov and L.Yu. Subbotina*, 2017. Methodological and methodological foundations of the study of metacognitive determinants of the organization of activity. *Russian psychological journal*, 14 (1): 149–175. (rus)
6. *Fayzullaeva, E.D.*, 2013. The study of the peculiarities of reflexivity among children with different experience in solving «problems for meaning». *Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev*, 1: 151–155. (rus)
7. *Haken, G.*, 2015. *Synergetics. Principles and Foundations. Perspectives and applications. Part 1. Principles and Foundations. Non-equilibrium phase transitions and self-organization in physics, chemistry and biology*. Moscow: URSS. (rus)
8. *Elkonin, D.B.*, 2017. The game and mental development. *Almanac of the Institute of Correctional Pedagogy of the Russian Academy of Education*, 28: 32–66. (rus)
9. *Mitina, O., Petrenko, V.*, 2019. Psychosemantic research in studying personality. In: XVI European Congress of Psychology (ECP 2019) (pp. 263–264). Moscow: Moscow University Press.
10. *Osin, E., Leontiev, D.*, 2019. Meaning and meaninglessness: a modern perspective. In: XVI European Congress of Psychology (ECP 2019) (p. 489). Moscow: Moscow University Press.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

- **Гадаборшева З.И., Рогов Е.И.** Трансформация профессиональных представлений в условиях дистанционной организации деятельности

УДК 316.4

DOI 10.18522/2658-6983-2021-5-109-119

**Гадаборшева З.И.,
Рогов Е.И.**

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ДИСТАНЦИОННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Ключевые слова: психология виртуальной среды, дистанционная организация деятельности, профессиональные представления, визуализация, виртуальная идентичность, сетевое подражание, сетевая аддикция.

Вовлеченность в виртуальную реальность воздействует на личность субъекта самым прямым образом: начиная с его поведенческих реакций и его мировоззрения и заканчивая особенностями интеракций и образом жизни в целом, что сравнительно красочно описал Н.А. Бердяев: «Техника является виновницей страшных поражений душевной жизни, и в первую очередь жизни эмоциональной, людских чувств. В современной цивилизации происходит угасание душевно-эмоциональной стихии... Сердцу сложно выдержать касание холодного металла, оно не в состоянии существовать в металлической среде» (Бердяев, 1994, с. 500–501).

Даже простое наличие электронных гаджетов изменяет правила и нормы коммуникации людей, их представления друг о друге. Об этом ярко высказался Г. Рейнгольд, анализируя трансформацию правил взаимодействия подростков в ведущих капиталистических странах (Рейнгольд, 2006). Причем изменения отмечались как между поколениями, так и в рамках одного поколения, а ведущим показателем выступило наличие технического орудия коммуникации. Владельцы определенного вида гаджетов создают свои группы, закрытые для людей, не имеющих подобных технических средств, путем разработки новых правил взаимодействия, что трансформирует и их традиции удовлетворения потребностей, и образ жизни в целом. При этом большинство опрошенных указывает, что постепенно они начали отдавать предпочтение ситуативному поведению и коммуникации, нежели договоренностям заранее, а также стали спокойнее относиться к изменению планов. Данное отношение к ответственности и долженствованию в планировании дел вносит свою лепту

в изменение восприятия и деловых отношений.

Реализация социального поведения предполагает наличие психологических механизмов его регуляции, цель которой – упорядочить, организовать и направить активность человека. Именно такими механизмами в цифровом обществе выступают информационные технологии. Переход в виртуальное пространство способствует тому, что данные технологии по-своему изменяют регуляторы социального поведения. На этот факт указывает, например, Э. Гидденс, предложивший рассматривать в качестве регулятора социального поведения увеличение числа социальных акторов и групп, ведущее к переизбытку моделей ролевого поведения и размытию социальных ролей (Гидденс, 2004). Среди новых регуляторов социального поведения Э. Тоффлер выделил и описал такие, как ускорение, нарастание темпа и ритма социальной жизни, обнаруживающееся в том, что «внешнее ускорение превращается в ускорение внутреннее» (Тоффлер, 2002, с. 45).

В системе управления социальным поведением цифровизация выглядит прямой дорогой, обеспечивающей прогресс, движение к следующему этапу общественного развития. Однако вопрос, как данный контекст отразится на психике работников, формировании их личности, становлении профессиональных представлений, безусловно, существует, вызывая озабоченность специалистов-психологов. Поэтому, не отрицая объективной ценности цифровизации, следует рассмотреть ее влияние на трансформацию психического мира человека, на порождение различных эффектов, отражающихся в системе феноменов, предопределяющих поведенческие реакции, психологическую культуру, установки, мировоззрение.

Дистанционная организация труда порождает многочисленные изменения в современной профессиональной деятельности, выступая фактором трансформации многих сложившихся социально-психологических отношений, профессиональных установок людей, перешедших на «удаленную» работу. Их взгляды и предпочтения существенно отличаются от таковых у их предшественников, они уже погружены в интернет, ставший основным, бесспорно, незаменимым источником профессиональной информации.

Если, традиционно общаясь в социальной среде, люди анализируют события, согласуют чувства, постепенно индивидуализируясь и обретая собственное «Я», то погружение в виртуальную среду устраняет подлинную, изначально данную природой пространственную границу реальности. Потеря смысла данной границы обусловлена тем, что существование людей переводится при цифровой организации деятельности в социально-коммуникативную сферу, основанную на инновационных технологиях (Иоселиани, 2019). В результате современные работники на дистанте оказываются неотделимы от техники, и даже более – они образуют с ней некий симбиоз.

В сложившейся реальности трудно адекватно оценить результаты дистанционной организации деятельности. С одной стороны, виртуальная среда позволяет открыто пользоваться самой полной информацией, относящейся к любой стороне жизни субъекта. С другой стороны, поколению, растущему в условиях цифровой реальности, свойственна осколочность и фрагментарность восприятия, уменьшение активности психологического развития. Увеличение потока визуальной информации ведет к тому, что сознание не

успевает воспринимать, классифицировать и анализировать все множество событий, что получило название «клиповое восприятие сообщения». В данном случае оценка образа опирается не на рациональное, а на эмоционально-чувственное мышление, т.е. аналитическая обработка практически не участвует в восприятии (Симакова, 2017). Соответственно, эффективность деятельности в виртуальной среде существенно определяется цифровыми технологиями, расширяющими границы личной жизни, социального познания и создающими новый образ окружающей действительности в формате монитора.

Особенно ярко дистанционная организация деятельности сказывается на профессиональных представлениях субъектов. Конечно, образы представлений в сознании субъекта не всегда могут быть точно охарактеризованы, так как далеко не все ментальные модели работника передаются визуально. Обычно корреляции элементов модели показаны в абстрактном виде, представление которых в виде зрительного образа достаточно затруднительно. Разработка систем визуализации требует детального погружения разработчиков как в моделируемую область знаний, так и в ожидания будущих пользователей о природе моделей.

В результате влияние цифровизации и дистанционной организации деятельности на профессиональные представления пользователя порождает целый ряд вопросов. Например, насколько адекватные формы взаимодействия выбираются из имеющегося у субъекта репертуара? Доступно ли чувство соучастия при работе с абстрактными образами? Как влияют особенности виртуальной реальности на поведение пользователя, который может

вместо взаимодействия с ментальной моделью субъективно ощущать стресс и даже физический дискомфорт, если при создании не учесть его психолого-физиологические особенности или репрезентативную структуру анализируемого феномена? Сможет ли пользователь дифференцировать реальные и виртуальные образы, если у него будет субъективное ощущение пребывания в виртуальной среде? Как влияет работа на удаленке, цифровизация и интеллектуальная деятельность по обработке поступающей информации на создание профессиональных образов? Возможно ли, что их протекание будет синхронно, способно ли одно усиливать другое или препятствовать, мешая решению задач? Необходимо также дифференцировать проявление психологических эффектов от влияния чисто технических средств, чтобы выяснить, будет ли субъект испытывать стресс, любые другие неудобства, если при разработке не будут учтены его психологические или физиологические особенности.

Существенно определить наличие каких-либо неприятных эмоциональных ощущений в ходе сложного ментального анализа. Наблюдавшие за работой исследователей в сети Н.В. Авербух и В.Л. Авербух заключили, что при решении своих задач с помощью системы визуализации они могли даже не испытывать характерных для цифровой среды явлений, так как их внимание было полностью направлено на поиск ответов на стоящие перед ними задачи (Авербух, Авербух, 2018).

Нетрудно заметить, что столь мощный генезис онлайн-среды, профессионально-образовательных программ существенно трансформирует содержание, процесс и формат системы подготовки и отбора профессионалов.

В результате такие показатели образованности субъекта, как культура, большой багаж академических и прикладных компетенций, моральная устойчивость, оцениваемые совершенно определенным образом и определявшие его перспективы, востребованность в будущем, в последнее время ушли на второй план. Ряд крупнейших американских корпораций (Google, Hilton, Apple, Bank of America) сообщил о возможности приема на работу соискателей без образования (Google, Apple and 12 other companies..., <https://www.cnbc.com/2018/08/16/15-companies-that-no-longer-require-employees-to-have-a-college-degree.html>). Это определяется изменением требований к соискателю, так как далеко не любой аттестат об образовании оказывается реально востребованным. Предприятия испытывают нужду в навыках (hard skills, soft skills), подтверждающих квалификацию работника де-факто, формированием которых следует заниматься задолго до поступления в вуз.

При этом многочисленные курсы переподготовки специалистов по Сети не решают проблем, так как подобное онлайн-образование имеет существенный недостаток: оно направлено на удовлетворение недолговременных или в лучшем случае среднесрочных задач. Подобное переформатирование работника нередко не дает ему возможности различать знание и информацию, отличать информацию достоверную от недостоверной, ложной, вредоносной и пр. Сотрудник, даже добросовестно проштудировавший предложенный ему ограниченный набор знаний, но не обладающий при этом фундаментальным базовым образованием, может надеяться лишь на интеллектуальные надстройки, стабильность которых эфемерна (Зенков, 2020).

Современные электронные сети трансформируют основные феномены профессиональных представлений в психологии, отражающие тенденцию снижения интенсивности взаимодействия людей из-за расширения их «общения» с различными виртуальными собеседниками. Способы создания социальных образов в информационно-профессиональной среде, являясь вторичными по отношению к подлинному взаимодействию, обладают самостоятельным, автономным направлением развития. Исторический аспект свидетельствует, что виртуальная трансляция чувств первоначально базировалась на знаковом, вербальном их обозначении. Со временем данный процесс поиска вариантов визуализации эмоциональных состояний трансформировался в появление пиктограмм, схематически обозначающих переживания партнера по коммуникации. Особенно ярко обогатили сферу невербального общения такие средства трансляции отношений и чувств, как лайки и эмодзи, или «смайлики», эдвайсы, интернет-баннеры, персонифицированные гифки, эмодзи, техники мема и макроса, обладающие текстовой, графической, видео- и прочими формами представленности, адекватное использование которых определяет самоощущение и способствует коммуникативному успеху. Их эффект определяется психологическими механизмами восприятия, позволяющими осознать изображение в шестьдесят раз быстрее, чем текст. Отличительной особенностью рассмотренного способа выражения эмоционального состояния или отношения к феномену является его трендовый характер, достаточно напомнить появление трендов «Ждун», «Хочун», «Тоскуля», «Плакун» и др., которые, относясь к мемам, нередко становились макросами.

Визуализация – высокомощный инструмент трансляции внутренних образов, размышлений и идей конечному потребителю, механизм восприятия и анализа различной информации. Поэтому даже современные печатные СМИ стремятся внедрять в повседневную практику новые стандарты и технологии, использовать дизайн, предельно приближенный к интерактивному, в наиболее привычных читателю формах потребления новостей (Борисов, 2019).

Перевод имеющейся информации в процессе визуализации в некоторые образы сознания заставляет, опираясь на свои особенности, совершенно иначе оценивать собеседника по ту сторону экрана. Отсутствие прямого контакта связано не только с нехваткой средств выражения, но и с полной анонимностью. Отсюда понятно желание субъекта скрывать любые сведения о себе, вплоть до замены своего реального имени, фантазирования себе новой жизни. Реализация подобных стремлений формирует иную, новую для данного индивида жизнь и, стало быть, новый образ, отображаемый в глазах окружающих. «Соответствие образа реальному прототипу может быть самым непредсказуемым: пользователи “изменяют” пол, возраст, профессию, национальность, характер, а иногда называются не только вымышленными именами, но и неопределенными, не позволяющими угадать какие-либо признаки своего хозяина» (Егорова, 2012).

Образ как некая конфигурация воссоздания объекта в сознании субъекта, или, проще говоря, «как будто картинка» из реального мира, предполагает первоначальную прорисовку его в сознании на основе уже сложившихся образов восприятия, памяти и воображения. Соответственно, связь образа

с сознанием может рассматриваться в качестве психологической единицы, зависящей от личного опыта каждого отдельного человека и порождающей у партнера чувственное представление о говорящем (там же).

Так, в исследовании Б. Маркуса с коллегами доказано, что субъект способен составить вполне точный образ собеседника, даже не будучи знакомым с ним, но узнав лишь ту виртуальную среду, например сайт, авторство которого приписывают оцениваемому (Marcus et al., 2006). При этом различные беспристрастные характеристики среды приносят свой немудреный вклад в становление более точного образа незнакомца (Back et al., 2010).

Результаты, полученные в исследовании Е.П. Белинской и И.Д. Бронина, свидетельствуют о разной согласованности представлений оцениваемого о себе и представлений о нем оценщика по разным шкалам (Белинская, Бронин, 2014). Причем тотальная точность восприятия закономерно показала меньшие значения, чем данные точности отдельного участника. Наиболее значимым оказалось влияние персональной страницы в социальной сети на достоверность впечатлений оценщика о разнице оцениваемого индивида и показателей «средней» личности. Там же было выявлено некоторое опосредование адекватности межличностного восприятия объективными характеристиками страниц социальных сетей. Выявленные результаты позволили предположить, что отличием межличностного восприятия в виртуальном пространстве от взаимодействия в реальном мире является высокий уровень стереотипизации собеседника. Этот факт можно интерпретировать так: готовый образ, попадая в сознание партнера по коммуникации, возбуждает в нем стойкие стереотипы.

Данный механизм хорошо известен и используется современными блогерами, что реализуется в их стремлении заместить текст его визуальным контентом, более наглядно вскрывающим суть проблемы.

Феноменология стереотипизации, основывающаяся на профессиональных представлениях (Рогов, Моисеенко, 2020), достаточно популярна в IT-сфере, что особенно выражено у взрослых, которые советуют сделать карьеру в IT сыновьям в три раза чаще, чем дочерям. Соответственно, девушки-подростки в два раза реже (7% против 14% среди юношей) намерены связывать свою будущую жизнь с технологиями. Можно сказать, что рассматриваемые стереотипы описывают сложившуюся реальность, наблюдаемую и во взрослом возрасте. Женщины демонстрируют гораздо меньший интерес к новинкам техники и технологий: они реже мужчин обращают внимание на изменение рейтинга трендов, меньше осведомлены и разбираются в мессенджерах и социальных сетях и т.д. Однако навыки, прямо связанные с деятельностью или интересами, получают у женщин не меньшее, а иногда и большее развитие, чем у мужчин.

Особую роль в формировании гендерных стереотипов в виртуальной среде играет представление образов успешных мужчин и женщин в медиа, массовой культуре, политике. Среди успешных людей, названных россиянами, абсолютное большинство (83%) – это мужчины, тогда как слабому полу осталось лишь 17%. Мужские образы лидируют во всех сферах деятельности, оставляя женскому полу в политике только 4%, в бизнесе – 1%, в цифровой экономике – 1% (Стереотипы в отношении женщин..., <https://nafi.ru/projects/sotsialnoe-razvitiye/>

stereotipy-v-otnoshenii-zhenshchin-i-ikh-posledstviya/).

Одно из главных мест среди регуляторов поведения и факторов, обуславливающих профессиональные представления, по мнению М. Кастельса, занимает идентичность, ведущая как к многообразию ценностей, так и к их противоречивости (Кастельс, 2004). Выступая моделью для исследования информационной социализации, интернет позволяет, в отличие от реальности, апробировать себя в разных ролях, находя себе всевозможные имена и фантазируя разные обстоятельства. Подобная коммуникация способствует положительному постижению себя, осознанию своего поведения и его мотивов (Голубева, 2018). Дистанционная организация деятельности, оставляя человека один на один с Интернетом, воздействующим на его сознание и помогающим культурно идентифицироваться, формирует определенные структуры внутренней жизни. Соответственно, появляется возможность управлять ценностными ориентациями и, по словам П. Глотца, «навязывать испорченную двойственную логику мышления и восприятия событий» (Glots, 1995, S. 38).

Конструирование виртуальной реальности не может быть раскрыто полностью без анализа виртуальной идентичности личности, характеризующей ее усилия по выбору и творческому конструированию своего образа в рамках различных сетевых платформ. Исследование сетевой идентичности дает возможность увидеть тенденции самоопределения как в имеющемся информационном пространстве, так и в реальности (Войскунский и др., 2013).

Положив в основу своего исследования концепцию стилей идентичности М. Берзонски (Berzonsky, 2008),

Е.П. Белинская и Т.Д. Марцинковская определили, что коммуникации по-разному отражаются на деятельности лиц с различными стилями идентичности. Обладатели информационного стиля стремятся получить в сети дополнительное пространство для упрочения имеющейся идентичности; для этих пользователей виртуальность и реальность – это фактически целостное, неделимое пространство коммуникации. Обладатели нормативного стиля идентичности интенсивнее связаны с особенностями виртуального пространства; если в реальности они ориентируются на социальные нормативы, то в условиях сети оказываются дезориентированы, не обнаруживая знакомых точек опоры, что затем отрицательно сказывается на их самооценке. Погружаясь в виртуальное пространство, представители диффузного стиля обычно увеличивают свое влечение к ситуативным принятым решениям (Белинская, Марцинковская, 2018).

Интересен процесс стремления к объединению субъектов со схожей виртуальной идентичностью. Н.С. Козлова в своем исследовании продемонстрировала, что респонденты с выраженной виртуальной идентичностью разыскивали в интернете лиц со схожими позициями, единомышленников, активно коммуницировали в группах и сообществах, состоящих из подобных лиц (Козлова, 2015).

Особенно эффективна для формирования универсальной виртуальной личности, мыслящей стереотипами, трафаретами и по принятым образцам, платформа «Инстаграм». Создавая виртуальный образ в своем профиле, человек стремится добиться такого эффекта, чтобы он обязательно бросался в глаза окружающим. С этой целью он выкладывает лучшие фотоснимки и видеофильмы, демонстрирующие его

достижения и успехи в труде, местности необычных профессиональных командировок и конференций, непредвиденные случаи, шокирующие ситуации из практики и пр.

В некоторых случаях поиск подобных ракурсов для «Инстаграма» превращается в навязчивую деятельность, пересиливающую любые разумные аргументы. Страх изоляции, одиночества и оторванности даже от ближайшего окружения заставляет людей руководствоваться эталонами, популярными в социальных сетях, подражать популярным, находящимся в тренде аккаунтам. Таким образом, подражание как феномен и процесс социальной психологии, заключающийся в следовании субъектом принятым в группе паттернам поведения, приобретает в сети новые, виртуальные формы, иногда противоречивые у одного субъекта в разных группах. При этом сетевое подражание отличается от реального уже хотя бы тем, что объект виртуального подражания создается с помощью специальных инструментов, а не с помощью обычных образов представлений. Несколько иным становится и подкрепление подражательного поведения в сети, в качестве которого выступают так называемые лайки. Личность еще глубже погружается в проблему зависимости, постоянно ожидая одобрения со стороны референтных для нее обитателей Сети.

Возникновение интернет-зависимости протекает намного быстрее, чем у других видов зависимостей, что обусловлено легкодоступностью и анонимностью используемой информации. Возможность представлять себя кем угодно, укрываться за какой-нибудь маской, назваться любым именем выступает в качестве одного из наиболее важных факторов интернет-аддикции (Богров, 2009).

Даже небольшая разочарованность, недоверие виртуальному партнеру может вызвать конфликт, разрыв отношений, начало поиска собеседника, в большей степени отвечающего имеющимся профессиональным представлениям. Социальные контакты в сети возникают несколько легче и быстрее, чем в реальности, чему способствуют все те же характеристики виртуальной среды – анонимность, безопасность, большая открытость и пр. (Власова, 2015).

Немало работ посвящено определению влияния виртуальной среды на эмпатические тенденции субъекта. Так, исследование Н.В. Богачевой, проведенное с помощью опросника Айзенка, показало, что для тех взрослых пользователей, кто проводит за монитором более 12 часов в неделю, а также для геймеров-женщин характерно снижение эмпатии (Богачева, 2018).

В ходе лонгитюдного исследования цифровой восприимчивости новых лидеров бизнес-школы «Сколково» было доказано, что эмпатия стала их профессионально важным качеством. Как считают авторы, это вызвано тем, что в виртуальное пространство характеризуется децентрализацией, уменьшением иерархичности в командах, где субъекты выступают экспертами в своих ограниченных областях. От лидеров требуется умение правильно определить характеристики членов команды для дальнейшего подбора приемов мотивации, разделения ресурсов и должностей. Это требует от современных лидеров проявления высокой межличностной чувствительности к изменениям эмоционального контекста в состоянии каждого участника. Подобная организация труда предоставляет больше свободы для творчества, создает комфортную среду, порождает новые ценные решения, идеи, про-

дукты, но вызывает у руководителей определенные трудности в управлении (Слободской-Плюснин, <https://hightech-fm.turbopages.org/hightech-fm/s/2020/07/31/digital-susceptibility>).

Рефлексивные механизмы также очень важны в становлении профессиональных образов, отвечая за процессы саморегуляции, самоуправления, саморазвития субъекта. Опираясь на потенциал функциональной модели рефлексии, В.Г. Аникина выделила сущностную связь виртуальной реальности как пространственно-временного континуума и рефлексии. Потенциал виртуальной реальности, по мнению автора, выступает как источник актуализации рефлексии, дающий возможность субъекту освоить не только универсальные рефлексивные действия, но и навыки решения профессиональных и личностных проблем (Аникина, 2021).

Роль рефлексии трудно переоценить, так как благодаря ей субъект формирует образы и начинает осознавать свою деятельность: формулирует получаемые результаты, конкретизирует этапы достижения цели, свои проблемы в деятельности и способы их решения, находит, за счет чего завоевывается успех, причины ошибок и т.д. В подобных случаях рефлексия достаточно часто выступает не только итогом, но и порождением, стартом новой деятельности.

В целом рефлексия, отвечая за адекватность поведения и адаптивность субъекта к трансформирующимся условиям деятельности, возникает и реализуется в условиях затруднений, когда необходимо взглянуть на себя со стороны. Рефлексивный контроль над деятельностью позволяет субъекту не только успешно ее реализовывать, но и представлять, как он это делает (Мосина, 2009).

Таким образом, цифровизация современного мира, перманентно увеличивая число работников различных организаций, выполняющих свои функции удаленно, и воспринимаемая большинством исследователей как однозначно положительная трансформация, остается малоисследованным с позиций психологии процессом, где до конца не изучено становление внутреннего мира субъекта деятельности, не проанализированы дальнейшие варианты и перспективы развития его профессионализма.

Рассмотрение профессиональных представлений в качестве индикаторов профессионализма в условиях дистанционной организации профессиональной деятельности позволяет более глубоко, подробно изучить многочисленные модификации, происходящие в сознании лиц, перешедших на «удаленную» работу, так как погружение в виртуальную среду устраняет подлинную, изначально данную природой пространственную границу реальности. Снижение интенсивности взаимодействия людей из-за расширения их «общения» с различными виртуальными собеседниками, а также поиск различных средств визуализации для создания адекватных образов в сознании сопровождаются новыми психологическими механизмами и порождают новые феномены. Так, например, передача в Сети эмоциональных состояний визуализируется в различных графических объектах. Рассмотрение имеющихся работ свидетельствует, что воссоздание профессиональных представлений субъекта определяется сформированными у него ранее установками и стереотипами, особенностями стиля виртуальной идентичности, уровнем сетевого подражания и аддикции, эмпатическими тенденциями и особенностями рефлексивных механизмов.

Литература

1. Авербух Н.В., Авербух В.Л. Деятельность пользователя систем визуализации // *Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека: сб. науч. статей*. Коломна: Гос. соц.-гум. ун-т, 2018. С. 13–18.
2. Аникина В.Г. Рефлексия и виртуальная реальность: от этимологического анализа понятий к пониманию сущностных отношений // *Психологическая наука и образование*. 2021. Т. 26, № 1. С. 19–26.
3. Белинская Е.П., Бронин И.Д. Адаптация русскоязычной версии опросника стилей идентичности М. Берзонски // *Психологические исследования*. 2014. № 7. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2014v7n34/964-belinskaya34.html>.
4. Белинская Е.П., Марцинковская Т.Д. Идентичность в транзитивном обществе: виртуальность и реальность // *Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека: сб. науч. статей*. Коломна: Гос. соц.-гум. ун-т, 2018. С. 43–48.
5. Бердяев Н.А. *Философия творчества, культуры и искусства*: в 2 т. М.: Искусство, 1994. Т. 1.
6. Богачева Н.В. Специфика эмпатии у взрослых игроков в компьютерные игры // *Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека: сб. науч. статей*. Коломна: Гос. соц.-гум. ун-т, 2018. С. 52–57.
7. Богров А.Г. *Психологический феномен Интернет-аддикции*. Волгоград: Волгоград, 2009.
8. Борисов Е.Е. Визуализация как актуальное направление распространения информации // *Молодой ученый*. 2019. № 22. С. 611–614.
9. Власова Н.В. Формирование ценностных ориентаций современной молодежи: психолого-акмеологический аспект // *Акмеология*. 2015. № 4. С. 267–272.
10. Войскунский А.Е., Евдокименко А.С., Федункина Н.Ю. Сетевая и реальная идентичность: сравнительное исследование // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2013. Т. 10, № 2. С. 98–121.
11. Гидденс Э. *Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь*. М.: Весь Мир, 2004.
12. Голубева Н.А. Современные технологии общения подростков и молодежи в цифровом обществе // *Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека: сб. науч. статей*. Коломна: ГСГУ, 2018. С. 106–110.
13. Егорова В.И. Образ в виртуальной среде // *Фундаментальные исследования*. 2012. № 9–4. С. 956–960.
14. Зенков А.Р. Цифровизация образования: направления, возможности, риски // *Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Проблемы высшего образования*. 2020. № 1. С. 52–55.

15. *Иоселиани А.Д.* Искусственный интеллект VS человеческий разум // Манускрипт. 2019. № 4. С. 102–106.
16. *Кастельс М.* Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория, 2004.
17. *Козлова Н.С.* Реальная и виртуальная идентичность // Социум и власть. 2015. Т. 52, № 2. С. 118–121.
18. *Мосина М.А.* Рефлексия как основной компонент учебной деятельности студентов в процессе изучения иностранного языка методом дистанционного обучения // Начальная школа плюс до и после. 2009. № 12. С. 61–64.
19. *Рейнгольд Г.* Умная толпа: новая социальная революция. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2006.
20. *Рогов Е.И., Моисеенко О.С.* Особенности представлений девочек и мальчиков из профильных педагогических классов о своей будущей деятельности // Мир университетской науки: культура, образование. 2020. № 10. С. 207–214.
21. *Симакова С.И.* Визуализация в СМИ: вынужденная необходимость или объективная реальность? // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2017. № 1.2. С. 135–139.
22. *Слободской-Плюснин Я.* Цифровая восприимчивость: как оценить адаптивность к веку цифровых технологий. URL: <https://hightech-fm.turbopages.org/hightech.fm/s/2020/07/31/digital-susceptibility>.
23. Стереотипы в отношении женщин и их последствия. На пути к равным возможностям в цифровой экономике. URL: <https://nafi.ru/projects/sotsialnoe-razvitiye/stereotipy-v-otnoshenii-zhenshchin-i-ikh-posledstviya/>.
24. *Тоффлер Э.* Шок будущего. М.: АСТ, 2002.
25. *Back M.D. et al.,* 2010. Facebook profiles reflect actual personality, not self-idealization. *Psychological Science*, 21 (3): 372–374.
26. *Berzonsky, M.,* 2008. Identity formation: The role of identity processing style and cognitive processes. *Personality and Individual Differences*, 44: 645–655.
27. *Glott, P.,* 1995. Chancen und Gefahren der Telekratie. *Die Neue Gesellschaft – Frankfurter Hefte*, 1: 32–41.
28. Google, Apple and 12 other companies that no longer require employees to have a college degree. URL: <https://www.cnbc.com/2018/08/16/15-companies-that-no-longer-require-employees-to-have-a-college-degree.html>.
29. *Marcus, B., F. Machilek and A. Schütz,* 2006. Personality in cyberspace: personal Web sites as media for personality expressions and impressions. *Journal of Personality and Social Psychology*, 90 (6): 1014–1031.
- as a cultural and historical context of human development: collection of scientific articles (pp. 13–18). Kolomna: State Social and Humanitarian University. (rus)
2. *Anikina, V.G.,* 2021. Reflection and virtual reality: from the etymological analysis of concepts to the understanding of essential relations. *Psychological Science and Education*, 26 (1): 19–26. (rus)
3. *Belinskaya, E.P. and I.D. Bronin,* 2014. Adaptation of the Russian-language version of the questionnaire of identity styles by M. Berzonsky. *Psychological Research*, 7. Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2014v7n34/964-belinskaya34.html>. (rus)
4. *Belinskaya, E.P. and T.D. Martsinkovskaya,* 2018. Identity in a transitive society: virtuality and reality. In: *Digital society as a cultural and historical context of human development: collection of scientific articles* (pp. 43–48). Kolomna: State Social and Humanitarian University. (rus)
5. *Berdyayev, N.A.,* 1994. *Philosophy of creativity, culture and art: in 2 vols.* (Vol. 1). Moscow: Iskustvo. (rus)
6. *Bogacheva, N.V.,* 2018. Specificity of empathy of adult computer game players. In: *Digital society as a cultural and historical context of human development: collection of scientific articles* (pp. 52–57). Kolomna: State Social and Humanitarian University. (rus)
7. *Bogrov, A.G.,* 2009. The psychological phenomenon of Internet addiction. Volgograd: Volgograd. (rus)
8. *Borisov, E.E.,* 2019. Visualization as a topical direction of information dissemination. *Young Scientist*, 22: 611–614. (rus)
9. *Vlasova, N.V.,* 2015. Shaping of value implications of modern youth: psychological and acmeological aspect. *Acmeology*, 4: 267–272. (rus)
10. *Voyskunsky, A.E., A.S. Evdokimenko and N.Yu. Fedunina,* 2013. Network and real identity: a comparative study. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 10 (2): 98–121. (rus)
11. *Giddens, A.,* 2004. *Runaway world: How globalization is reshaping our lives.* Moscow: Ves mir. (rus)
12. *Golubeva, N.A.,* 2018. Modern technologies of communication between teenagers and youth in the digital society. In: *Digital society as a cultural and historical context of human development: collection of scientific articles* (pp. 106–110). Kolomna: State Social and Humanitarian University. (rus)
13. *Egorova, V.I.,* 2012. Image in the virtual environment. *Fundamental research*, 9–4: 956–960. (rus)
14. *Zenkov, A.R.,* 2020. Digitalization of education: directions, opportunities, risks. *Bulletin of Voronezh State University. Series: Problems of higher education*, 1: 52–55. (rus)
15. *Ioseliani, A.D.,* 2019. Artificial intelligence vs human mind. Manuscript, 4: 102–106. (rus)
16. *Castells, M.,* 2004. The Internet galaxy: Reflections on the Internet, business and society. Yekaterinburg: U-Factoria. (rus)

Reference

1. *Averbukh, N.V. and V.L. Averbukh,* 2018. Activity of visualization systems users. In: *Digital society*

17. *Kozlova, N.S.*, 2015. Real and virtual identity. Society and power, 52 (2): 118–121. (rus)
18. *Mosina, M.A.*, 2009. Reflection as the main component of students' educational activity when learning a foreign language via distance technologies. Elementary school plus before and after, 12: 61–64. (rus)
19. *Rheingold, H.*, 2006. Smart mobs: the next social revolution. Moscow: FAIR-PRESS. (rus)
20. *Rogov, E.I. and O.S. Moiseenko*, 2020. Ideas of girls and boys from specialized pedagogical classes about their future activity. The World of Academia: Culture, Education, 10: 207–214. (rus)
21. *Simakova, S.I.*, 2017. Visualization in the media: a forced necessity or an objective reality? Bulletin of Samara University. History, Pedagogy, Philology, 1.2: 135–139. (rus)
22. *Slobodskoy-Plyusnin, Ya.*, 2020. Digital sensitivity: how to assess adaptability to the digital age. Available at: <https://hightech-fm.turbopages.org/hightech.fm/s/2020/07/31/digital-susceptibility>. (rus)
23. Stereotypes against women and their consequences. Towards equal opportunities in the digital economy. Available at: <https://nafi.ru/projects/sotsialnoe-razvitie/stereotipy-v-otnoshenii-zhen-shchin-i-ikh-posledstviya/>. (rus)
24. *Toffler, A.*, 2002. Future shock. Moscow: AST. (rus)
25. *Back M.D. et al.*, 2010. Facebook profiles reflect actual personality, not self-idelization. Psychological Science, 21 (3): 372–374.
26. *Berzonsky, M.*, 2008. Identity formation: The role of identity processing style and cognitive processes. Personality and Individual Differences, 44: 645–655.
27. *Glutz, P.*, 1995. Chances and Dangers of Telecracy. The New Society – Frankfurter Hefte, 1: 32–41. (Germ)
28. Google, Apple and 12 other companies that no longer require employees to have a college degree. Available at: <https://www.cnn.com/2018/08/16/15-companies-that-no-longer-require-employees-to-have-a-college-degree.html>.
29. *Marcus, B., F. Machilek and A. Schütz*, 2006. Personality in cyberspace: personal Web sites as media for personality expressions and impressions. Journal of Personality and Social Psychology, 90 (6): 1014–1031.

НАШИ АВТОРЫ

Абакумова Ирина Владимировна – доктор психологических наук, профессор, декан факультета «Психология, педагогика и дефектология», заведующая кафедрой «Общая и консультативная психология» Донского государственного технического университета, член-корреспондент РАО

Служебный адрес: пл. Гагарина, 1, г. Ростов-на-Дону, Россия, 344010

Телефон: (863) 238-13-56

E-mail: abakira@mail.ru

Березовская Регина Васильевна – магистрант Академии психологии и педагогики Южного федерального университета

Служебный адрес: пер. Днепроvский, 116, корп. 4, г. Ростов-на-Дону, 344065

Телефон: (863) 218-40-00, доб. 11635

E-mail: tpkolodyazhnaya@sfnedu.ru

Беспалая Вера Александровна – аспирант Академии психологии и педагогики Южного федерального университета

Служебный адрес: пер. Днепроvский, 116, корп. 4, г. Ростов-на-Дону, 344065

Телефон: (863) 218-40-00, доб. 11635

E-mail: rmchumicheva@sfnedu.ru

Вихарева Мария Борисовна – магистрант Академии психологии и педагогики Южного федерального университета

Служебный адрес: пер. Днепроvский, 116, корп. 4, г. Ростов-на-Дону, 344065

Телефон: (863) 218-40-00 доб. 11635

E-mail: tpkolodyazhnaya@sfnedu.ru

Гадаборшева Зарина Исраиловна – кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой педагогики и дошкольной психологии Чеченского государственного педагогического университета

Служебный адрес: ул. Киевская, 33, г. Грозный, Чеченская Республика, 364031

Телефон: (8712) 21-20-67

E-mail: zgadaborsheva@mail.ru

OUR AUTHORS

Abakumova Irina V. – Doctor of Psychological Sciences, professor, dean of the faculty “Psychology, Pedagogy and Defectology”, head of General and Consultative Psychology dpt. of Don State Technical University, corresponding member of the Russian Academy of Education

Address (work): 1, Gagarin Square, Rostov-on-Don, 344010

Tel.: (863) 238-13-56

E-mail: abakira@mail.ru

Berezovskaya Regina V. – Master’s degree student of Academy of Psychology and Pedagogy of Southern Federal University

Address (work): 116, bldg. 4, Dneprovsky Lane, Rostov-on-Don, 344065

Tel.: (863) 218-40-00, ext. 11635

E-mail: tpkolodyazhnaya@sfnedu.ru

Bespalaya Vera A. – postgraduate student of Academy of Psychology and Pedagogy of Southern Federal University

Address (work): 116, bldg. 4, Dneprovsky Lane, Rostov-on-Don, 344065

Tel.: (863) 218-40-00, ext. 11635

E-mail: rmchumicheva@sfnedu.ru

Vikhareva Maria B. – Master’s degree student of Academy of Psychology and Pedagogy of Southern Federal University

Address (work): 116, bldg. 4, Dneprovsky Lane, Rostov-on-Don, 344065

Tel.: (863) 218-40-00, ext. 11635

E-mail: tpkolodyazhnaya@sfnedu.ru

Gadaborsheva Zarina I. – Candidate of Psychological Sciences (PhD equivalent), associate professor, head of Pedagogy and Preschool Psychology dpt. of Chechen State Pedagogical University

Address (work): 33, Kievskaya Street, Grozny, Chechen Republic, 364031

Tel.: (8712) 21-20-67

E-mail: zgadaborsheva@mail.ru

Годунов Михаил Викторович – кандидат психологических наук, преподаватель учебно-методического центра «Темпус».

Служебный адрес: ул. 18-я Линия, 51, г. Ростов-на-Дону, Россия, 344019

Телефон: (863) 243-08-05

E-mail: godunmv997@gmail.com

Гришина Анастасия Васильевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры «Общая и консультативная психология» Донского государственного технического университета.

Служебный адрес: пл. Гагарина, 1, г. Ростов-на-Дону, Россия, 344010

Телефон: (863) 238-13-56

E-mail: avgrishina.donstu@gmail.com

Донской Дмитрий Юрьевич – педагог дополнительного образования детского технопарка «Кванториум», аспирант Академии психологии и педагогики Южного федерального университета

Служебный адрес: пер. Днепроvский, 116, корп. 4, г. Ростов-на-Дону, 344065

Телефон: (863) 218-40-00, доб. 11635

E-mail: shostak@sfedu.ru

Князева Людмила Вячеславовна – заведующая МБДОУ № 218 «Ласточка» г. Ростова-на-Дону

Служебный адрес: ул. 40-я Линия, 88, г. Ростов-на-Дону, 344025

Телефон: (863) 251-52-50

E-mail: detskijasad.mbdou218@yandex.ru

Колодяжная Татьяна Павловна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры коррекционной педагогики Академии психологии и педагогики Южного федерального университета

Служебный адрес: пер. Днепроvский, 116, корп. 4, г. Ростов-на-Дону, 344065

Телефон: (863) 218-40-00, доб. 11635

E-mail: tpkolodyazhnaya@sfedu.ru

Куликовская Ирина Эдуардовна – доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой дошкольного образования Академии психологии и педагогики Южного федерального университета

Служебный адрес: пер. Днепроvский, 116, корп. 4, г. Ростов-на-Дону, 344065

Godunov Mikhail V. – Candidate of Psychological Sciences (PhD Equivalent), teacher of Educational and Methodological Center “Tempus”

Address (work): 51, 18th Line Street, Rostov-on-Don, 344019

Tel.: (863) 243-08-05

E-mail: godunmv997@gmail.com

Grishina Anastasia V. – Candidate of Psychological Sciences, associate professor of “General and Consultative Psychology” dpt. of Don State Technical University

Address (work): 1, Gagarin Square, Rostov-on-Don, Russia, 344010

Tel.: (863) 238-13-56

E-mail: avgrishina.donstu@gmail.com

Donskoy Dmitry Yu. – teacher of additional education at children technopark «Quantorium», postgraduate student of Academy of Psychology and Pedagogy of Southern Federal University

Address (work): 116, bldg. 4, Dneprovsky Lane, Rostov-on-Don, 344065

Tel.: (863) 218-40-00, ext. 11635

E-mail: shostak@sfedu.ru

Knyazeva Lyudmila V. – head of kindergarten No. 218 “Swallow” in Rostov-on-Don

Address (work): 88, 40th Line Street, Rostov-on-Don, 344025

Tel.: (863) 251-52-50

E-mail: detskijasad.mbdou218@yandex.ru

Kolodyazhnaya Tatiana P. – Candidate of Pedagogical Sciences (PhD equivalent), associate professor of Correctional Pedagogy dpt. of Academy of Psychology and Pedagogy of Southern Federal University

Address (work): 116, bldg. 4, Dneprovsky Lane, Rostov-on-Don, 344065

Tel.: (863) 218-40-00, ext. 11635

E-mail: tpkolodyazhnaya@sfedu.ru

Kulikovskaya Irina E. – Doctor of Pedagogical Sciences, professor, head of Preschool Education dpt. of Academy of Psychology and Pedagogy of Southern Federal University

Address (work): 116, bldg. 4, Dneprovsky Lane, Rostov-on-Don, 344065

Телефон: (863) 218-40-00, доб. 11635
E-mail: d700074@yandex.ru

Малова Лилия Владимировна – магистрант Академии психологии и педагогики Южного федерального университета

Служебный адрес: пер. Днепроvский, 116, корп. 4, г. Ростов-на-Дону, 344065
Телефон: (863) 218-40-00, доб. 11635
E-mail: tpkolodyazhnaya@sfnedu.ru

Мартыненко Елена Владимировна – старший преподаватель кафедры иностранных языков для экономических специальностей Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)

Служебный адрес: ул. Большая Садовая, 69, г. Ростов-на-Дону, 344002
Телефон: (863) 240-34-72
E-mail: lenaart77@mail.ru

Натуркач Михаил Васильевич – аспирант кафедры педагогики и психологии Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации, преподаватель кафедры английского языка экономических специальностей факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Служебный адрес: пр-т Независимости, 4, г. Минск, Республика Беларусь, 220030
Телефон: (37529)259-61-06 (Республика Беларусь)
E-mail: michellinnoff@gmail.com

Наумов Игорь Владимирович – кандидат философских наук, доцент Академии физической культуры и спорта Южного федерального университета

Служебный адрес: ул. Р. Зорге, 5, г. Ростов-на-Дону, 344065
Телефон: (863) 219-97-40
E-mail: ivnaumov@sfnedu.ru

Рогов Евгений Иванович – доктор педагогических наук, профессор кафедры организационной и прикладной психологии образования Академии психологии и педагогики Южного федерального университета

Tel.: (863) 218-40-00, ext. 11635
E-mail: d700074@yandex.ru

Malova Lilia V. – Master's degree student of Academy of Psychology and Pedagogy of Southern Federal University

Address (work): 116, bldg. 4, Dneprovsky Lane, Rostov-on-Don, 344065
Tel.: (863) 218-40-00, ext. 11635
E-mail: tpkolodyazhnaya@sfnedu.ru

Martynenko Elena V. – senior lecturer of Foreign Languages for Economic Specialties dpt. of Rostov State University of Economics

Address (work): 69, Bolshaya Sadovaya Street, Rostov-on-Don, 344002
Tel.: (863) 240-34-72
E-mail: lenaart77@mail.ru

Naturkach Mikhail V. – postgraduate student of Pedagogy and Psychology dpt. of Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, lecturer of English of Economic Specialties dpt. of the Faculty of International Relations of Belarusian State University

Address (work): 4, Nezavisimosti Avenue, Minsk, Republic of Belarus, 220030
Tel.: (37529) 259-61-06 (Republic of Belarus)
E-mail: michellinnoff@gmail.com

Naumov Igor V. – Candidate of Philosophical Sciences (PhD equivalent), associate professor of Academy of Physical Culture and Sports of Southern Federal University
Address (work): 5, R. Sorge Street, Rostov-on-Don, 344065
Tel.: (863) 219-97-40
E-mail: ivnaumov@sfnedu.ru

Rogov Evgeniy I. – Doctor of Pedagogical Sciences, professor of Organizational and Applied Psychology of Education dpt. of Academy of Psychology and Pedagogy of Southern Federal University

Служебный адрес: пер. Днепроvский, 116, корп. 4, г. Ростов-на-Дону, 344065
Телефон: (863) 218-40-00, доб. 11635
E-mail: profrogov@yandex.ru

Романенко Надежда Михайловна – доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики и психологии Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации

Служебный адрес: пр-т Вернадского, 76, г. Москва, 119454
Телефон: (495) 434-92-71
E-mail: rimn4@yandex.ru

Рыбалко Виктория Евгеньевна – магистрант Академии психологии и педагогики Южного федерального университета
Служебный адрес: пер. Днепроvский, 116, корп. 4, г. Ростов-на-Дону, 344065
Телефон: (863) 218-40-00, доб. 11635
E-mail: tpkolodyazhnaya@sfedu.ru

Сагайдачная Елизавета Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков для экономических специальностей Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)

Служебный адрес: ул. Большая Садовая, 69, г. Ростов-на-Дону, 344002
Телефон: (863) 240-34-72
E-mail: sag-natali@yandex.ru

Толстихина Елена Владимировна – кандидат философских наук, доцент кафедры английского языка гуманитарных факультетов Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета

Служебный адрес: пер. Университетский, 93, г. Ростов-на-Дону, 344006
Телефон: (863) 218-40-94
E-mail: ufu.helen@mail.ru

Цянь Мэнсинь – аспирант кафедры педагогики и психологии Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации

Address (work): 116, bldg. 4, Dneprovsky Lane, Rostov-on-Don, 344065
Tel.: (863) 218-40-00, ext. 11635
E-mail: profrogov@yandex.ru

Romanenko Nadezhda M. – Doctor of Pedagogical Sciences, professor of Pedagogy and Psychology dpt. of Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Address (work): 76, Vernadsky Avenue, Moscow, 119454
Tel.: (495) 434-92-71
E-mail: rimn4@yandex.ru

Rybalko Victoria E. – Master's degree student of Academy of Psychology and Pedagogy of Southern Federal University
Address (work): 116, bldg. 4, Dneprovsky Lane, Rostov-on-Don, 344065
Tel.: (863) 218-40-00, ext. 11635
E-mail: tpkolodyazhnaya@sfedu.ru

Sagaydachnaya Elizaveta N. – Candidate of Philological Sciences (PhD equivalent), associate professor of Foreign Languages for Economic Specialties dpt. of Rostov State University of Economics

Address (work): 69, Bolshaya Sadovaya Street, Rostov-on-Don, 344002
Tel.: (863) 240-34-72
E-mail: sag-natali@yandex.ru

Tolstikhina Elena V. – Candidate of Philological Sciences (PhD equivalent), associate professor of English Language for the Humanitarian Faculties dpt. of Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication of Southern Federal University

Address (work): 93, Universitetsky Lane, Rostov-on-Don, 344006
Tel.: (863) 218-40-94
E-mail: ufu.helen@mail.ru

Qian Mengxin – postgraduate student of Pedagogy and Psychology dpt. of Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Служебный адрес: пр-т Вернадского, 76,
г. Москва, 119454

Телефон: (495) 434-92-71

E-mail: mayyaqian@163.com

Чумичева Раиса Михайловна – доктор педагогических наук, профессор кафедры дошкольного образования Академии психологии и педагогики Южного федерального университета

Служебный адрес: пер. Днепроvский, 116, корп. 4, г. Ростов-на-Дону, 344065

Телефон: (863) 218-40-00, доб. 11635

E-mail: rmchumicheva@sfedu.ru

Шостак Егор Валерьевич – аспирант, ассистент кафедры технологии и профессионально-педагогического образования Академии психологии и педагогики Южного федерального университета

Служебный адрес: пер. Днепроvский, 116, корп. 4, г. Ростов-на-Дону, 344065

Телефон: (863) 218-40-00, доб. 11635

E-mail: shostak@sfedu.ru

Штайдо Татьяна Сергеевна – аспирант Академии психологии и педагогики Южного федерального университета

Служебный адрес: пер. Днепроvский, 116, корп. 4, г. Ростов-на-Дону, 344065

Телефон: (863) 218-40-00, доб. 11635

E-mail: rmchumicheva@sfedu.ru

Address (work): 76, Vernadsky Avenue, Moscow, 119454

Tel.: (495) 434-92-71

E-mail: mayyaqian@163.com

Chumicheva Raisa M. – Doctor of Pedagogical Sciences, professor of Preschool Education dpt. of Academy of Psychology and Pedagogy of Southern Federal University

Address (work): 116, bldg. 4, Dneprovsky Lane, Rostov-on-Don, 344065

Tel.: (863) 218-40-00, ext. 11635

E-mail: rmchumicheva@sfedu.ru

Shostak Egor V. – postgraduate student, assistant of Technology and Vocational and Pedagogical Education dpt. of Academy of Psychology and Pedagogy of Southern Federal University

Address (work): 116, bldg. 4, Dneprovsky Lane, Rostov-on-Don, 344065

Tel.: (863) 218-40-00, ext. 11635

E-mail: shostak@sfedu.ru

Shtaydo Tatiana S. – postgraduate student of Academy of Psychology and Pedagogy of Southern Federal University

Address (work): 116, bldg. 4, Dneprovsky Lane, Rostov-on-Don, 344065

Tel.: (863) 218-40-00, ext. 11635

E-mail: rmchumicheva@sfedu.ru

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА

«Мир университетской науки: культура, образование»

1. Журнал «Мир университетской науки: культура, образование» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, рекомендованных ВАК РФ для публикации основных результатов диссертационных исследований на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по педагогике и психологии (дата включения в Перечень 01.12.2015, № 678).

2. Журнал публикует статьи по широкому спектру теоретических и прикладных проблем в сферах методологии и теории образования, истории педагогики, воспитания и изучения личности, информационных технологий в образовании, специальной педагогики, профессионального образования, повышения квалификации специалистов, компетентностного подхода в образовании, практической психологии образования, образования взрослых, управления образовательными системами всех уровней и т.д. К публикации принимаются оригинальные материалы, содержащие результаты научных исследований.

3. Объем статьи должен быть не менее 10 и не более 18 страниц. Текст набирается в соответствии с правилами компьютерного набора с одной стороны белого листа бумаги стандартного формата (A4).

4. Для кандидатов наук и авторов, не имеющих научной степени, необходимо предоставление рецензии за подписью доктора наук по специальности (педагогика или психология).

5. Технические требования к оформлению статей приведены на сайте журнала по адресу: <http://woasfedu.ru>.

6. Редакционный совет и редколлегия производят отбор поступивших материалов и распределяют их по рубрикам. Вводится специальная рубрика «Научно-педагогический поиск аспирантов». Плата с аспирантов за публикацию статей не взимается. Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей с сохранением авторского варианта научного содержания. В случае необходимости редколлегия вступает в переписку с авторами по электронной почте и может обратиться с просьбой о доработке материалов. Статьи, не соответствующие перечисленным требованиям, не публикуются и почтовой пересылкой не возвращаются.

7. Авторские гонорары не выплачиваются.

8. Дополнительные условия публикации высылаются по запросу.

Адрес редколлегии:

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42.
Южный федеральный университет.
Ответственный секретарь – Сохиева Наталья Петровна.
Тел./факс: (863) 240-47-08, e-mail: n2404708@yandex.ru

Принимается подписка:

Журнал выходит 10 раз в год.

Подписной индекс 47204 по Каталогу Роспечати. Подписка принимается в любом отделении связи России. Базовая стоимость подписки на полугодие – 600 руб.; окончательную цену устанавливают региональные управления почтовой связи.

Можно оформить подписку в редакции.

В редакции также принимается подписка на электронную версию журнала (на полугодие – 500 руб., на год – 1000 руб.). Электронный выпуск в формате PDF доставляется на указанный вами e-mail.

Архив журнала в печатном и электронном виде можно приобрести в редакции.

По всем вопросам (подписка, публикации) просьба обращаться к ответственному секретарю журнала Наталье Петровне Сохиевой по электронной почте n2404708@yandex.ru.

Научно-педагогическое издание

**МИР УНИВЕРСИТЕТСКОЙ НАУКИ:
КУЛЬТУРА, ОБРАЗОВАНИЕ**

2021. № 5

Редактор	<i>Н.В. Бирюкова</i>
Компьютерная верстка	<i>Е.А. Солоненко</i>
Дизайн обложки	<i>О.Ф. Жукова</i>
Перевод	<i>А. Андриенко</i>

Сдано в набор 07.07.2021.

Адрес редколлегии: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42.